

САМЕД

ВУРГУН

САМЕД ВУРГУН

стихотворения и поэмы

Д. 055396

Азербайджанская
республиканская
БИБЛИОТЕКА
им. М.Ф. Ахундова

БАКУ
ЯЗЫЧЫ
1986

Ш 6(2 Аз) 7 + 43

С(Аз)2
В89

Составитель Айбениз ВЕКИЛОВА

В89 Вургун С.
Стихотворения и поэмы. Б., Язычы. 1986.— 288 с.

В сборник выдающегося поэта советского периода, народного поэта Азербайджанской ССР Самеда Вургун вошли лучшие стихотворения, написанные им с 1927 по 1952 годы, в которых преобладают высокие мотивы отражения социальных тем.

Поэмы, составляющие особое богатство поэтического дарования, созданы как галерея красочных картин на самые разные, но всегда значительные темы.

Вдохновению поэта свойственны романтическая приподнятость, высокий строй стиха.

В 4702060200—135
М-656—86 166—86

С(Аз)2

© Язычы, 1986.

«МОЖНО ЛЬ ПЕСНЮ ИЗ ГОРЛА УКРАСТЬ?..»

Народный поэт Азербайджана Самед Вургун (1906 — 1956) обогатил сокровищницу многонациональной советской литературы талантливыми художественными произведениями.

Идеалы и требования нашей эпохи, всепобеждающие идеи Коммунистической партии были в центре художественного и социально-философского мышления Самеда Вургун, его поэзия неизменно черпала в них силу и вдохновение.

Первое известное нам стихотворение С. Вургун «Письмо Шикесте» написано в 1924 году. Но печатается поэт с 1926 года.

1931 — 1941 годы — необычайно плодотворная, насыщенная страница биографии Самеда Вургун, создавшего произведения, этапные для всей нашей поэзии и драматургии. Нельзя не удивиться этому стремительному и щедрому расцвету его таланта. Только в 1935 году С. Вургун создал семь поэм и около ста стихотворений. В эти годы С. Вургун не только пишет замечательные стихи, в том числе хрестоматийный шедевр «Азербайджан», широко известный в русском переводе А. Адалис, но и осуществляет блестящие переводы пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин» и части эпоса «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели, отмеченные соответственно Пушкинской медалью и Почетной грамотой ЦИК Грузинской ССР. В 1937 году Вургун создает драму в стихах «Вагиф», два года спустя — пьесе «Ханлар» и, уже в разгар войны, завершает драму «Фархад и Ширин», удостоенную Государственной премии СССР. Эти сценические произведения увидели свет рампы не только в республике, но и во многих городах страны — Москве, Ленинграде, Киеве, Душанбе, Тбилиси, вызвав широкий общественный резонанс.

Тема социалистического переустройства деревни стала одной из основных не только в творчестве С. Вургун, но и во всей азербайджанской литературе.

В «Комсомольской поэме» (основные части написаны в 1931—1935 годы) поэт создал эпическое полотно со сложным и драматическим переплетением классовых и личных мотивов, сочетающее историческую достоверность с лиризмом и романтическим воодушевлением. Эта поэма как бы предопределяет главные художественные свойства дальнейшего творчества С. Вургуна.

«Комсомольская поэма» повествует о первых годах Советской власти в деревне, ожесточенных классовых конфликтах, борьбе коммунистов и комсомольцев с озлобленными бандитами-контрреволюционерами — бывшими господами и их приспешниками, не гнушавшимися никакими средствами для нанесения ущерба молодой Советской власти.

Следующий исторический этап в жизни азербайджанского народа, когда деревня уже твердо стала на рельсы коллективизации и социалистического развития, отражен в поэмах «Слово о колхознице Басти» и «Талыстан», которые по замыслу автора должны были войти в дастан «Азербайджан», оставшийся незавершенным. Поэма, посвященная знатной труженице хлопковых полей Басти Багировой, вырастет в гимн труду, в романтическое повествование о раскрепощенных творческих силах женщины-азербайджанки. Здесь утверждается еще одна магистральная тема в творчестве С. Вургуна — раскрепощение сознания женщины-азербайджанки и приобщение ее к активному творческому труду. В галерее женских характеров — Умай («Комсомольская поэма»), Басти («Слово о колхознице Басти»), Мания («Мугань»), Айгюн (одноименная поэма) — воплощаются различные аспекты и стадии этого исторического процесса.

Особое место в творчестве С. Вургуна принадлежит поэме «Двадцать шесть», опубликованной в начале 1938 года. Это яркий образец революционного искусства, дышащий несокрушимой верой в торжество новой жизни и ненавистью к интервентам, расстрелявшим славных коммунаров в песках Ахчакума.

Вургуно удалось самобытно решить эту ответственную тему. Лирическая проникновенность, романтический пафос в сочетании с достоверностью метких деталей создают широкое многоплановое полотно. Патетический реквием по павшим героям — интернациональной когорте борцов за Советскую власть — завершается просветленными, решительными аккордами, утверждающими мысль о бессмертии дела коммунаров.

Иль колеса истории движутся вспясть?
Или солнце погасло, устав сиять?
Нет, героев недаром взрастила страна,

И в истории ваши блещут имена.
Пусть истлели тела — мощный дух не погас,
Мы героями быть научились у вас!

В поэме «Скамья смерти» (1934), отклике на позорное лейпцигское судилище, учиненное над славным сыном болгарского народа Георгием Димитровым, поэт показал духовное превосходство героя-коммуниста, превратившегося из обвиняемого в обвинителя фашизма. Вообще, предельное заострение идей, представляемых персонажами-антиподами, доведение конфликта до драматических и трагических высот — характерная черта ряда эпических полотен С. Вургуна, в том числе и его поэтической драматургии.

В первые же дни Великой Отечественной войны С. Вургун написал строки, достойные стать программными для всей азербайджанской поэзии:

Услышьте, родные твердыни, меня,
Считайте солдатом отныне меня.

«На страже Родины»
Перевод А. Адалис

Это была клятва поэта в верности Родине и народу. Интересы всенародной борьбы требовали максимального сближения художественного слова с нуждами фронта и тыла, немедленного отклика на стремительно развивающиеся события. Это слово призвано было вооружить сражающиеся массы, говоря словами М. Шолохова, «наукой ненависти».

В могучем многоязычном хоре советской литературы громко и пламенно звучал голос С. Вургуна — поэта, публициста, глашатая мужества и веры в победу. Антифашистская, патриотическая тема, начатая еще в 30-е годы, обрела новый накал и звучание в его творчестве. Не случайно в военный сборник «Во имя счастья» (1942) он включил и антифашистскую поэму «Скамья смерти». В стихотворении «На страже Родины», написанном на второй день войны, понятие Родины обрело особую емкость и сокровенную силу. Если в ряде довоенных стихов поэт обращался к воинам с призывом беречь священные рубежи страны, то теперь вопрос стал о защите всех завоеваний революции и социализма, о самом существовании социалистической отчизны.

Стихи, посвященные героям Великой Отечественной войны, бойцам и партизанам, составляют целый цикл — «Красные соколы», «Подвиг героя», «Храбрые соколы», «Сыну Азербайджана», «Партизану Бабашу», «Знаменосец» и другие. Эти стихи вызваны к жизни реальными примерами ратной доблести и мужества, прояв-

ленными сапером Кямалом Касумовым, летчиком Мазанром Аббасовым, Героем Советского Союза снайпером Исрафилом Мамедовым, партизаном Бабашем Дадашевым, бойцом Гусейном Аждаровым, первым подружившим знамя в освобожденном Орле.

Конечно, в стремительном ритме военной страды, звавшей потрясенное сердце к слову и действию, трудно было осуществить детальную обстоятельную разработку характеров, как это возможно в относительно неторопливое мирное время. Тем не менее художественный опыт накапливался, росло мастерство при переходе от частного к общему, от эпизода к панораме, от момента к перспективе; эскизность, очерковость превратились в полнокровное воплощение индивидуальных черт людей. В стихотворении «Подвиг героя» повествуется о боевых действиях Кямала Касумова, подорвавшего мост, — факте, известном уже из печати того времени:

Ты славен по всему Азербайджану,
Тобой гордятся склоны гор крутые,
И распевают о тебе дастаны
В степях муганских турачи седые.

Перевод П. Железнова

Произведения Самеда Вургуня, созданные в послевоенный период, свидетельствуют о неистощимой творческой энергии и неизменно остром ощущении пульса времени. Среди них поэмы «Мугань» (1948 — 1949), «Старые друзья» (1949), «Читая Ленина» (1950), «Айгюн» (1950 — 1951), «Знаменосец века» (1952).

С. Вургун принимал участие в проводившемся с 25 по 28 августа 1948 года во Вроцлаве (Польша) Всемирном конгрессе деятелей науки и культуры и слышал там речь американского негра, которая и послужила материалом для создания поэмы «Негр говорит». Вургун писал по этому поводу в своей статье: «Один из американских негров в своем выступлении... сказал, что если даже под колесами поезда свободы останется и погибнет любимая и дорога ему мать, то он и в этом случае не скажет поезду свободы «Остановись!», а будет вести его до конечного пункта, до конечной цели».

«Негр говорит» — знаменательное событие не только в творчестве С. Вургуня и в азербайджанской литературе, но и вообще в советской поэзии. Поэма Вургуня — произведение, вдохновенно и исторически верно отражающее пробуждение негров от глубокого рабского сна, их национально-освободительное движение.

Америка!

Мой милый край!

Мой старый дом!

Мой Новый Свет!

Твой воздух, небо и земля навеки мне принадлежат...

...Моя богатая земля, край золота и серебра,

Ответь, дано ли право мне глядеть в глаза твоей весне,

А если нет, то дай ответ, что без отчизны белый свет?

В «Айгюн», в отличие от «Мугани», поэме с четко очерченным и психологически разработанным сюжетом, С. Вургун показал благотворное влияние новой морали и нового отношения к труду.

Если в «Мугани» и «Старых друзьях» в центре повествования положительные характеры (Мания, Сарван, уста Мурад), то в «Айгюн», наряду с людьми новой формации (Айгюн, Немат), показан характер-антипод, трудное нравственное выпрямление его через драматическое столкновение с жизнью (Амирхан). «Айгюн» — многоплановое произведение, по построению напоминающее «Комсомольскую поэму». Судьба этого произведения сложилась негладко. Вскоре после опубликования (1952) поэма была подвергнута предвзятой, тенденциозной критике. Критиков не удовлетворял сам факт появления в поэме отрицательного персонажа, каким вначале предстает перед нами агроном Амирхан, муж Айгюн, — натуры цельной, волевой, творческой. Главнейшее достоинство этого произведения — решительный отказ от черно-белых тонов, психологическая нюансировка и достоверность в обрисовке героев. «Айгюн» относится к числу завоеваний азербайджанской поэзии, мы находим в этой поэме новые черты воплощения семейно-бытовой темы.

Поэмы «Читая Ленина» и «Знаменосец века» — образцы лирико-эпического творчества. Поэма «Читая Ленина» — это проникновенное раздумье о многострадальных путях человечества, разобщенного классовым антагонизмом и упорно идущего к достижению социальной справедливости. Произведение дышит неподдельной революционной патетикой, верой в неодолимую силу солидарности людей труда во всем мире, людей — борцов за дело коммунизма:

Вперед, поэты! Сильными руками

Раздвинем шире занавес времен!

В грядущее войдем большевиками

Под славной сенью ленинских знамен!

Этот мажорный, энергичный призыв подготовлен всем дыханием поэмы, удивительно естественной по интонации, по публицистическому накалу и лирической силе.

В «Знаменосце века» поэт обзрывает историю человечества, которая открывается ему как борьба идей. В основе поэтического повествования динамика самой истории, пути революционной партии. Обращенность в будущее, особая романтическая окрыленность,

соотнесение сегодняшнего с прошлым и будущим — характерное свойство художественной манеры С. Вургуна.

Совершенство, достигающее классических высот, в сочетании с глубокой партийной убежденностью, лирическая проникновенность, национальная форма в органичном единстве с интернационализмом и общечеловеческой сущностью снискали творчеству Самеда Вургуна мировую славу. Его произведения вошли в золотой фонд советской многонациональной литературы.

Дарование С. Вургуна достойным образом оценили выдающиеся мастера слова советской страны — А. Фадеев, Н. Тихонов, П. Антокольский, К. Симонов, П. Тычина, Г. Гулям, Г. Леонидзе, Р. Гамзатов, К. Кулиев и многие, многие другие.

Велики заслуги П. Антокольского, А. Адалис, К. Симонова и других мастеров русской поэзии, блестяще переводивших произведения С. Вургуна.

Слова всенародной любви и признания с особой силой прозвучали в юбилейные майские дни 1956 года. Сам поэт не мог присутствовать на торжестве — он был прикован к постели. Через несколько дней, 27 мая 1956 года, его не стало. Он ушел из жизни в ореоле любви народа, благодарно повторяющего его вдохновенные слова:

Можно ль песню из горла украсть? — Никогда!
Ты — дыханье мое, ты — мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города...
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан!
Азербайджан, Азербайджан!

Бахтияр ВАГАБЗАДЕ

Здравствуй, родина-мать!
С благодарностью я:
Ты открыла мне путь, ты — надежда моя.
Почему же не спросишь: «Какие края
Посетил, мой поэт, путешествуя, ты?»

Соколиная высь просветлела в горах,
Навсегда улеглись недоверье и страх.
Как зажегся огонь вечной дружбы в сердцах,
Черный ветер поник и не стонут хребты.

Видел я Арарат, чья вершина грустна,
Постоял у скалы, что звенит, как струна.
Уходила зима — наступала весна,
Пыль смывали ручьи, грохоча с высоты.

Видел Грузии дочь на широком лугу,
Пела с нами она и плясала в кругу.
Черных кос на груди я забыть не могу.
Не могу позабыть я такой красоты.

Пусть полюбит меня, став моею весной,
Пусть смеющимся маком цветет предо мной.
А умру — стану пусть родниковой волной,
Что и жниц напонт, и хлеба, и цветы.

1927

* * *

Всё! Хватит мудрым докучать, выпрашивать, что значит
жизнь,
Ты сам найди пример живой, что идеалом должен стать.

«Чья совесть подлинно чиста, тот дуралей», — твердят
одни,
Твой спор о смысле этих слов для них провалом должен
стать.

Пустые звуки — стон и вопль, пустое дело — слезы лить,
Не будь потоком слабых слез, ты мощным валом должен
стать.

Кто хочет мудрым стать, пускай не обижается на нас —
Кто о бывалом говорит, тот сам бывалым должен стать.

Вургун, влюбленный я Вургун, — не пораженный,
не Душгун,
Я победителем-борцом в большом и малом должен стать.

1927

* * *

Меня постигла сызмала беда —
Тебя зарыли в землю навсегда.
Птенцом без крыл я выпал из гнезда,
Без матери и воля как темница.

Ты светлые лелеяла мечты,
Великой ты достойна высоты.
Ищу тебя глазами, где же ты?
Взгляни, как сын твой в пламени томится

Взошла, как солнце, ты и вдруг ушла,
Оставив мне печали без числа,
Чего достичь за столько лет смогла, —
Так что же было в землю торопиться!

Поднимет бурю вздох горячий мой,
Открой глаза, хотя б на миг открой —
Сейчас пора иная, век иной,
К добру над миром вспыхнула зарница.

Тебя обнять, поцеловать хочу,
Сполна понять, что значит мать, хочу,
Чтоб свидеться, я смерть принять хочу —
Как по-другому мне к тебе пробиться!

1927(?)

КЛЯТВА

Я клятву дал не унижать пера —
Жеманницы меня не вдохновят.
Настала просветления пора —
Не омрачит изменница мой взгляд.

Я долго по-мальчишески страдал —
Меня ты предал, ложный идеал,
И я тебя забвению предал —
Не возвратится прошлое назад.

О люди! Как посмел я жить без вас!
Вы — сила сердца, вы — отрада глаз,
Не будет о пустом брнчать мой саз,
Он с вечностью обнимется, как брат!

1928

Пускай цветники и луга улыбаются,
Пускай увяданья не знают они!
Воспрянь, как стихи мои, жизнь обновленна
И стань затаенным мечтаньям сродни!

О счастье! Приди, небывало высокое,
И каждого здесь, на земле, осени!
В заботах простых отразись человеческих
И в хлебных колосьях, святых искони!

Как может тоска по одной привереднице
Все радости мира оставить в тени!
Не дай же, чтоб снова нахлынуло прошлое, —
Утопят Вургун тоскливые дни!

1928

ВЕСЕННЯЯ ПЕСЕНКА

(Малышам)

Добрым солнечным огнем
Всё разбужено кругом.
Улеглась в горах метель,
Соловьев рокошет трель.

Мак цветет, бурлит река,
Окрылились облака,
И, несмелая сперва,
В буйный рост пошла трава,
В пене розовой сады,
Нарастает звон воды,
Мир гудит, бурлит, поет,
И обрадован народ.

1928

МАТЕРИ

Мне говорят, что ты глядишь, родная,
На пыльный путь с утра до темноты...
Я дни прошедшие припоминаю, —
Сыновье сердце лаской грела ты.

Когда друзья мне пожимали руку,
Когда «прости» я говорил друзьям,
Ты, в скорбном сердце подавляя муку,
Приникла с нежностью к моим глазам.

С тех пор я не беседовал с тобою;
Ты только в памяти моей жила.
Не в силах сердце позабыть былое.
Разлука тучей позади легла.

«Ступай, мой сын, — твои твердили взоры, —
Разлука наша будет недолга.
Суровы будни зимние, но скоро
Ковром цветов покроются луга».

Твои слова мне снова силу дали.
Уехал я, свою печаль гоня.
Невиданные распахнулись дали,
Морозный ветер освежил меня.

Здесь дни бегут. Не описать словами
Движенья, устремленного вперед.
Мир не живет бесплодными мечтами:
Он соки жизни у земли берет.

Тут нет разлук, нет горестного вздоха,
Любви Санана ты не встретишь тут.
Тут мысль кипит, творящая эпоху,
Тут гении бессмертные живут.

Скажи, родная, спеть какую песню?
Сердца свободны, чувства без цепей.
Поэт — преображенной жизни вестник —
Припомнит ли печали прошлых дней?

Глаза ясны, душа тоски не знает,
И радость жизни в сердце глубока.

2. 655396.

Мне молодость моя напоминает
Весеннее обилие цветника.

Моя весна пытлива и упорна.
Средь мудрых книг проходит жизнь моя.
Я часто вспоминаю гребень горный...
Я к вам вернусь, родимые края!

1929

НОВЫЙ МИР

Пронесутся тучи,
как будто шая,
Волнуется море,
шумя и бурля.
В свободном движенье
навек воплощен
Бессмертный и мудрый
природы закон.

И думы,
и чувства,
и времени бег
Стремится себе подчинить человек.
К высокому счастью стремятся сердца, —
Нет жизни начала
и нет ей конца.

1929

ДВИЖЕНЬЕ

Назыму Хикмету

Движенье!
Движенье,
ты — крови кипенье,
Вчерашнего
бурное преодоление.
Вновь в мыслях спускаюсь
в глубины ночей,

Без крова скитаюсь,
кричу я:
«Эгей!»
Мной движет не страсть,
не беда,
не разлука,
А жажда познания,
счастливая мука.

Движенье!
Движенье!
Извечная сила,
Всё сущее в мире
преобразила.
Красавица,
ты угадать не стремись,
Что мысль будоражит
и двигает ввысь.
Жить жаждет трава,
и цветок, и побег, —

Законы движенья
познал человек.
Спускается вечер.
В мерцающей мгле
Свеча предо мною
горит на столе.
Перо мое,
движет тобой вдохновенье.
Не сетуй,
работай,
включайся в движенье!

Движенье,
движенье,
живого закон!
Я счастлив:
я в небо
и в землю влюблен!
Пусть северный ветер,
голец долгожданный,
Взметнет
и развеет
страницы Корана.

Чтоб все
 подневольные
 страны Востока
Расправили грудь
 и вздохнули глубоко...
...Движенье!
 Движенье!
 Мечтой улетаю
В безмолвие снега,
 туда,
 в Гималаи.
Я вижу пустыни
 преображенье
И розовой гучки
 рассветной круженье...
Тобою и мною
 сотворено,
Движенье,
 движенье —
 бессмертно оно!

1929

РАПОРТ

Рабочим бакинских промыслов

ВСТУПЛЕНИЕ

Я —
 поэт
 миллионов,
пропахших
 бензином и серой.
Я — враг
 буржуазных салонов,
одетых
 в драпри
 и портьеры...

ОБРАЩЕНИЕ

Бей!
Я кричу: бей!
Крепче бей,
не робей!
От всей души
 я желаю тебе,
чтоб свежее силой
 руки твои налились,
чтоб руки твои
 переделали жизнь,
чтоб изменили
 наше село,
чтоб люди забыли
 о нищенской жизни былой.
Привет!
 Горячий привет
 в песнях своих и речах
шлет тебе твой поэт,
новый поэт,
 который
фразы-моторы
 несет на плечах!
 Привет!
Брат мой, крестьянин!
Мы
 хлеба с земли
на пропитанье
собрать
 не могли...
Но я
 никогда, ни на мгновенье,
не прикрывал, как наседка, крылом
то, что могло с прямого пути
в сторону нас увести,
и — не искал спасенья
 в былом.
Время —
 придирчивый командир —
меня учило не раз
очки,
 затемняющие мир,

очки,
искажающие мир, —
сбрасывать с глаз.
И — тайной окутанный,
как пленой,
наш мир
в новом виде
предстал предо мной.
Я позабыл
беспомощный бред,
которым кормил меня дед
в дымной хибарке,
в селе, где я рос,
вечно оборван и бос.
Я позабыл туманные сны,
грустные, пьяные сны.
Не помню, о чем родники,
звеня,
пытались со мной говорить...
Но время
не отняло у меня
жажду
жить
и творить!..
Я распознал
(постепенно, не сразу!)
живущих в крови бацилл,
несущих
романтики старой
заразу.
Распознал
и — убил!
У-
бил!
И, с чувством торжества,
сказал:
«Мы — истории творцы!»
(Это великие слова
величайшего гения.)
Мы пашем поля, строим дворцы,
выигрываем сражения...

Я — твой поэт,
рабочий класс!
Признан я иль не признан,
я тоже обязан камни класть
в фундамент социализма!
Слава!
тем,
чьи могучие руки
возводят
дворцы,
обрекая лачуги на слом!
Смерть!
тем,
кто, надев очки лженауки,
прекрасное ищет
в ничтожном былом!
Слава!
ударникам,
в первых рядах
идушим под стягом алым,
растящим хлопок
в пустынных степях,
прокладывающим каналы!
Позор!
тем,
кто голову прячет, как страус!
Позор торговцам с жадною хваткой!
В их душах бессильная злоба и хаос,
их жизнь
жидка,
как яйцо всмятку!
Бей!
Я кричу: бей!
Крепче бей,
не робей!
От всей души
желаю тебе,
чтоб свежее силой
руки твои налились,
чтоб руки твои
переделали жизнь,

чтоб изменили
наше село,
чтоб люди забыли
о нищенской жизни былой!

Гей,
гей,
с лучами в очах,
новую жизнь
подымай на плечах!

Я видел
идущих впереди
с пятиконечным огнем на груди,
людей, не знающих страха,
сбросивших страх вместе с грязной рубахой...

Я видел:
сопротивляясь напрасно,
бежало прошлое прочь!

В школу пошла
в галстуке красном
моей матери дочь.

Я видел
большевиков железных,
идуших в наше село,
учащих грамоте нас в ликбезах,
клеветникам назло!

Время течет,
как поток, вперед!..

Увижу
сельчан своих,
готовых
дружно вступить в колхоз,
вплоть до старух сереброголовых,
полуослепших от слез...

Сердцем чувствую это,
горячим сердцем поэта...

Увижу
родные поля без межей!

Увижу —
настанет срок —

гибель
хищных, крутящих усы торгашей...
Время течет,
как поток...

У-вижу!
Из прошлого века
в новый
шагнул Восток.
Меняется мысль и душа человека!..
Время течет,
как поток...

Потока времени
регулятор —
армия пролетариата!

Гей,
гей,
с лучами в очах,
шагай вперед веселей!

Скоро зажгутся в селе
лампы Ильича!

Я
посвящу им
тысячи строк!

Я в песне скажу:
электрический ток
нам власть народа дала!
Вот он — рабоче-крестьянский блок,
блок
города и села!..

Пусть —
от нас уйдут навсегда
темнота и нужда!

Пусть —
к нам придет по каналам вода,
по рельсам придут поезда!

Пусть —
будут водителями электровозов
ударники наших колхозов!

Пусть —
расцветает радостно юность,
прогнавшая прошлого тень!

Пусть —
ударники, соревнуясь,
приветствуют завтрашний день!..
Это время не за горою!
«Сегодня» станет «вчера»,
и, завтрашний день,
как сегодняшний,
строю,

мы
воскликнем:
«Ура!»

1930

ГОЛОС ПОЭТА

Микаилу Мушфику

Во мне ненастье закипает снова.
Пускаюсь сквозь ночную бурю вплавь.
Мечтанья — слишком зыбкая основа,
Пусть мудрость мне свою откроет явь.

Волненье нарастает, плещет море, —
Я обнимаю искренне прибой
И размягчаюсь так, как будто вскоре
Расстаться предстоит с самим собой...

Порою крылья дум вздымает ветер,
Повыше в небо норовя взметнуть.
Гоню во весь опор коней столетья,
Ведь этот путь иной — не прежний путь.

Я устремляюсь к жизни настоящей,
Чтоб не увлечься призрачной опять.
Смотрю я в книги Ленина все чаще,
Чтоб от друзей в походе не отстать.

1930

О ВЕСНЕ

Гляжу на тебя, весна, разгорается взгляд:
Ты зеркало юности вольной моей, весна.
Облака твои легкие нежно на землю глядят,
Остановятся что-то сказать, только речь неясна...

Ты зеркало юности вольной моей, весна.
Я с тобой неразлучен, хоть годы лежат позади...
Жизнь сурова была, жизнь великой борьбе отдана,
Но привольно и сладко вздохнула родная страна.

Весь я в будущем, в новом, и все мне открыты пути.
Горячо и стремительно кровь моя в жилах поет.
Много в сердце желаний, и все они сбыться хотят...
Кто мне скажет: «Любовь лишь пустая забава» — солжет!..

Есть и верность, и честь — их живая любовь бережет.
Ничего не скрывая, я первой скажу это ей.
Целым миром хочу я владеть, всем, что есть на земле!
Буду петь и твердить, как поет и твердит соловей,
«Жизнь — великое счастье, что может быть жизни живей?»
Целым миром хочу я владеть, всем, что есть на земле!»

1933

КАВКАЗ

Над тобой поднимаются думы мои,
Режут небо они пополам.
То спускаются вдруг до ползущей змеи,
То возносятся снова к орлам.

Хлещут ветры тебя с четырех сторон,
Облака залегли кругом.
И Эльбрусом седым заслонив небосклон,
Ты молчишь, Кавказ, о былом.

Да, века не удержишь в арканах тугих!..
Феодалы, абреки и ханы —

Все ушли в небытие! Не расскажут о них
Ни орлы, ни снега, ни туманы...

Но ты помнишь, Эльбрус, ты еще не забыл,
Как в далекие, темные годы
Здесь изгнанник-поэт, размышляя, бродил
И слагал свои песни свободы?

Через сумрак былого я тоже прошел
И поэтому понял сегодня,
Что надежно построен в грядущее мол
И разрушены к прошлому сходни.

Я взволнованным голосом славлю Кавказ,
Обновленный, горячий и строгий,
В рудоносной горе поднимающий пласт,
Возводящий мосты и дороги.

Всё бодрее, всё радостней годы идут,
И мужают дела молодые...
Всё иное теперь: чувства, думы и труд,
Чудеса и науки иные!..

Разольется ли знойными красками день —
Он в труде застает человека,
Ночь ли бросит на горы прозрачную тень —
Эта тень не скрывает абрека...

Но оружие — кирка — по ущелью гремит,
Бросив гулкое эхо в просторы;
Вижу: вот под скалу подвели динамит,
Чтоб дорога легла через горы.

Не слышать караванных теперь бубенцов
Под кавказским полуденным небом.
По дорогам идут не товары купцов,
А обозы колхозные с хлебом.

Наливаются яблоки в наших садах,
Умываются росами зори,
И тучнеют на пастбищах наши стада,
Словно тучи, спускаясь с предгорий.

Даже следа былого, разбитого в прах,
Не найти на траве и камнях!..

О, Кавказ! Как отраднo почувствовать вдруг —
В новый мир мы вступили с тобою.
Я — поэт, и строитель эпохи, и друг
Замечательных наших героев.

Так запеть, чтоб зажечь, — о сегодняшнем дне,
О Кавказе, о пафосе этом...
Вот поэтому только и хочется мне
Быть большим, настоящим поэтом!..

1934

МАТЬ

Когда о ней я думаю порой,
Я сотрясаюсь, как от ветра взгорий.
Да, веткой, что висит над пустотой
И рвется вдаль в своем глубоком горе,
Я сотрясаюсь, как от ветра взгорий.

Что было ей судьбою суждено?
Латать да стряпать, отдыха не зная.
Так в доме исстари заведено!
Должна она, еще до зорь вставая,
Латать да стряпать, отдыха не зная.

Отец лежал — был им покой любим, —
Хоть солнце высоко уже сияло,
А мать всегда робела перед ним
И всё трудилась, рук не опускала,
Хоть солнце высоко уже сияло.

Затем она, вздыхая тяжело,
Печалилась, судьбу свою корила.
Припомня юность, всё, что уж прошло,
Обиды жизни помянув уныло,
Она печалилась, судьбу свою корила.

Был взор ее черней ее судьбы.
Она глядела в облачное небо.
Шепча горам о горестях рабы,
Она глядела в облачное небо.

Дрожа от холода, на утренней заре
Однажды шла она с сосудом по горе,
Водюю ключевой сосуд наполнив. Что же
Преградой на пути явилось ей? Прохожий.

«Остановись! Постой! Откуда родом? Стран
Каких нагорных ты, стремительный джейран?»
Движенье чистых чувств звучаю в этой речи,
Как в песне о любви, излившейся при встрече.

Не отвечала мать, стремясь скорей домой,
Дрожа, как веточка под бурей ветровой.
Когда ж вернулась в дом, сама смеясь немало,
Всё, не скрывая, мужу рассказала.

«Корова не мигнет — не прыгнет бык», — и, яр,
На голову ее обрушился удар.
О землю головой ударилась... Родная!
Она упала ниц, спасения не чая.
А в чем была вина? Вот, дорогая, вот
Как ревность черная порою сердце жжет!

Улыбки с этих пор она уже не знала,
И сердце мучилось, и сердце изнывало.
Подбитой пташкой в томительном плену,
Обиду помнила всё ту же, всё одну.

Вздохнула тяжело грудь, струились слезы в горе,
И вздохам тягостным внимали молча горы.
И счастья никогда она не знала, нет!
Так жизни молодой закатывался свет!

И женщина, скорбя, терпя вседневно муку,
От жизни отошла на вечную разлуку.
Безмолвно, не дыша, стоял наш старый дом,
И над живыми смерть торжествовала в нем.

И стал другим отец, он изменился странно;
Все мысли путались в уме его туманном.
На ложе матери он взглядывал порой,
Всем телом вздрагивал и никнул головой.

Он молча сожалел о ней, о всем, что было...
Утраты боль его мучительно томила,
И на виски пал снег — седела голова.
Играть он страстно стал, и пить он стал тогда,
Чтоб только позабыть о той, что на погосте.

Без усталости бродил, ходил к соседям в гости.
Болезненной была привычка эта. Он
Порою был тогда в безмолвье погружен,
Ища прощения, молитвам сердце предал,
И радости с тех пор до смерти он не ведал.

...Подумай, милая, подумай ты, ведь вот
Как ревность черная порою сердце жжет!

1934

МОРСКОЕ КАТАНЬЕ

Любимая, взгляни — какие ночи!
Мерцают звезды, как живые очи,
Луна ковер простерла над водою,
И шепчется волна с густой травой,
Маяк мигает проходящим мимо.
Он бурной ночью — друг незаменимый.
Взрывая волны, пароход уходит.
Стучит машина — и на пароходе
Мне виден капитан седобородый,
Упорно подчиняющий природу;
С тех пор как встал он за штурвал впервые,
Не устают ладони трудовые.

Морского дна не различить, подруга,
Качает лодка люлькою упругой,
Волна взлетает, падает... и снова
Плывет дыханье холодка морского.

Как хороша прогулка ночью лунной,
Пока вдали оркестр играет струнный,
Пока мечта зовет уйти в просторы,
Где водяные вырастают горы.
И лодка между волнами — змеєю,
И ты, мой друг, беседуешь со мною!..
Возлюбленная, как прекрасна полночь!
Покачивая лодку, мчатся волны
В седую даль... И им напев слагает
Певец, что край родимый прославляет.
Пусть умолкает голос птицы дальней —
Ты песен ждешь о жизни беспечальной —
Взлетают волны черными буграми,
И лопается пена за бортами,
И лодка между волнами — змеєю,
И ты, мой друг, беседуешь со мною!..

1934

ПЕСНЯ

Любимая! Жизнь человека не вечна.
Умчится, как будто вспорхнувшая птица.
И с нами так будет. Мы тоже, конечно,
Земному закону должны поклониться.

Стань рядом со мною, послушай журчанье —
Струящихся вод колыбельную песню.
Из мира должны унести на прощанье
Мы юности песню... Нет дара чудесней!

Не бойся труда, одолеешь преграды!
Ты в лучшей поре своей юности смелой.
Всю ночь над ребенком склоняться не надо,
Как мать над моей колыбелью сидела.

Когда на трибуне стоишь ты, волнуясь,
Как мил мне твой говор и голос твой юный!
Горячему сердцу всегда повинуюсь,
Нам весть о грядущем неси ты с трибуны.

Любимая! Вместе давай неустанно
Трудиться с народом, к вершинам идущим.
Мы будем работать, напишем дастаны, —
Бездушными не назовут нас в грядущем.

1935

ПАМЯТЬ

Ты мне говорила, расставаясь:
«Не вернуть в гнездо тебя, мой аист!»
Много лет прошло с тех давних пор,
Много раз тебя искал мой взор;
Если рассказать про все, что было,
На бумаге выцветут чернила.
Да и как сказать, про что начать?
В книге жизни — мелкая печать.

Города меня в объятья взяли,
Но цветут у памяти вначале
Ручейковых струек повторенье,
Веянье акаций и сирени,
Золотого колоса поклон,
Муравою выстеленный склон,
Вешних трав туманное куренье,
Вешних звезд неясное горенье, —
Все бежит передо мной гурьбою,
Что могло бы стать моей судьбою.

Да еще глаза мои влекли
Тянущие к югу журавли...

Треск огня и дым родного дома —
Как все это близко и знакомо!
Сырость пола, теснота тахты —
Бедной жизни мелкие черты.
Нежный перезвон родного саза,
Как тебя узнать я мог бы сразу —
Тихую столетнюю судьбу,
Легшую на материнском лбу?

Эту жизнь я бросил за собою,
Что могла бы стать моей судьбою.

Ты мне говорила, расставаясь:
«Не вернуть в гнездо тебя, мой аист!»
Долго-долго, много лет подряд,
Те слова в груди моей горят.
С губ твоих они мне раздаются,
С губ твоих то плачут, то смеются,
С губ твоих, горячих и поблекших,
Прямо в сердце, прямо в душу легши.
Песню, сердце, силу, жизнь бодрят
Много весен, много зим подряд.

Матери остывшее объятье,
Нет, не мог с тобою потерять я
Звона песни, сердца чистоты,
Если в сердце оставалась ты!
Буря, прочь от этого порога!
Вот гляди, как я запомнил много,
Как сквозь боль, и скорбь твою, и тьму
Я стремился к сердцу твоему.
Мой привет летит к тебе с дороги,
Мой привет тебе поклоном в ноги.

Мой привет струится по ночам
По скользящим месяца лучам.
Мой привет тебе, моей любимой,
Мой привет летит к тебе сквозь дымы,
Мой привет, тебе без слов понятный,
Той, кого времен не тронут пятна.
Мой привет — веселью этих дней,
Жизни светлой, совести моей!
Ты же, эти видящая дни,
Голос свой с моим соедини.

Подмети наш двор и домик бедный.
Не пропал я, не погиб бесследно.
Пусть соседи к нашим льнут воротам
Поздравлять тебя с моим приходом,
Говорить, что матери примет
Много носит на себе поэт!

Ты — моя природа и искусство,
Без тебя бы сердце было пусто;
Будь благословенно, молоко,
Брызнувшее песней далеко!
Будь благословенна навсегда
Давшая мне силы для труда.
Сядь со мною, мать моя, поближе,
Пусть нам будет шелестящей крышей
Дерево любимое одно —
Дерево страны моей родной...
Чтоб под этим густолистым скатом
Новый день смеялся над закатом.
Пусть читают все, что напишу,
Все, что в сердце с детства я ношу,
Чтобы встал до самых легких облак
Твой высокий, драгоценный облик.
Чтобы быть последним злему дню,
Дню, в который клятве изменю.

1935

СМЕРТЬ ПОЭТА

А теперь расскажу я для чистых сердец
О трагедии давней, о горькой потере...

Древний город Шуша. Величавый дворец.
День и ночь громыхают тяжелые двери.
Залюбуешься яркою росписью стен:
Вот охотник увидел гнездо куропатки,
Вот иранские воины, взятые в плен,
Копья, копья, мечи, рукопашные схватки.
Кровь на смятой траве, кровь на мертвом лице,
Смерть за каждым углом начеку, наготове...
Венценосный тиран в золоченом дворце
Вспоминает о крови, мечтает о крови.
Всякий день он в седле, необуздан и дик,
Замышляющий козни, свершающий казни.

36

А в гареме дворца бродит евнух-старик
И красавицы вянут в тоске неотвязной.
Изымает народ, разоренный вконец,
И молитвы творит, не надеясь, не веря...
На горе возвышается ханский дворец,
День и ночь громыхают тяжелые двери.

Здесь в горестные годы жил поэт.
Он славил жизнь, ее тепло и свет,
Пленительную тень садов зеленых,
Красавиц гордых, юношей влюбленных,
Зеленоперых журавлей полет,
Природу родины, ее народ...
Он вспоминал в стихах кипучий Терек,
Стремительной Куры скалистый берег,
Фиалки всех оттенков синевы
И куропаток средь густой травы.
Увидев пери в шелковой косынке,
Он брал перо из тоненькой тростинки
И песнь слагал, чтобы неслась она
По дальним взгорьям песней чабана,
Чтоб медлила у детской колыбели,
Чтобы звучала, пламени полна,
В часы печали и в часы веселья.

О Вагиф, спутник сердца, бессмертный певец!
Знал ли цену тебе золоченый дворец?
Еще прежде о войске иранского шаха
Ты сказал: «Не видать чужакам Карабаха!
Эти реки прохладные — Азербайджан,
И сады виноградные — Азербайджан».
Ты сказал, что создания мысли народной
Не уступим врагам, чтоб исчезли бесплодно,
Что сказания наши, и песни, и речь
Будут жить и звучать — мы должны их сберечь.
Что творения зодчества — память былого —
Защитим, оградим от захватчика злого...
Но нанес Карабаху неожиданный удар
Кровожадный владыка иранский — Каджар.

37

Разорял, выжигал города и селенья,
К обездоленным людям не знал сожаленья.
И приспешники хана шныряли окрест,
Стариков убивая, позоря невест.
И не эти ль ущелья, и реки не эти ль
Кровью полнились...

Бедствий народных свидетель,
Вспомни, бедный Вагиф, как дымился пожар,
Как над выжженным краем глумился Каджар,
Как от выстрелов рушились древние стены,
Как сердца разъедала отравя измены,
Как несли Мухаммеду Каджару дары —
Золотые кувшины, цветные ковры,
Все, что внукам досталось в наследство от дедов...
И писал ты, жестокою горечью издевая:
«Справедливости нет, губит лозы гроза,
На изменчивый мир не глядели б глаза!»
Но не ты ли тогда же, Вагиф, говорил,
Что в самом злодеянье — источник возмездья.
Тот насильник, что столько беды натворил,
Стал полуночной жертвою праведной мести,
Средь придворных нашелся простой человек,
Он пробрался к властителю в опочивальню
И змеиную голову наярочь отсек,
Чтобы родине милой жилосо беспечальней.
Ты поверил, Вагиф, что беда позади,
Ты стихи написал и отправил их другу,
Ты хотел, чтоб столетний поэт Видади
В этот радостный день протянул тебе руку.
Видади обратился лицом на восток.
За твое избавление славил алаха...
Но грядущий твой день был стократно жесток, —
От кровавой расправы иранского шаха
Спасся ты лишь затем, чтоб злодей Джаваншир,
Захвативший престол карабахского хана,
Опасаясь тебя, знаменитый вазир,
Руки кровью твоей обагрил невозбранно.
О Вагиф, спутник сердца, бессмертный певец,
Сокровенная песня твоя недопета.
Знал ли цену тебе золоченый дворец?
Не умолкнут проклятья убийце поэта!

* * *

С тех пор минуло полтора года лет,
На родине твоей бесправных нет,
И если б жизнь ты мог начать сначала,
Действительность тебя б очаровала.
Набеги, ханы, рабство, голод, страх —
Развеянный могучей бурей прах.
Погасли свечи в сумрачной мечети,
Не голосит молла на минарете,
Нет ни святош, ни жалких простаков.
Наш век не тот, наш воздух не таков.
Вот мальчик в красном галстуке. Он жадно
Стихи твои читает, и отрадню
Почувствовать ему — ты здесь, ты жив,
Наш собеседник, спутник наш, Вагиф!

1935

АЗЕРБАЙДЖАН

Я ходил по горам, я глядел меж лугов
В журавлиные очи родных родников;
Издали выслушивал шум тростников
И ночного Аракса медлительный ход...
Здесь я дружбу узнал, и любовь, и почет.

Можно ли душу из сердца украсть? Никогда!
Ты — дыханье мое, ты — мой хлеб и вода!
Преодо мной распахнулись твои города.
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан!
Азербайджан, Азербайджан!

На горах твоих кудри белей молока,
Как чадра, укрывают тебя облака,
Над тобою без счета промчались века,
От невзгод поседела твоя голова...
Как ты много терпела — и снова жива!

И невежды порочили имя твое,
И безумцы пророчили горе твое,
И надежды измучили сердце твое,
Но пришла благородная слава твоя, —
Велики твои дочери и сыновья!

Пусть Баку мой неведомый гость навестит:
Миллионами солнц его ночь поразит.
Если северный ветер на вышках гудит,
Откликается эхом песчаный простор,
Полуночные горы ведут разговор...

Можно ль мать у ребенка украсть? Никогда!
Ты — дыханье мое, ты — мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города.
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан!
Азербайджан, Азербайджан!

На серебряном Каспии ветры свистят,
Изумрудные темечки уток блестят...
Пусть влюбленные путники нас навестят.
В Шемахе и в Шамхоре пусть выпьют вина!
Ах, как жизнь коротка, как дорога длинна!

Любоваться хотел бы я тысячу лет,
Как играет в ущельях рассеянный свет...
Пробегает олень, олененок вослед,
И зовет, и под камнем находит приют,
А быки на айлагах молчат и жуют...

Рано утром, поэт-путешественник, встань!
Пред тобой Астара, пред тобой Ленкорань.
Из Египта, из Индии в раннюю рань
К нам слетаются птицы, ликуя, крича,
Словно вышли на волю из рук палача!

Здесь желтеют лимоны колхозных садов,
Нагибаются ветви под грузом плодов,
И тому, кто работал, здесь отдых готов...
Золотого чайку заварил и налей,
О невеста, для матушки старой моей.

В Ленкорани цветы и свежи, и стройны,
И прекрасны, как женщины нашей страны;

И амбары колхозные хлебом полны;
Белый хлопок сияет, как снег на горах;
Сок лозы виноградной кипит в погребах.

Выпей утром, когда еще море темно,
Этот сок, еще не превращенный в вино, —
Будет силою все твое тело полно!
Сила солнца — наш верный союзник в борьбе,
И в работе она да поможет тебе!

Сядь в Казахе на красного с искрой коня,
Приласкай его, добрую дружбу храня!
Он тебя понесет мимо шумного дня
На вершины Капеза, где холод остер,
Погляди на Гейгель, королеву озер!

О страна моя, родина музыки ты!
Твои песни — как летом плоды налиты!
Ты — серебряная колыбель красоты!
Сгустки музыки — тысячи наших сердец,
В каждом малом селе есть любимый певец.

Не умрет Насими, не умрет Физули —
Дорогие поэты старинной земли,
Как туманные звезды, мерцают вдали...
Но родится здесь много таких, как они:
Это — близкие, это — земные огни!

Можно ль песню из горла украсть? Никогда!
Ты — дыханье мое, ты — мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города...
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан!
Азербайджан, Азербайджан!

1935

Я ВСПОМНИЛ

Не устану в дастанах тебя воспевать.
Жизни ранней начало в волненье я вспомнил.
Ты великих поэтов великая мать, —
Вольных соколов в небе паренье я вспомнил.

Прочитай мою душу средь строчек письма,
Там стучит мое сердце, в них правда сама.
Как возлюбленной груди, кругла шамама, —
И баштаны порою осенней я вспомнил.

На бумагу заветное слово излей.
Вспомни отчий очаг, трепетанье углей,
И джейрана прыжок, и глаза журавлей.
Материнской руки мановенье я вспомнил.

Скрылось время, когда средь мятущихся вьюг
Сто земель я объездил, влюбленный ашуг.
Веселил я на свадьбах друзей и подруг, —
Молодецкие пляски и пенье я вспомнил.

Был полночной луною хребет осиян —
Обнаженной казалась гора Гейазан.
Поднесла мне невеста прохладный айран,
И улыбку ее и смущенье я вспомнил.

Дух свободного края пойми и воспой!
Не обиженным будешь, наш друг дорогой, —
Встретят девушки гостя шумливой толпой,
Их косичек тугое плетенье я вспомнил.

Пред глазами Вургунна равнинный простор,
Снова вьюга кипит у подножия гор, —
Он объятья родимому краю простер.
Дорогие навеки мгновенья я вспомнил.

1936

СВОБОДНОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

Вдохновенье, лети в поднебесную высь,
Проложи в облаках неисхоженный путь.
Если пущена метко стрела, то промчись.
Издавна повелось, что тебя не вернуть.

Вдохновенье мое! Ты опора опор,
Ты охрана охран и порука моя.
Я дышу, я с тобой заодно до сих пор,
Да не буду лишен этой милости я!

Говорил Насими, наш певец дорогой:
«Если праведно жил, то и речь хороша.
Но правдивую речь душат петлей тугой —
В этой петле барыш для мощны торгаша.

Тронь мизинец моллы — завопит этот шут,
Отречется при всех от аллаха молла.
А с ашуга несчастного кожу сдерут, —
Что ему эта боль и людская хула!»

О звезда на заре, мастер наш Насими,
Дальнозоркий стрелок, заглянувший в века!
И осталась в веках, и пошла меж людьми,
Не состарилась мысль, и она нам близка!

По сей день Физули безутешно скорбит
У распахнутых в мир озаренных ворот.
Незабытая боль его давних обид
Заставляет рыдать весь восточный народ.

В седилах Физули — та морозная стынь,
Тех пронзительных лет еле видный канун,
Где прошел караван по заносам пустынь,
Где блуждали без крова Лейли и Меджнун!

И приходит еще к нам Вагиф издали,
Чей оборванный саз — как народная грусть.
И курлычут Вагифу вослед журавли,
Его песенный плач повторив наизусть.

От фарсидских писем, от арабских прикрас
Он навек излечил нашу чистую речь.
И, ширяя крылами, та речь понеслась,
Чтоб народ молодой воспитать и увлечь.

Горемычный певец! Будто в камни стены
Ударялся твой сток о людские сердца.

Только эхо пошло по ущельям страны,
Откликалось навзрыд между скал без конца.

Ты нам мать и отец, нашей песни родник,
Вольный сокол в плену у ручных лебедей.
И я в песню твою, опечаленный, вник,
Чтоб вернуться к своей и сказать о своей!

Вдохновенье мое! Ты опора опор,
Ты охрана охран и порука моя!
Я дышу, я с тобой заодно до сих пор,
Да не буду лишен этой милости я!

Над моей головой нет угрозы ничьей.
Стоном лопнувших струн не прославится саз —
Не сковали мне рук, не лишили речей,
Не нужны небеса для живых моих глаз.

Мне сказали: «саг-ол!» Это значит: «живи!»
Орден Ленина грудь украшает мою,
Комсомолец-поэт, всем пожаром в крови,
Всею жизнью — живу! И об этом пою.

Вдохновенье мое! С того самого дня
Выше гор, дальше туч мою песнь понесли
И курлычут опять надо мной, для меня
Облетевшие мир трубачи — журавли.

Мать, качая дитя, пусть меня назовет,
Как приветственный звук, как приятную весть.
Колыбельная снова ко мне доплывет —
Значит, друга нашел... Но и недруги есть!

Зорче молнии будь! Оглянись на тихонь,
Тех, что мух на лету превращают в слонов.
Истребителем будь! Под обстрел, под огонь —
Двоедушных друзей, прописных болтунов.

Что за умники, глянь! Оцени их сполна.
Их пустые слова — как кимвалы и медь.
Если честного сына любила страна,
Ей за эту любовь не придется краснеть!

Так бичуй, не жалея шулеров-подлипал,
Кто, меняя лицо, не меняет души,
Кто жену продавал, и со всякою спал,
И, вползая ужом, навредил нам в тиши.

Есть еще и такой, что парит в облаках,
Отрешенный от «будничных» наших забот.
Есть другой, что торчит день и ночь в погребках,
Подпекает любому и с каждым он пьет.

Прочь их с наших путей! Я в работе своей
Был подручным весны. Я природу любил.
О любимая! Шею мне крепче обвей!
Я живые слова, как огонь, раздобыл.

Мое сердце! Не хмурь своих тонких бровей,
Ибо кончилась боль и рассеялся мрак.
Мое сердце! Не хмурь своих тонких бровей,
С малых лет я ночам ненавистник и враг.

Я чеканил слова не за хлеба кусок —
У народа их брал, чтоб народу отдать.
Я не Байроном рос, но могу быть высок.
В жарком сердце не всю исписал я тетрадь.

Человек — это все. Он властитель земли.
Без него и заря не горит с вышины.
Цель искусства — душа. Только тронь, и вдали
Откликается мир звону каждой струны.

Что мне злая зима, что мне клетка ее?
Спутник милой души, я как птица лечу.
Прочь насмешку и злость! Я веселье свое
Добываю трудом, как могу и хочу.

Не отрекся от мира, не ныл: «Пощади!»,
Не назвался нулем на родимой земле.
Чайльд Гарольдом, с ничтожной обидой в груди,
Не уплыл за моря на чужом корабле.

Тот бесчестен и лжив перед родиной, кто
Отречется от нашей любимой страны.
О друзья! Наше небо зарей залито.
Вы в нарядные платья одеться должны.

Птичий гомон в листве, испаренья росы,
Упоение пчел над пыльною цветка!
О, свободы моей молодые часы,
О, ведущие в даль молодые века!

О скользкая в зыбь стайка уток речных,
Будь спокойна за свой сизокрылый наряд.
О земля матерей, что родят семерых,
Вот охрана твоя — юной поросли ряд.

О, весенняя рань, о, моя детвора!
Как светлы эти личики ранней весной!
Веселись же в садах, разгорайся, игра!
Каждой матери люб ее птенчик родной.

Громыканье туч и струение вод!
Не мутней, половодье, гори, как хрусталь.
Человек на земле свое счастье кует,
А не в смутных мечтах, заплывающих вдаль.

Раскрывайся, цветок! Все твои лепестки
Я целую подряд, благовонный апрель.
Пой, бьюль-бьюль, в цветнике. Мы с тобою близки, —
Пьет дыханье мое упоенная трель.

Встаньте, девушки, в ряд! Вы — невесты земли.
Не смущайтесь своих заалевших ланит.
Вы на солнечный свет заглядеться пришли.
Этот мощный огонь вас легко опьянит.

О родная земля! Свет очам твоим, мать!
О счастливых знамен, ярко пышущих, жар!
Если б не было вас, я бы должен сломать
Эту краткую жизнь, мне врученную в дар!

Пограничник-боец! Свет очам твоим, брат!
Зоркий сокол, прими мой крикет издали!
Мы с тобою в строю. Мы не знаем преград.
Наше имя — Весна и Свобода земли.

1936

А. С. ПУШКИНУ

1

Жемчужины пота на лбу. Я провел
Два года в горячем труде. Наконец
На азербайджанский язык перевел
Поэзии русской нетленный венец.
Влекут меня новые силы вперед,
И вместе со мной торжествует народ.

Я много бессонных ночей пережил,
В труде своем видел тебя наяву,
Тобою дышал и с тобой говорил.
И если счастливым себя назову,
То это — лишь песни взволнованный звук,
Лишь честного сердца отчетливый стук.

2

Я слил воедино и ночи и дни.
Пусть звезды не гаснут, не меркнет луна,
Пусть встретятся в поле искусства они, —
Славянка Татьяна, турчанка Умай.

О мастер великий! Краснел я порой
За промахи песни моей пред тобой.
Что делать? Слаба еще песня моя,
И путь поэтический торен и крут.
Учитель мой! Понял я с этого дня,
Что звание «мастер» дают лишь за труд.
Что это — великое звание, но
Взыскательный долг налагает оно.

3

«Как грустно мне твое явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови!»
Поведай, поэт, отчего же весна
Тебе, живописцу природы, грустна?
Зачем опускаются крылья ресниц
И слезы мерцают в их пасмурной мгле,
И вместе с тобою склоняются ниц
Орлы в небесах и сердца на земле?
Мне больно, мне горько от песни твоей,
От черной эпохи, от хищных царей.

4

Проснись и на нас, на счастливых, взгляни,
Свой лоб под горячее солнце подставь,
Прославь вдохновенно великие дни,
Мечту, воплощенную в песне, прославь.
Твой стих не забудет народ никогда,
Твой стих — это голос борьбы и труда.
Мы славим героев, мы подвиг поем.
Поэтам повсюду открыты пути,
И слово, рожденное жарким трудом,
Навеки у нас остается в груди.

5

Тебя полюбил я с младенческих лет,
К твореньям твоим, как к ручью, я приник.
Я счастлив и горд, мой великий поэт,
Когда говорят, что я твой ученик.

48

Я счастлив, я сын моей дивной страны,
Стихи мои силой народа сильны.
О Родина, гордых певцов колыбель,
Ты славою Пушкина озарена,
Онегина имя знакомо тебе,
Сынам твоим заповедь твердо дана:
У нас есть искусство, поэзия есть,
Твореньям поэтов — и слава и честь.

1936

В ЧЕСТЬ САБИРА

Листает ночь страницы дум моих.
Встают века. Сквозь мглу я вижу их.
Пора далекая проходит предо мною,
Пора страданий, тяжких и немых.

Она, как облачная ночь, темна.
Невестой в трауре скорбит луна.
Там вся природа в черное одета.
Течет устало к берегу волна.

Там рвут на части, душат край родной,
Покрыты люди ранней сединой.
Там лютый меч сверкнет — и покидает
Борец за правду наш предел земной.

Не радует людей ни солнце дня,
Ни на лугу цветы, ни в поле зелена.
Там первая любовь в безмолвных взглядах гаснет,
Там все поют: «Есть горе у меня!»

Стучась из двери в дверь, входя в дома,
На губы блеклые садится смерть сама.
И бродят думы грустные поэта
По родине, что полонила тьма...

Сабир, не надо вспоминать те дни.
Мир не забыл тебя. В года взгляни:

49

551—4

На грудь твою кидались волны злые,
Но как разбить утес могли они?

Свободы ветер утренний — поэт!
Души твоей не сломят гордость, нет!
Своих сынов отважных не забудет
Страна, хотя прошли бы сотни лет.

Пусть перешел ты жизненный рубеж,
Созрело дерево твоих надежд:
Свободны мы! Певец, ты — в каждом сердце.
Где ж как не в сердце жить Сабиру, где ж?

Весной народов дышим в первый раз,
Куру, Аракс мы слышим в первый раз.
Весне слагают тысячи дастанов
Поэта лира и ашуга саз.

Цветет отчизна, радуя сердца.
Вся жизнь — грядущее, ей нет конца.
Так, словно солнце в небе, не угаснет
В столетьях жизнь великого певца!

1936

ПЕСНЯ СЧАСТЬЯ

Взгляни, земное утро настает,
И переливы теплого рассвета
Похожи на душевный строй поэта,
Который жизнь в стихах воссоздает...

Утесы сдвинув головы стоят.
До их вершин не долетают птицы.
Но выше гор моя мечта стремится,
В земные недра проникает взгляд.

Пусть явится великий Рафаэль,
Мир — выставка,
искусство —
всенародно.

Свободна птиц ликующая трель,
И творчество прекрасно и свободно.

Я изведу чернильные моря,
Лес превращу в отточенные перья,
Пусть прочитавший стих
поэту верит,
Что он писал, волнуясь и горя.

Мне не излить восторженной души:
Так девушки-невесты хороши —
Зимой в платках,
а летом в платьях алых!
Застолье длится с блеском небывалым.
Устанешь ты,

кругом твердят: «Пляши!»
Невеста выплывает, как кеклик,
Нарядна,
весела и величава.
Под свадебной фатою юный лик
Смеется и маняще, и лукаво.

Красавица пленительней газели
Ашуга просит:
«Друг, играй и пой!»
Вагифа сладкозвучные газели
Из старины доносятся седой.

Наполнясь солнцем,
кровь бурлит моя.
Есть у меня один герой любимый.
Вновь Кер-оглу садится на коня
И вдаль летит,
как вихрь неукротимый.

Дастанов тыщу я хочу сложить!
Пусть весть дойдет до стран Арабистана:
Мой дед кальяном перестал дымить,
А мать в огне сожгла листы Корана.

Мечта не в небе, не в минувших днях.
И, на аллаха бросив упование,

Седой Восток узнал работ размах,
Всю силу всенародного дерзання.

В песках зменных выросли сады,
Туман обманный

тает постепенно.

И люди, вдохновенны и горды,
Достигнут скоро глубины Вселенной.

Настроена душа на новый лад,
Сиянье солнца —

лучшая награда!

Природу люди подчинить хотят,
И смелым рукоплещут водопады.

В рассветных окнах плавится заря.
До коммунизма мало лет осталось.
Мы вычеркнем тогда из словаря
Постылые слова

«болезнь» и «старость».

Мугань моя, от сна проснулась ты!
В столетии, стремительно летящем,
Пусть шикесте,

сейгах и баяты

Медового шербета станут слаще.

И, вдохновясь виденьем счастья сразу,
Пареньем птиц в просторах синевы,
Ашуг споет под рокотанье саза
Из Алескера,

из Саят-Новы...

1937

ВЕСНА И Я

Весна пришла. Как для родной сестры,
Я настезь сердце для нее раскрыл.
Да славится поэзия вовеки!
Наш мир без песен, что орел без крыл.

Весна пришла, в наш край пришла весна.
Я раньше пробуждаюсь — не до сна, —
Затем что в сердце всем желаньям тесно,
Они зовут туда, где даль ясна.

Весна моя, благословенна будь!
Как хорошо пуститься утром в путь!
Привольно на груди горы ягням,
Фиалка примостилась мне на грудь.

Весною, человек, не умирай!
Что, если даже попадешь ты в рай?
Послушай только клетот соловьиный —
Покинуть не захочешь милый край!

Весна пришла. Мир заново она
Творит. Земля тепла и зелена,
И мы цветам, как детям в день рожденья,
Хорошие находим имена.

Вон муравей детей своих в саду,
Наверно, учит с первых дней труду.
Я сына вывел из дому впервые —
Навстречу счастью первенца веду.

Природа любит, словно мать, людей,
Их наделяя мудростью своей.
Но ведь она стара, нам надо сделать
Все, что отныне не под силу ей!..

1937

АКСАКАЛ НАШЕЙ ПОЭЗИИ

В своем краю ты жил, Джамбул,
Но ты несчастлив был, Джамбул,
Ты сиротлив бродил, Джамбул,
Под сильным ветром черных дней.

Ты на домбре играл тогда,
И соловей смолкал тогда,

Но радости не знал тогда
Никто из братьев и друзей.

Желтел и вял цветник в саду,
И ты главой поник в саду,
Ты к скорби лишь привык в саду,
О старый, мудрый соловей.

Под гнетом жили мы в те дни,
Мир был мрачней тюрьмы в те дни,
Блуждали среди тьмы в те дни
Сыны и дочери степей.

Во тьме глухих годов твоих
Суров был взор очей твоих,
Но на крылах стихов твоих
Ты к солнцу рвался все сильней.

Конец тоске былой теперь,
Век наступил иной теперь,
Я, слыша голос твой теперь,
За тарюю тянусь моей.

Лишь две струны — домбра твоя,
Но как светла игра твоя!
Ведь песнь полна добра твоя,
И родину я слышу в ней.

Прекрасная пришла весна,
Бессмертье нам дала весна,
Когда друзей свела весна,
Домбра и саз поют звучней.

Теперь труда не жаль, мой друг,
Звенит стихов хрусталь, мой друг,
Стремятся песни вдаль, мой друг,
Как вереницы журавлей.

В сердцах любовь горит навек,
А вероломству — стыд навек.
Вургун вам говорит: «Навек
Да здравствует весна людей!»

1937

ФИАЛКА

О вестница весны в стране родной!
Ты лепестки сочти свои, фиалка.
Тебя я вешней полюбил порой,
И сердце отдал я любви, фиалка.

Цветущая среди долин и гор,
Тебе вверял я тайны с давних гор.
И я грущу, к земле склоняя взор,
Когда ты никнешь в забытье, фиалка.

Дышал бы век твоею красотой.
Красавица в мечтах полна тобой,
Завидуя, что ты в тиши ночной
Даришь мне лепестки свои, фиалка.

Какой тоской, фиалка, ты полна?
Вагифа ль тайна в той тоске видна?
Ты не грусти о нем, — теперь весна, —
Иль сердцу потонуть в крови, фиалка?

Так не клони головку ты свою.
Тебе я песню нежную спою...
С твоею красотой в родном краю
Вургун стих все оживит, фиалка!..

1937

АШУГУ ГУСЕЙНУ

Ашуг Гусейн, возьми настрой жемчужный саз,
Рассказов много набралось, — поговорим.
К друзьям пойдем, речь заведем и саз возьмем,
И о любви, о паре кос — поговорим.

Хочу невинные уста я вопрошать.
От зависти огнем горит врага душа,
Когда любимая идет, накинув шаль.
О легкой шали цвета роз — поговорим.

Вургун поет: «Подруги лик небес ясней,
Как тучи — локоны, а грудь — белей, чем снег,
И в светлый день, и в черный день ты будешь с ней».
О тех, кто свет любви пронес, — поговорим.

1937

НИКЧЕМНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Известно, разными людьми наполнен этот свет,
А я хочу нарисовать для вас один портрет.

Своим пером, своим трудом я родине служу,
И если сам я ошибусь — себя не пощажу!

И верность правде для меня в искусстве дорога!
Ни богу свечка этот тип, ни черту кочерга.

Почище девушки любой кокетничает он,
Всегда любит себя и сам в себя влюблен.

Немоден галстук — он ворчит и в зеркало глядит,
Он перед зеркалом, ей-ей, полжизни проторчит!

Он статен, чернобров, всегда с иголочки одет,
До остального же всего ему и дела нет.

Небрежно девушку свою он под руку берет.
Не знаю, смел ли он в бою, но ей он смело врет.

Он что ни вечер, то с другой. Он тридцать раз любил.
И льется речь его рекой... И он про все забыл.

Что дома верная жена и мать его детей
Сидит до полночи одна и все не спится ей.

Все счастья ждет, а счастья нет. А ей немало лет,
А муж на ласковый привет не ответится, нет.

Веселье — вот цель жизни всей, он в этом убежден,
И чтоб не стало жить сложнее, со всем согласен он.

Пусть скажут: «Солнце в небесах черней угля всегда», —
Он, не входя в конфликт ни с кем, спокойно скажет:
«Да!»

Пусть скажут: «Не блестит алмаз, а ночь светлее дня,
А солнце меньше, чем луна, лед горячей огня», —

Согласен наш герой со всем, на все махнул рукой.
Он безмятежен, глух и нем, он ценит лишь покой.

Он думает: «Что лезть мне в спор? Пусть скажут вздор
любой

Мой сослуживец, иль мой друг, иль собутыльник мой —

Мне нужды нет! Ведь спорь не спорь, спи иль бросайся
в бой —

Дни жизни все равно бегут обычной чередой».

Бывает, враг разоблачит себя в пылу речей,
И все собрание кипит, что час, то горячей.

Герой, войдя, в последний ряд, садится у дверей.
Со стороны глядишь — он рад вмешаться в бой скорей.

Но только разыгрался шквал, стал громче споров гул, —
Герой наш незаметно встал и тихо улизнул,

Сказав: «Мне лично ни к чему здесь ввязываться в спор,
Всем время вынесет само свой верный приговор».

И, приосанясь, он пошел, как победивший лев.
Всем невдомек, что вид его, осанка — все в нем блеф!

Он мертвым не воздаст хвалы, не выручит живых,
И польза от него лишь та, что он попал в мой стих.

Неужто, прочитав мой стих, ты не опустишь век?
Ведь это — зеркало твое, никчемный человек!

Но в зеркало души взглянув, скажи, хорош твой вид?
Ты в стороне, когда кругом горячий труд кипит.

Ты только с виду человек. Работы не любя,
Ты уподобился скоту, ты любишь лишь себя.

На пышном дереве ты — ветвь сухая без плодов.
Но если б искупить вину ты был сейчас готов,

И, видя, как цветет страна, расшевелился ты,
И вдохновился бы, как мы, огнем большой мечты,

И, чтобы хлеб насущный есть, ты сам топил бы печь,
И в новых ножнах не ржавел ты, словно старый меч, —

Тогда ты стал бы с нами в ряд!
Иначе не простит
Тебя народ за жизнь твою, за твой мещанский быт!

Вгляни на солнечную жизнь, на подвиг светлых сил!
Жизнь на передний край зовет! Покинь глубокий тыл!

1938

ДУШОНКА

Говорят, ты способен, талантлив. Но нет!
Коль с пустою душою, какой ты поэт?!
Ведь не зря нам отцы дали добрый совет:
Верным в слове не будет злодей никогда.

Ты всегда улыбаешься мне, как родной.
Но, завистник, юлишь за мою спиной,
Взгляды, словно пластинки, меняешь порой.
Средь лжецов не искал я друзей никогда!

Как на крыше петух, ты хвастливо поешь,
Но твой голос смешон. В сердце злорадия и ложь.
Брось свою трескотню и людей не тревожь!
Не заглушит лягушка людей никогда!

Я встречал аферистов окраски любой,
Подлецов, что готовы пойти на разбой.
Засиял моей юности день голубой,
А весной без цветов нет полей никогда!

Если в сердце моем туч осенних гряда,
Там, где сокол парит, нет грачей никогда.
Будь умней, и тогда ты поймешь без труда —
Ты не думай, что я замолчал на года.

Уходи с глаз долой! И пойми с этих пор:
На земле и на небе — поэту простор!
Ты, как раньше, стоишь у подножия гор, —
Ты не будешь поэтом, пигмей, никогда!

1938

НИЗАМИ

Из надежды и мудрости ты сотворен,
Песней-молнией ты прорезал небосклон.
Словом каждым своим, каждой меткой строкой
Ты будил погруженных в глубокий покой.
Низами дорогой! Ты для родины жил,
Для вселенной слова золотые сложил.
Поколенья вдохнут запах свежих лугов —
Вдохновенных, тобою рожденных стихов.
Тот бессмертен, кто мира познал красоту,
Кто свой долг исполнял и не предал мечту.
Ты — поэзия! Чудо, с которым живу,
Что своею возлюбленной втайне зову.
От луны или солнца твой свет? Из чего?
Ты прозренье народа! Ты сердце его.

1939

БЕРОЛОМНЫЙ

В твоих глазах прищуренных нет жизни, чувства нет,
И на лице твоём застыл зимы студеной след.
Весною яркой, солнечной ты мрачен, как всегда,

Как будто счастье потерял и ждет тебя беда.
Открыто нам в глаза взгляни, к чему твой хмурый
вид?

Таков закон: ослепнет тот, кто косо, зло глядит.
Пройдет во мраке жизнь твоя, ты слышишь, лиходеи!
Поит источник мудрости лишь искренних людей!
Молчишь, юлишь: не радуется счастливая пора.
Хоть сотню лет еще живи, но умер ты вчера!

1939

ДВАДЦАТАЯ ВЕСНА

Развернуты мечтаний паруса,
Прошедшего открыты чудеса.
И сотен лет не хватит наглядеться
На этот мир, где воля и краса.

На небе звезды синие горят,
А люди счастье на земле творят:
Из мертвых глыб, из глины, из руды
Дворцы мы строим. Мы растим сады.
С природой мы сдружились в добрый час,
Наследство драгоценное у нас.
Мир много бедствий испытал в былом, —
Героям славу вечную поем.
О человек, издревле славен ты.
Твой ум и труд, крылатые мечты,
Усилье твердой творческой руки
Руины превратили в цветники.
Земля твой пьедестал, но, сердцем смел,
Навстречу солнцу, в небо ты взлетел.
Раскат грозы, морского утра тишь —
Все в жарком сердце бережно вместишь.
Тебе земля широкая дана,
Простор морей и кражей крутизна.
Ты сам — поэт, художник и творец.
Всего начало и всему венец.
Как творческих усилий торжество,
Стучат удары сердца твоего.

60

Но тот, кто сам не разбивал преград,
Своим твореньям никогда не рад,
Померкнет для него надежды день,
Зарю мечты покроет ночи тень.

1

Весь город у открытого окна,
Под ним Хазара пенится волна.
Зажглись рассветной кромкой небеса,
Сейчас и утро разомкнет глаза.
Ты слышишь ли рояль издадека?
Как песнь его могуча и легка!
И миготом от меня уходит сон,
Я в песни эти издавна влюблен.
Поет над мирной улицей рояль,
И девушка задумалась, и вдаль
Ее глаза сейчас устремлены,
Любовью и мечтой опьянены,
Давайте назовем ее Бахар,
Всего лишь ей двадцатая бахар.
Свежа, светла, как майский день, она,
Ее игрой заслушалась страна.
И двадцать лет собрав в букет, Бахар
Несет народу первомайский дар.
По клавишам летит ее рука,
И песнь о счастье слышится, легка.
Как над сердцами властвует она,
Каким очарованием полна!
И в каждом звуке говорят без слов
Поэта сердце, юность и любовь.
И в каждой песне слышен свой напев —
Весна, победа, радость или гнев.
Заставит камень говорить она,
И может зверя покорить она.
И каждая влюбленная душа
Ту песню слушает едва дыша.
Мотив ее то нежен, то суров,
Мечта достичь не может берегов.
Порой, как ветер, пролетит она,
И, как мечта, поднимется волна.
Любвнных песен нежная тоска
Сердца волнует многие века...

61

Играй, Бахар! Кругом шумит весна,
И песня соловьиная слышна.
Ведь песни — наши верные друзья.
И ненавидят грусть они, как я.
Ты дочь свободной молодой страны,
Ты дочь весны, и ты творец весны,
Тебе всего лишь двадцать весен, ты
Приносишь в мир дыханье красоты.
Волшебница, играй, открой байрам,
Чтобы войти с платочком в танец нам.

2

Согрета солнцем тишина,
Бахар в одежде золотой.
Пришла двадцатая весна
Ее республики родной.
Прекрасный наш Баку одет
В шелка и кумачовый цвет.
С балконов льется шелк знамен
И над дорогами встает.
Потоком праздничных колонн
Свободный движется народ,
Цветут улыбки на губах,
И солнце ясное в глазах.
И крепнет мощь сердец и рук,
Веселый смех звенит струной,
И пляшут девушки вокруг
Яллы — весенний танец свой.
Баку! Весельем, торжеством
Пусть музыка звучит кругом.
О армия! Парад начни,
Своим могуществом блесни!
Пусть скажет родина: «Сыны,
Которых выкормила я,
Мои просторы берегут
И охраняют мирный труд!»
Гордится армией народ,
И славит воинов страна,
Сияет солнцем небосвод,
Команда четкая слышна...
Под облака знамена взвей,

62

И пусть гремит салют побед.
Мы кровью красили своей
Свободы знамя в красный цвет.
Пусть слышит твой могучий шаг
И навсегда притихнет враг.
Мир слышит гром твоих шагов.
Крепка отчизна и сильна,
Вдоль черноморских берегов
Стоит гранитная стена.
Народ могуч, Союз велик,
И в этот майский светлый миг
Припомни славных Двадцать Шесть.
Их подвиг славы — наша честь!

1940

НОВЫЙ ГОД

Время нам, друзья, поднять бокалы!
Выпьем за грядущий Новый год.
Новая весна в одежде алой
С радостью и счастьем к нам идет.
Выпьем же, друзья, за Новый год!

Издавна подобна жизнь поэме,
Мир ее читает с древних лет.
Все мы смертны, вечно только время,
В нем лишь доблесть оставляет след,
Мир о ней читает с древних лет.

Тысячу не проживу я весен,
Все же жаждой жизни грудь полна,
Жаждой, что хвалы достойна, песен:
Удлиняет нашу жизнь она.
Жаждой жизни вечно грудь полна.

С тридцать пятой расстаюсь весною,
Вновь на пройденный гляжу я путь, —
Мало сделано на свете мною!
Что ж, зато я в завтра смог шагнуть!..
Вновь на пройденный гляжу я путь.

63

Врага нещадно настигай! Бесстрашным, зорким будь в бою.
Смотри за боевым конем, винтовку береги свою.

Мой сын, тебя я родила, но воспитала не одна,
Ты вскормлен Родиной, сынок, тебя взлелеяла она.
Она возрастила Кёр-оглу и жизнь Чапаеву дала,
Парить в безбрежной синеве удел могучего орла.
Идешь... Будь счастлив, мой родной... Иди дорогою побед.

Вождя увидишь — передай от сердца матери привет.

Созреют персики в саду — тебе пошлю я тотчас их,
А от тебя я жду вестей о боевых делах твоих.

Иди, мой сын, рази врагов! Бесстрашным, зорким
будь в бою,

Смотри за боевым конем, винтовку береги свою».
Сияло солнце в вышине. Ушел он — сильный, молодой,
Мать, поглядев ему вослед, плеснула чистою водой...

1941

СЫНУ АЗЕРБАЙДЖАНА, ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ИСРАФИЛУ МАМЕДОВУ

Ты сын страны, родившей Низами,
Где небо так приветно в крупных звездах.
Ты рос, обласкан многими людьми,
Тебе раскрыл объятия чистый воздух.
И ледники Гошгар и Хач-Булаг,
И озеро Гейгёль, и тень в долинах,
И горных пастбищ голубой эйлаг.

И там, на кручах, — щели гнезд орлиных,
И тень чинары стройной у ручья,
И песни пастуха — все было рядом.
Все обнял ты, родной язык уча,
Своим живым и дальнорючим взглядом.
Ты приходил на празднества, к столу,
Где сердце каждое, взлетев высоко,
Песнь заводило, воспарив как сокол,
Когда ашуг, распахивая мглу,
Рассказывал деянья Кёр-оглу
И конь его Гыр-ат по скалам цокал.

Прошли года, и вырос ты, мужая.
Уж не одна красавица чужая
На стройный стан заглядывалась твоей.
Но беспокойный нрав и дух живой
Увлёк тебя к наездникам-джигитам.
И в состязаньях не был ты побитым,
И брал призы на свадьбах у друзей.
И старики в виду деревни всей
Предсказывали будущее внуку:
«Героем будет, впрок пошла наука».

В одной деревне рос лихой бугай,
Он всех бодал и окрика не слушал,
Как ни ласкай его и ни пугай,
Всем надоел, у всех покой нарушил.
Однажды на дороге вечером
Ты встретился с отчаянным бычком
И говоришь: «Брось глупую привычку,
Брось, лиходей, тиранить наш народ,
Брось буйствовать». Но дерзкий бык-урод
Остервенел и, сам вступая в стычку,
Загривок вздыбил, опустил рога,
Помчался на тебя, как на врага.
Тогда вся кровь в лицо твоё вступила,
Схватился с ним, прижал бычка — ага! —
Рванул — и вырвал дикие рога...
Читатель спросит, вправду ль это было?
Что ж! Может быть, и сказка. Все равно.
Народ её сложил давным-давно,
И родина героя полюбила.

И час настал, когда железный шквал
Загрохотал от края и до края,
Над родиной твоей забушевал,
Змеиное дыханье извергая.
И стал ты Красной Армии бойцом.
И мать, целуя в лоб, сказала сыну:
«Ступай, сынок. Будь смелым удалцом,
Рази врага железом и свинцом.
А если ты врагу подставишь спину,
То не являйся пред моим лицом».
Ты стал аскером. И в ушах твоих
Все, что сказала мать, не отзвучало.

Ни дождь, ни вьюга, ни свинцовый вихрь,
Ни вражья хитрость, темная сначала,
Ни хоботы орудий полевых,
Ни воронье в ненастных серых тучах,
Что смерть несло на лопастях скрипучих,
Тебя не утрашили ни на миг.
Осталось твердым сердце, торжествуя.
Свинец не оцарапал грудь живую.
И слава о тебе из уст в уста
Пошла по свету и росла все выше.
Родные все проведали места,
Турач в Мугани о тебе услышал
И стаи птиц на озере Гейгёль.
Седой ашуг, твоё воспевший имя,
И мать, качая сына колыбель, —
Гордились все деяньями твоими.
Прими же, Исрафил, и мой привет
В залог того, что я ещё успею,
Покуда жив, покуда вижу свет,
Сложить тебе, как должно, эпопею.

1942

ПАРТИЗАНАМ УКРАИНЫ

Кто может молнии грозою бросить в ночь,
И даль и высоту, как сокол, превозмочь,
Крылатым подвигом республике помочь?
Кто в бой идет сквозь ветры и туманы?
Все это вы — герои-партизаны!

Чьим тайным голосом леса кругом полны?
Кем дети наши так восхищены?
Чей дом — леса, поля и валуны?
Кто мужество сберег в походе неустанном?
Все это вы — герои-партизаны!

Кто, словно лев, идет на бой с врагом,
Кто с робостью и страхом не знаком?
Кто гонит вражьи полчища штыком?
Чья слава птицей облетает страны?
Все это вы — герои-партизаны!

Кому Шевченко самый близкий друг?
Чей соплеменник славный Кармелюк?
И кто врага не выпустит из рук?
Все это вы, друзья по жизни бранной —
Украинские наши партизаны!

Чья родина — большой вишневым сад?
Кто день и ночь бандуру слушать рад?
У чьих красавиц с поволокой взгляд?
Кто любит их любовью несказанной?
Да, это вы — героин-партизаны!

Кого товарищем до гроба я признал?
И в радости и в горе с кем бывал?
Кого всегда я братом называл?
Как Кер-оглу, вы входите в былины,
Родные партизаны Украины!

1942

ВСТРЕЧА С МОСКВОЙ

Восемь месяцев я не видал тебя.
Смертоносный к тебе приближался шквал.
Он подкатывал к сердцу, гремя, слепя...
Я тебя никогда не позабывал.

С ночью звездной твоей, с ясным днем твоим
В годы юные был неразлучен я.
Светлолицая, взор твой неомрачим,
Улыбающаяся мечта моя!

Вот и свиделись, и отошла тоска,
И томящего одиночества нет.
Как манил мое сердце издалека
Твой единственный, вечный, счастливый свет.

И любимые улицы вижу вновь.
Как ты юн, древний город, и как хорош!
Наша мысль и душа, наша плоть и кровь,
Вдохновенный, как ты горячо живешь!

Я встречаю моих дорогих друзей,
Обнимаемся крепко и руки жмем.
Лица наши суровой, слова скупей,
Но сердца зажжены боевым огнем.

Зданья, гордо касающиеся туч,
Величавы, как грозное торжество.
Под ударами молний стоял, могуч,
Вечный город, — бесстрашны люди его.

Вижу Красную площадь и свет земли —
Древний Кремль, он — как сказочный великан!
Здесь пройдут поколенья, как прежде шли, —
К сердцу солнца стремящийся караван.

Здесь великого Ленина Мавзолей,
Здесь бессмертная сила затаена,
И в лучах ее солнечных все светлей
Человечества радостная весна.

Но сейчас выслал в битву снега и мрак
Верный русский мороз — наш надежный друг.
Как лютует он нынче! И знает враг —
Нет спасенья ему от штыков и вьюг.

Вижу девушку... Облик знакомый! В нем
Я Татьяну Ларину вновь узнаю.
Как она изменилась! Каким огнем
Эти дни озаряли ее в бою!

Свет высокой души неизменен в ней,
Но мечтается ей человек иной,
Человек наших ясных и грозных дней —
Он в шинели, с винтовкою за спиной.

Грозен бронзовый Пушкин в метельной мгле.
Он спокоен, под вьюгами поселев.
Вольнокрылый орел на крутой скале,
Чутко слушает он буревой напев.

И сквозь слезы невольные вижу я,
Что стоит он, задумавшись, как живой.

Словно слышит, волнение затая,
Гром орудий, грохочущий за Москвой.

И внимает поэту его страна.
Неразрывных созвучий вольный полет
Достигает до звезд, до морского дна,
Движет горы и сердце людское жжет.

Затихает вдали громовой раскат.
И как радостно людям поверить вновь,
Что в борьбе с темной злобою победят
Разум, истина, мужество и любовь!

1942

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ

Как уносятся птиц вереницы,
Поколенья уходят в отлет, —
Человечество то веселится,
То отраву смертельную пьет.

То в тисках, то ломая оковы,
Точно русла стареющих рек,
Изменяются снова и снова
И вселенная, и человек.

Всех нас счастье влечет изначала,
Но, над нами смеясь искони,
Подпускало к себе, ускользало
И звало на бегу: «Догони!»

О безумная, дивная пери,
Брось негодную, злую игру.
Я свидетельствую и верю:
Все живое стремится к добру.

Этой тяги таящейся ради
Окажи свою помощь живым.
Смерть — проклятое ада исчадьё,
Жизнь — сияющий серафим.

С сотворения мира две силы —
Свет и тьма — в вековечной войне.
Тьма — зияющая могила,
Солнце — к воле взывает извне.

Зло досталось вселенной в наследье
В незапамятные времена,
Но, дыханье зимы обезвредя,
Настает в наших душах весна.

Между горестями и весельем
Нет похожего ничего.
На два мира особенных делим
Мы уныние и торжество.

Но крылит из столетья в столетье
Мысль, исполненная огня,
И фантазия щелкает плетью,
Погоняя веками коня.

Утро счастья, таинственный гений,
Перелей благодать через край.
Осчастливь и направь поколение,
Руку помощи людям подай.

Чем ты радовать станешь, стихия,
Если будешь, как камень, гола?
Как бездетности недра сухие,
Бесполезные гибнут дела.

Не сойди же со сцены в бесплодьё,
Стань за новую правду, герой.
Дай победу над рабством свободе,
Славой сторону нашу покрой.

Божество прошлых дней — угнетенье —
Нами вдоволь натешилось встарь.
Отжила и становится тенью
Эта подлая старая тварь.

Счастье — детище нашего века.
И, как истинное дитя,
Улыбается человеку,
Солнцем будущего света.

1942

ГОРЫ

Средь ваших царственных шатров
Бродил я в упоенье, горы.
Для новых строф, для верных слов
В вас черпал вдохновенье, горы!

Олень пугливую стопой
Спускается на водопой;
Где б ни был — рвусь за ним душой!
Как жить мне в отдаленье, горы?

Кочевью ширь лугов нужна,
Орлу степному — высота,
А мне скитаться б дотемна
Меж круч порой весенней, горы!

Вершины скал, одна к другой,
Застыли солнечной грядой...
Поют нас силою живой,
Дарят нам дней продленье, горы!

Пусть в этом мире гость поэт,
Но им стоять миллионы лет,
И верь: любви твоей, Самед,
Не предадут забвенью горы!

1942

ТОВАРИЩАМ ИЗ ДАШСАЛАХЛЫ

*Колхозникам колхозов имени
Ленина и Коминтерна селения
Дашсалахлы Казахского района*

Все от сердца рассказать поскорей я шел сюда,
Седовласых матерей шел поцеловать сюда,

74

Потому что молодым остаешься навсегда,
Видя родины своей постоянство и покой...
Мне земли моей душа открывается опять,
Мудрость ясная отцов, доброй жизни благодать...
Был бы счастлив человек, не старея, возмужать!
Что дороже и милей прочной верности такой?
Каждый камень этих мест память храброго хранит.
О трава, не покидай склонов вековой гранит!
Будь бессмертною, весна! Нежно воздух твой звенит!
Вечной свежестью овей край преданий дорогой!

Я хотел бы, мой народ, чтоб светильник твой горел
Бесконечные века, не чадил и не хирел,
Чтоб до каждого дошла слава незабвенных дел,
Песня доблести твоей, доброй славы трудовой!
Чтоб дороги и пути от села и до села
Засверкали, не пыля, как большие зеркала,
Чтобы праздник ты встречал, будней выполнив дела.
Вечно радостью владей, жизнь заслужена тобой!
Чтобы струи Дамджили в каждый дворик потекли, —
Виноградники вблизи, виноградники вдали...
Чтобы медленно горел тихим пламенем земли
Жар гранатовых аллей сине-красно-золотой!
Не пребудут без гостей наши пышные сады!
Не пребудет добрый гость без питья и без еды, —
Не сухи и не жестки медом полные плоды.
Что ж, хозяин, не робей, двери страннику открой!
Пусть наш дом со всех сторон окружит фруктовый сад,
На айванах гроздь роз — связки яхонтов — висят, —
Пусть прохожие певцы нашу славу разгласят,
Хвалят тысячи людей это скромное село!
Окна рано поутру пусть раскроются весной, —
Хлынет воздух золотой, все заблещет новизной.
Выпьем браги молодой, выпьем свежести лесной,
Сладкой свежести полей, зеленеющих светло!
Пусть болота не грозят, злые корни не растут,
Пусть не знает человек лихорадок и простуд.
Пересуды, клевета пусть зачахнут и замрут...
Стены выбелим белей — заблестают, как стекло!
Пусть, владея красотой, недоступною врагу,
Каждый думает: «И я перед родиной в долгу».

75

Был поэт в Дашсалахлы и сказал, благословив:
«Каждый час и каждый миг будь для жителей счастливы!
Шелк и бархат для садов, шелк и золото для нив,
Разделенную любовь для влюбленного достань!
Вновь у озера газель пусть найдет себе приют,
Плющ и дикий виноград рамы окон обовьют...
Здесьних девушек красу пусть ашуги воспоют,
По соседям вновь и вновь повторяют свой дастан!

Те да здравствуют навек, чей великий вижу труд, —
То, что создал я в мечте, люди въяве создают!»

1942

ПРИВЕТ, МОЙ ДРУГ!

Посвящая другу Мустафе Топчибашеву

Жизнь — как шербет: чем дольше, друг, живешь,
Тем больше нам на свете жить охота!
И каждый день с утра на храм похож,
Где вечный свод — лазурь и позолота.
Всех, всех привычек слаще и сильней
Привычка жить! Но свойство жизни странно:
Пусть человек успел привыкнуть к ней —
Она ему, как в первый день, желанна.
Во славу жизни человек-творец
Трудиться хочет без конца, без меры!
Но вдруг в мозгу проходит звон: «Конец!» —
И льется в очи сумрак черно-серый.
Так, не успев порою расцвести,
Незримые таланты гибнут часто.
Живое сердце просит: «Отпусти!»
Но смерть смеется: «Я права — и баста!»
Мздоимец беспощадный и скупой,
Смерть требует с ливхой за жизнь расплаты...
Так вечный спор ведут между собой
Ночной урод и гений дня крылатый.
И в нынешние грозные года
Противостало войску смерти черной
Святое войско жизни и труда
В борьбе кровопролитной и упорной.

76

Мы победим! И ты, мой славный друг,
Ты тоже воин армии священной!
Во власти этих добрых, мудрых рук
Родник народной крови драгоценной!
Любовь и нежность к жизни и к живым
Тебе когда-то в песнях мать внушила, —
Так наш народ, историей храним,
Давно постиг: бессмертна жизни сила!
И, чистому дыханью жизни рад,
Ты знаешь правду об ее законах;
Твой светлый лоб и твой открытый взгляд —
Наследство предков, жизнью умудренных.
И трезвую науку новых лет
Соединив с любовью изначальной,
Ты вносишь мир в обитель мук и бед —
Под свод больницы — светлый, но печальный.
И родине и матери своей
Ты верен, друг, и побеждаешь этим!
Ты радуешь безвестных матерей,
Жизнь возвращая их любимым детям.
Кто сердцем слышал твой призыв: «Живи!» —
Тот хочет жить. Ты ободряешь взглядом
И девушку, не знавшую любви,
И воина, что спал со смертью рядом.
Твой нож хирурга в любящей руке
Не ранит, брат, а заживляет раны.
Опять с врагами бьются вдалеке
Спасенные тобою пехлеваны.
Мать-родину ты радуешь своею,
Ей витязей отважных возвращая,
Горда сегодня, что они в строю,
Страна огней — отчизна дорогая!
Народ живет, предания храня,
Он все запомнит — подвиги и муки...
Но встанет вновь из крови и огня
Высокий и прозрачный мир науки.
Там только тот останется живым,
Кто в бой открытый против смерти вышел...
Азербайджану мы принадлежим!
Чем круче путь, тем слава будет выше.
Мыслителей, певцов, богатырей
Рождал народ. Но, чем в преданьях краше

77

Седая древность родины моей,
Тем больше спросят с нас потомки наши.
Придет пора!
На празднествах наук
Меж первыми ты будешь — не иначе!
Мир — вечное ристалище, мой друг,
Да не споткнется конь твоей удачи!
Все, все течет... Умчатся вдаль года,
Кровавый след с лица земли смывая...
Верь одному: останутся всегда
Творящий разум и любовь живая!

1943

МНЕ РАССКАЗАЛИ...

Мне рассказали об одном
Безвестном друге, но родном.
Я прежде знать его не знал
И не заботился о нем...
Рассказ казался прост и мал,
Но с каждой ночью, с каждым днем
Все глубже в душу западал...

Сказали:

«Наш аскер один,
Родной земли родимый сын,
Отважный, из числа бойцов,
Не посрамивших край отцов,
Недавно умирал от ран...
Вдруг он воскликнул: «Врач! Аман!
Останови свой нож на миг!..
Я смело смерть встречать привык!
Я знаю — мне спасенья нет,
Но, покидая белый свет,
Хочу исполнить — разреши —
Одно желание души!
Мне перед смертью не мешай
Прославить мой родимый край,
Окликнуть жизнь издалека
Стихом поэта-земляка!..

«Можно ль душу из сердца украсть?

Никогда!

Ты — дыханье мое, ты мой хлеб и вода!
Весь я твой, навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!»
И смерти медленный туман
Покрыв сиянье черных глаз...»
Аман! Останови рассказ!
Летит, как птица, злая весть,
Чтоб тяжко на сердце осесть,
Гнездо незыблемое свить
И память песнями язвить...
Я был певцом счастливых дней,
Сын гордой родины моей,
Я пел: «Ты мне навеки дан,
Азербайджан, Азербайджан!»
Я окликал издалека
Аскера, брата, земляка!
Недели, месяцы прошли,
Но душу, душу мне прожгли
Рассказа тихого слова.
Мечта тревожная жива...
Куда я взор ни устремлю,
На землю, в небо ль устремлю,
Дневною иль ночной порой,
Храбрец безвестный предо мной.
Не отдален и не забыт,
Он зорко мне в глаза глядит,
Не отрываясь ни на миг. —
Он взглядом в грудь мою проник!
Со мной бок о бок он идет,
Чего-то требует и ждет...

Мой друг дорогой! Пусть земля и народ,
Пространство и время, веков бытие
Услышат, как в песню мой вздох перейдет, —
Пусть клятвою будет дыханье мое!
Любовь с человеком содружна навек:
Вдвоем родились — от начала начал...
На миг прекратилось движение рек,
Когда, умирая, ты родину звал!
В любви ты сгорел, нашу верность храня, —
Я вижу, ты вышел живым из огня!

Я вижу твою потемневшую грудь
И добрые, чистые вижу черты...
И если бы звезды твой метили путь
И карту чертили, как движешься ты!
Но звезды, о нашей земле не скорбя,
Не впишут в пространство, как звали тебя...
Земля одинока, и только на ней
Звучит человечья горячая речь!
Мы память любимых земли сыновей
Должны, как венец нашей славы, беречь.

Мой друг! На зеленой гористой тропе,
На пыльных дорожках меж ровных полей,
Твой след угадав, я грущу по тебе...
И все ты становишься ближе, милей...
Красавицу вижу... Не ты ль ее друг?
Старуху встречаю — не мать ли твоя?
Глядит с безнадежной надеждой вокруг,
Печалась, но гордо печаль затаив...
Заря улыбнется — она говорит...
К ней, будто невеста, опять и опять
Надежда-волшебница с лаской спешит,
Чтоб ярче дорогу во тьме озарять,
Чтоб мать не упала на скользкий гранит...

Сегодня я руку аскеру пожал, —
Он с фронта вернулся... Остались вдвоем.
Я жадно о славе твоей вопрошал.
И видел: о мужестве помнят твоим.
Иду вечерами домой не спеша, —
Ты снова со мной на дороге моей...
Я сына целую — открыта душа, —
Мне в душу глядишь ты из детских очей!
И годы пройдут, и вернется покой,
И счастье вкусит мой родимый народ,
И встретятся добрые люди с тобой
И скажут, как я говорю: «Он живет!»

Грядущее вижу почти наяву,
Там памятник передо мною предстал:
И вижу высокий фонтан и траву,
Цветами украшенный пьедестал...

Был он простой безымянный герой,
Недолго он прожил кровавой порой, —
Теперь он пространством и временем стал...

Хвала тебе! Твердой и верной рукой
Ты славу добыл для народной семьи.

На мраморе — надпись строка за строкой...
Чьи строки? Твои, безымянный, твои!
«Можно ль душу из сердца украсть? Никогда!
Ты — дыханье мое, ты мой хлеб и вода!
Весь я твой, навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!»

1943

СЕРДЦЕ

1

Как добрый друг, что не сумел стерпеться,
С обидой, нараставшей каждый миг,
Не выдержало этой ночью сердце,
И мне сказала сердце напрямик:

«Уж двадцать лет, как ты слывешь поэтом,
И небом вдохновляясь, и землей,
Пленяешься и ранним первоцветом,
И молнией — плясуньей грозовой.

Ты воспевашь красоту природы
И человека, что светло живет,
Хрустально-целомудренные воды
И чувства, что прозрачней этих вод.

И озаряли стих, и омрачали
Воспоминанья многотрудных дней,
Насущные заботы, и печали,
И верность, и достоинство людей.

Из прошлых лет, из сумрачных трагедий
Ты устремлялся в даль грядущих лет,
Ты шел с мечтою об одной победе
Сквозь множество больших и малых бед.

Но мой поэт! Скажи-ка мне по чести,
Неблагодарный, не забыл ли ты
О друге, что всегда с тобою вместе
В твои труды вникает и мечты.

Ни днем ни ночью, ни зимой ни летом
Неведом другу этому покой,
И разве не из-за него поэтом
Ты, собственно, и стал, мой дорогой?

И алой кровью, золотою кровью
Он все твое питает существо,
Весь век с тобой, как с первою любовью,
И ты не рано ль позабыл его?

Находишь имена всему на свете
И в замыслах, как встарь, неутомим,
Стихотворенья для тебя, как дети, —
Одно назвал бы именем моим!

Я первый друг твой с самого начала,
Я верный друг до самого конца,
Иль для тебя я сделало так мало,
Что и сказать не стоит ни слова!..»

Договорило сердце еле-еле,
И я, его представив, увидал
Лицо с глазами, что отяжелели,
Луну, что в тучах светится едва.

И плохо стало мне. И заломило
В висках, как будто обруч их сковал,
И, боль превозмогая, через силу,
Стараясь не осечься, я сказал:

«Дружище-сердце! Это — суд жестокий
И, мне поверь, несправедливый суд.
Когда б твои услышала упреки
Гора, и та не выстояла б тут

Забить тебя? Да так ли это просто?!
Такие не изгладятся следы.
С тобой перемагали мы сиротство
Порой и без еды и без воды.

Терпели холод и нужду терпели,
И степь и горы исходив пешком,
Под саз печали песни горя пели,
Но не склонялись перед чужаком.

А наступило время — оседлали
Лихого, с красной искрою коня,
И первыми на дальнем перевале
Встречали утро памятного дня.

Я бережно пронес тебя сквозь годы
И, если буря била не щадя,
Оберегал тебя от непогоды
И обнимал, как первое дитя.

Я без тебя — ни в хижину, ни в терем,
Случись какой совет иль пир какой.
Что написал я без тебя, проверим, —
Не ты ль стоишь над каждою строкой?

И разве я похож на отщепенца,
Чтоб отречься от твоих щедрот?
Кто вздумает творить и жить без сердца, —
Такой урод без родины умрет.

Ты осеняешь славою своею
Всех, кто стремится к правде и добру,
И в честь тебя сложить бы эпопею
Да не такому, как мое, перу.

Но если ты свою диктуешь волю,
Без оговорок повинуюсь ей.
Я мудрости седой не прекословлю;
Без сердца человек — мешок костей.

2

Ты — только мышц клубок да мяса клоч,
Но в том природы истинное диво,

Что без тебя никто бы жить не мог —
Так ты всеильно, так жизнелюбиво.

Наслышан свет о щедрости твоей,
Об изобилие чувств прямых и добрых,
Ты — колыбель возвышенных страстей,
Неукротимых, молниеподобных.

Не близнецы — печаль и торжество,
Но оба в равной мере твои дети,
И знает человек, что у него
Ты самый близкий из друзей на свете.

Ты летопись живая, для людей
Копящая рассветы и закаты
И дней минувших, и грядущих дней,
И скорбные, и радостные даты.

Твое гнездо во мраке — ну, так что ж,
Когда ни в чем не отстаешь от солнца!
Пусть на твоем пути преграды сплошь,
Ты — словно конь, что напролом несется.

Ущелье — прочь! Утес нависший — прочь!
Лед не сковал, метель не закрутила.
Ты растопило сумрачную ночь
И в солнечное утро превратило.

Не поглотил овраг, что был глубок,
И не свалила с ног тебя засека.
Не просто мышц клубок да мяса клочок,
Ты — воплощенье сути человека.

Ты — целый мир, невидимый в тиши,
Сосуд, что тоньше всех и филигранней.
В тебе — слиянье тела и души,
Бесценный сплав желаний и деяний.

Как птица семендар, и ты в огне,
Когда обступит человека горе.
Когда земля — как лодка на волне,
Тогда и ты волнуешься, как море.

Когда изменит женщина иль друг,
Отходишь долго ты от потрясений,
Ударит ветер времени — и вдруг
Ты пожелтеешь, будто лист осенний.

Пуškai не смеют трогать струн твоих
Все те, кому неведома сердечность.
Ты — средоточье помыслов больших,
Твой каждый миг похож на бесконечность.

Нам маяком надежным служишь ты,
В житейских бурях устали не зная,
И светишь, словно солнце, с высоты,
Людей к высотам большим призывая.

Есть птицы — в клетках ноют нараспев,
Ты реешь всюду, ты — иная птица.
Великая любовь, великий гнев
И мощь в тебе великая таится».

3

Какая жалость, что и в чистом сердце
Гнездиться может злоба иногда.
И змеи, эти скользкие пришельцы,
Друг друга выживают из гнезда.

Вползет в обличье ангелоподобном
Вражда, и зависть с нею заодно,
И завладеют сердцем слишком добрым,
И медленно изводится оно.

Как плавится свеча, мерцающая тускло,
Так тает сердце от неясных дум,
Гнетут годами тягостные чувства,
И вешний ветер горше, чем самум.

Мы сами сердца иногда не ценим,
Решишь, что писан не для нас режим,
И тянемся к бокалам с нетерпением,
Пристрастием сердцем жертвуя, грешим...

Без сна вся ночь. Бутылок батарея.
И сердце увядает, как цветок,
Как птица в клетке, мечется, слабея,
И так жесток забвения итог!

Жизнь без того короткую мы сами
Укоротить стремимся, как назло.
Пьем по ночам с заздравными речами,
А по утрам болеем тяжело.

А иногда от малости случайной
Обида разрастается в душе,
И бродишь, одинокий и печальный,
Ни в чем не видя радости уже.

Пусть, как родник, пребудет сердце чистым
Ты, человек, его не будоражь!
Очнись, не увлекайся винопийством,
Иль жизнь твоя растает, как мираж.

Источник жизни славится веками,
Цени же сердце собственное ты,
Ведь сердце — не железо и не камень,
Есть у него желанья и мечты.

С годами тяга к жизни все острее,
Несбывшихся желаний страшен вьюк.
Пусть сердце раньше срока не стареет,
Не знает преждевременных разлук!

От сердца и о сердце строки эти,
Меня услышьте, отчие края:
От сердца все питается на свете, —
Пословицы верней не знаю я.

Огонь, зажженный в доме не от сердца,
Не станет благодатным очагом,
Не превратятся в сад густой деревца,
Что равнодушно садятся кругом.

Доверься смело собственному сердцу,
И взгляд, как мост, в столетья перебрось.

Когда и что холодному умельцу
Оставить для потомков удалось?

На гребень века только крылья сердца
Возносят человека в наши дни.
Пред сердцем — полновластней нет владельца —
Сокровищницы настезь распахни.

А вы, дельцы, торгующие сердцем,
Чтоб из расчета выгадать почет,
Любой из вас предстанет погорельцем,
Когда народ возьмет и пропечет.

4

Друзья! Давайте так стучаться в двери,
Чтоб от души к душе дорога шла.
Останутся народу без потери
Одна любовь да добрые дела.

Давайте речи долгие забудем,
Научимся выслушивать сердца.
Делами люди помогают людям —
Нам это надо помнить до конца.

Войдем в дома к собратьям и соседям,
Любой очаг с любовью навестим,
Любое сердце доброе приветим,
У всех сограждан наших погостим.

Тогда, ответной ласкою согреты,
Услышим мы сердечные слова,
У стариков найдутся самоцветы,
В которых мудрость вечная жива —
Простые, человеческие слова.

Поэту — без народа не годится!
Малец, игрою увлечен подчас,
Бесструнной деревяшкой гордится,
Воображая, будто это саз.
Так и у нас случается подчас.

За книжкою порой печется книжка,
Но автор, хоть давно уже не юн,
По сути вовсе не приготовишка,
А с той же деревяшкой без струн —
Мальчишка, хоть давно уже не юн...

Устал я, сердце. И рассвет забрезжил.
Возьми и эту рукопись проверь.
Меня неблагодарным и небрежным,
Как прежде, назовешь ли и теперь?

Заря цвела во всем великолепии,
И я светлел, и шел в объятия дня,
В любимые мои джейраньи степи,
Что и в стихах, и в сердце у меня.

Какое счастье, что и я — частица
Земли и взгорий, неба и степей,
Какое это счастье — сердцем слиться
С великим сердцем родины своей!

1943

СЛОВО О ГРЯДУЩЕМ

О Красной Армии бойцы! Вы — сила света и добра.
Жизнь будет жить, а смерть умрет... Придет весенняя
пора.

Стократ пышнее расцветет все пережившая страна,
Желаний добрых и простых взойдут живые семена!
Опять научатся живой, чуть слышной музыкой звучать
Сердца, где выжжена была печали черная печать.
Сотрется злого зверя след — след поступи его кривой,
И шрамы на груди земли весенней зарастут травой,
И новой нежностью души, первоначалом новых лет
На хмурых лицах заблестит улыбки медленный рассвет...
Птенцы, которых ураган закинул в дальние места,
Домой вернуться, обретут тепло родимого гнезда.
Войдя в уютное жильё, боец обойму разрядит,
Жену обнимет горячо, как прежде, лампу засветит...

И снова встретятся друзья, и песня песню поведет,
И снова юность на земле узнает, как любовь цветет...
О, жгучи слезы матерей, страшны сиротские пути,
Но все же многим суждено детей потерянных найти!
То будет новая весна, совсем особая весна,
Невиданная красота, неслыханная новизна!
По Украине вновь пойдет волшебной славы бандурист,
В долинах Крыма виноград, как солнце, станет золотист...
Почти прозрачные плоды, медовым соком налиты,
Оттянут ветви до земли в краю цветущей полноты.
Набухнет вымя у коров... Затянет песенку свирель,
Старик садовник до зари покинет теплую постель...
И смех вечерний зазвучит в садах приморских городов,
Украсят бархатную ночь огни янтарные портов;
Над пеньем пенящихся рек опять протянутся мосты,
Опять пойдет круговорот полетов, плаванья, езды,
И горы двинутся опять, гуденьем радости полны:
Заставят землю заплясать машины мира — не войны!
То будет новая весна, совсем особая весна,
Невиданная красота, неслыханная новизна!
Земля, что враг хотел убить и превратить в глухой погост,
Поднимет гордый кипарис и стройный тополь выше звезд!
И вспомнят грозные моря о доле истинной своей:
Лазурной лаской исцелять и блеском радовать людей!
Грузинка на заре споет о счастье жизни молодой,
Кубань расстелет, разольет моря пшеницы золотой,
А вдалеке степной старик с лукавой мудростью в глазах
Накосит тысячи стогов — колхозник Азии, казах!..
То будет новый, добрый день, одетый в новое народ,
То будет мир, где больше нет голодных, слабых и сирот,
То будет новая весна, совсем особая весна,
Невиданная красота, неслыханная новизна!
Там, где пожарища теперь, там снова зодчие-творцы
Подымут белые, как снег, великолепные дворцы...
Приди, строитель, начинай! Живой узор восстанови!
Здесь даже камень камню брат, здесь даже камень —
друг любви!
Десятилетия пройдут... И будет в мире всем дано
Не отрываясь пить и пить свободы чистое вино!
О счастье жить и счастье знать напишут сотни тысяч книг..
Тем будет счастлив человек, что небо разумом постиг!
От века чистая душа стремилась к солнцу, к солнцу шла.
И сила солнца победит убийственную силу зла.

В едином храме красоты на празднике сойдутся все.
От звука кеманчи одной, вздыхая, улыбнутся все!
Со всеми будет жизнь щедра, для всех окажется родной.
И все поймут закон добра, природой вскормлены одной.
Былой забудется разлад в сердцах и помыслах людей,
И станет другом человек свободной совести своей!
И преждевременную смерть, как нищенку, отгонит прочь
От охраняемых дверей, от окон освещенных — в ночь!..
В музеях пики и штыки задремлют, крови не ища,
И башни танковой модель, и первобытная праща...
Когда-то верил наш народ, и песня шла в уста из уст,
Что под землей и в небесах есть Ахриман и есть Ормузд.
Бог зла был черный Ахриман, Ормузд — весенний бог
добра.

Та сказка кончилась давно, та вера детская стара...
Но в мире есть добро и зло! И смысл разумному открыт,
Что будет смерть побеждена, а солнце жизни победит!
Не на таинственном коне, не в ткань волшебную одет, —
В иных доспехах человек направится в меджлис планет!
И будет путник-астроном, плененный дальнею звездой,
Внимать гармонии миров безмерно сложной, но простой!..
О сила солнца и добра! О Красной Армии бойцы!
Вы океана жизни соль, прославленные храбрецы!
Вперед, наследники веков, надежда будущих времен!
Свобода — родины призыв. Победа — родины закон.
Враг похвалялся и бряцал, — ничто ничтожных не спасло.
О сила правды и добра! Уничтожай творящих зло!
И всеобъемлющ будет мир... В сокровищницу книг войдут
Сказанья многих тысяч лет... Наш пламенный Деде Коркут
Вновь оживет! Прославит он Страну огней —

Азербайджан,

Для новых правнуков создаст о нашем времени дастан...

1943

ЧЕТЫРЕ СЛОВА

Полнозвучное чудо — людская речь,
Половодьем шумит она сквозь века,
Может горы сдвигать, может сердце жечь,
Быть нежнее цветка и острей клинка.

Путь от сердца до неба привычно прост,
Вновь мечта в облаках мне гнездо совет,
Сколько блеска в бесценной россыпи звезд,
И у каждой свой ответ и свой полет.

Нет, не звездным сиянием я объят,
Но звучаньем горячей речи людской.
Есть такие слова, что звездой горят,
Излучая смятение и покой.

Есть в божественной речи слово *любовь*,
Непорочнее горного родника.
Это слово рождается вновь и вновь,
Каждый миг возникая на все века!

Только лишь улыбнется любовь-весна —
И желанья крепнут, силы растут,
На геройство тебя вдохновит она
И на медленный, на каждодневный труд.

Ни сомнений, ни зависти, ни тоски
Не изведает любящий человек,
И года, и невзгоды ему легки,
Если сердцу он верен навек, навек.

На могучих крылах, что нежны, как шелк,
Любовь поднимает над временем нас,
Чтобы голос ее соловьев не умолк,
Чтобы в розах ее огонь не угас.

Любовь — человек. Это высший закон,
Которому радостно верят сердца,
И может быть мир до конца озарен
Лишь словом, рождающимся без конца.

С ним слово другое мы в сердце родим,
Нам *счастье* звучит, словно смех молодой,
Идут поколенья за ним лишь, за ним —
За вечной своей путеводной звездой.

Пространство и время сливаются в нем,
Оно не имеет ни мер, ни границ.

Мы утром для нового счастья встаем,
Разбужены солнцем и пеннем птиц.

Нас каждое утро все громче зовет,
И близкое счастье все дальше манит,
И сердце торопит вперед и вперед...
Не я говорю это — жизнь говорит.

И ты, слово *родина*, в душу вошло.
Как ты хороша, ненаглядная мать!
Нам только с тобою тепло и светло;
Тебя потерять — как себя потерять.

Дыханье твое — вдохновение труда,
О родина счастья, любви и весны!
Во имя твое и во славу всегда
Со славой великою жить мы должны.

Со славою павших в бою сыновей
Ты к сердцу прижмешь, поцелуешь в уста...
Горды твои дети любовью твоей,
И в битве жестокой душа их чиста.

Ты совестью неомраченной сильна,
Великий, единственный наш судия!
Живет приговор твой на все времена, —
Божественно мудрая воля твоя.

А слово *победа* — основа основ!
Нам знамя ее — как поутру заря.
От подвигов неустрашимых сынов
Кровь родины крепнет, все жарче горя.

Живет семендар в смертоносном огне,
И только в огне ей привольно дышать...
Есть в Азербайджане, в горячей стране,
Легенда, гласящая, жить — побеждать!

Кто лишь для победы родился и жил,
Всегда будет счастлив и всеми любим.
Покорность, безмолвие — участь могил,
Идет победитель — склонимся пред ним!

О сердце победы! В биенье твоём
Сливаются вольных народов сердца.
Мы в подвигах наших героев живём,
В сказаньях, которым не будет конца.

Победа! Взивается знамя твоё,
Чтоб мучить отчизну враги не могли,
Живём для нее и умрем за нее.
Победа! Бессмертная слава земли!

1944

Лекарства мне, лекарства мне! Нет больше сил терпеть
в огне!
Пускай не светятся стихи с лучами солнца наравне!

Ничком я наземь упаду, зарююсь в землю, словно змей.
Ты, сокол сердца моего, не смей мечтать о высоте!

Творить и жить! Две тыщи бед в привычных этих двух
словах...
Кто сам того не испытал, тот пусть пока не верит мне!

Я жить устал из-за глухих наветов недругов моих.
Пусть жизнью подленькой своей они насытятся вполне!

Пускай охапки новых слов берет соперник у меня,
Но только моего пера пусть не хулит на стороне!

«Давайте в честь родной страны напишем гимны», —
говорю.
Молчат товарищи мои, вот что печальнее вдвойне.

Но не умолкнет мой призыв и не угаснет пламень мой,
Бессильным стоном этот стих пусть не покажется стране!

1944

ЕСЛИ ДАЖЕ ВЫ И НЕ ПРИДЕТЕ!..

Давайте, друзья, у меня соберемся в саду
Без водки и прочего — просто за чаем.
С душою, как с книгой, ни разу не читанной, жду, —
И многое в ней обойти бы молчаньем.

Но — нет! Прочитаем как следует все и подряд,
Ловчить да выгадывать я не умею.
Мне разные там недомолвки и тайны претят, —
Вы сами знакомы с натурой моею.

Давайте, друзья! Мой тутовник разросся сейчас.
Забывшись обиды — увидите сами.
Не верю, но жду. И раскрыта калитка для вас,
И сердце мое нараспашку пред вами.

1944

НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК

Моя душа поэзией живет,
Поняв ее святое назначение.
В страну вступает сорок пятый год
В сиянии, в военном облаченье.

Торжественно его встречаем мы.
Вином вскипают звонкие бокалы.
Взойдет заря из поредевшей тьмы,
Она на горы кинет отблеск алый.

И на заре пригрелятся мне вдруг
Не древние богатыри сказаний,
А ты, далекий, незабываемый друг,
И дымное от боя поле брани.

Быть может, снег занес твою шинель
На дальнем и тяжелом перегоне...
А может быть, беснуется метель
Вокруг тебя на снежном горном склоне.

94

То снится мне — в свинцовом ливне путь.
И ты, изнемогающий от боли,
Немецкой пулей пораженный в грудь,
Лежишь один в опустошенном поле.

То вижу я, как пламя лижет дом
И все вокруг испепеляет яро,
И ты один сражаешься с огнем,
А небо в мрачном зареве пожара.

Но, может быть, среди разбитых стен,
Закатными лучами озаренных,
Теперь ведешь ты немцев, взятых в плен,
Тобой в жестокой битве покоренных.

О небесах своей родной страны
Ты вспоминаешь часто на чужбине.
Но дни разлуки нашей сочтены,
Я ожидаю буду жить отныне...

Мы за столом... Померкли блески звезд.
Заря на мир кидает отблеск алый.
И за тебя провозгласили гост,
И пенятся высокие бокалы.

Потухнет мимолетной страсти жар,
И только дружба в мире неизменна.
Ее тебе я посылаю в дар,
Запечатлев в поэме сокровенной.

1944

МОЙ ГОЛОС

Материнскою лаской отчизны согрет,
Я влюблен в наше счастье с младенческих лет.
За сиянье весны, за торжественный свет
Нашей истины — солнце веков — голосую!

Занскрились снежинки, простор серебра,
И восходит над миром живая заря,

95

И душе моей вторят хребты и моря, —
Я за милый отеческий кров — голосую!

Я всю жизнь мою пел в благодатном краю,
И сегодня я снова о братстве пою.
За тебя, мой народ, за отчизну мою,
За обилье осенних плодов — голосую!

Не бродил я в тумане, не жил в забвении.
В коммунизм устремляются взоры мои!
Верный сын нашей радостной, дружной семьи,
За искусство, за силу стихов — голосую!

Вечно молод в отчизне моей человек —
Так вершина горы не стареет вовек, —
Он величием правды — неправду поверг!
За грядущую светлую новь — голосую!

Как я счастлив, друзья, что живу я в года
Вдохновений, исканий, открытий, труда!
О народ мой, я верен тебе навсегда,
За твоих благородных сынов — голосую!

Для свободного сердца нет в мире преград.
Мы сдвигаем седые хребты, как Фархад.
И дана мне свобода — отрада отрад,
И за нашу свободу я вновь — голосую!

Мы сражались, из тьмы вырывая рассвет.
В битве пали друзья, но забвенья им нет.
Над могилами павших — незывлемый свет...
Я за мужество наших бойцов — голосую!

1946

ОДИНОКАЯ ЗАБЫТАЯ МОГИЛА

Сегодня быстрокрылая мечта
Меня с реальным миром разлучила.
Туда, где вечный сон, молчат уста, —
Меня в миры иные устремила.

96

Там нет веселья и ничто не греет,
Земля горька там, а в воде — печаль.
Изведать кто, скажите мне, сумеет
Загадочную, роковую даль?

Никто на голос твой не ответится,
Тот древен мир, как древен этот мир,
И кладбищем он издавна зовется.
Надгробный камень — вот его кумир.

Задумчив камень, словно человек,
Под звездами стоит,
 слепой
 навек.

Передо мною стройные чинары.
О чем они друг другу говорят?
И памятники — молодой и старый, —
Все мраморные, выстроились в ряд.

И даль вокруг безбрежная видна,
От облаков ложится тень на камень.
На кладбище — куда ни глянь — весна,
Надгробия украшены венками.

Осенний ветер, зимние метели
И дождь, что небосклон, как слезы, лил,
Стереть с надгробных камней не сумели
Ни надписи, ни адреса могил.

(О чем они, те надписи, о чем?
Я голову склонил, молчу смиренно.
Усопших добрым словом помянем,
Ведь все мы гости в этом мире бренном.)

Встает герой, ранений не скрывая,
Погиб он, чтобы ты на свете жил.
Ему не надо божеского рая —
Народу и отчизне он служил.

Мне издали видна твоя могила,
О мать, я преклоняюсь пред тобой.

97

Растила дочь ты, сына ты растила, —
Да будет твой ненарушим покой!

Великие мужи, поэты мира
Навеки свой покой здесь обрели.
Стальной булат и мраморная лира
На памятники вечные легли.

Могилы вижу здесь простых доярок
И тех, чей разум в глубь веков проник,
Тех, кто пустыни превратил в цветник, —
Всех тех, чей труд весом и образ ярок.

О подвигах,
 которые не счесть,
Мне удалось
 на кладбище
 прочесть.

(О чем они, те надписи, о чем?
Я голову склонил, молчу смиренно.
Усопших добрым словом помянем,
Ведь все мы гости в этом мире бренном.)

Состоят могилы, будто бы живые,
Попробуй все могилы сосчитай!..
И если б верил я в миры иные,
Сказал бы: «Поглядите — это рай!»

Но вот мечта меня остановила:
Передо мной
 забытая
 могила.

Стоит одна.
 Стоит, как горб земли,
Без памятника.
 Без друзей.
 Чужая.

С песком и ветром сорняки, играя,
Пристанище на ней себе нашли.

Ее живые на земле забыли,
Видать, она — жилище для червей.

Надгробный камень не лежит на ней,
И неизвестен адрес той могилы.

Стоял я, будто громом пораженный,
Стоял я долго, в мысли погруженный,
И сторожа кладбищенского я
Спросил, с трудом волнение тая:

«Старик, меня мечта сюда вела,
Не скажешь ли мне, чья могила эта?
Она ничьей заботой не согрета,
Тропинка к ней травой заросла».

Взглянул он, сторож, на меня в упор,
В глазах его мне чудился укор:
«Твоя та одинокая могила!
Поэт — он не поэт, коль не творит,
Поэт не тот, кто много говорит, —
Тебя твоя эпоха позабыла».

Домой меня моя мечта примчала,
И книгу жизни я перелистал,
С начала до конца, опять с начала —
Я в этой книге смысл ее искал.

Где, покажи, бессмертный твой дастан,
Бессмертные твои стихотворенья?
Где чувств размах и мыслей океан?..
Ты прав, старик, достоин я забвенья!

Подруга жизни, хватит праздных дней,
У праздного ведь жизнь всегда короче.
Подруга жизни, дверь закрой плотней
И печку растопи, продрог я очень.

Дай мне перо, бумаги дай, прошу,
Писать, писать, чтоб в жизни все осталось,
Чтобы из уст в уста передавалось
Все, что отныне я ни напишу.

МОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

Не думай, что иссякло вдохновенье,
Сто новых нот в одной нашел певец!
Вели сказать, что вновь раздастся пенье, —
Пускай людей обрадует гонец!

Мои стихи земля усыновила,
Встряхнула горы песенная сила,
Нежданный листопад остановила
И окрылила тысячи сердец.

Мечта моя взлетит, как соколица,
Молниеносно с бурей породнится,
Вас в небо увлечет, как проводница,
Но в край родной вернется наконец!

Лучи люблю, как флаги на рассвете.
Как счастливы влюбленные на свете!
Подсказывает жизнь мне строки эти
И раскрывает мудрости ларец.

В моей груди — дыхание народа,
Мой верный саз настроила свобода,
Простой напев достигнет небосвода —
Распахнут гулкий голубой дворец.

Отчизна-мать! И в радости, и в горе
Мы помнили о нашем уговоре,
И если сердце родины — как море,
То в нем Вургун — испытанный пловец.

1946

РЕЙХСТАГ

И капитан воскликнул: «Вот рейхстаг!»
И я увидел битый камень, щебень,
Куски колонн, проломы в ста местах
И купола раздавленного гребень.

Все в копоти, в извешке и в пыли...
Без всякой злобы к этой черной груде
Я думаю: как точно разнесли
Свою мишень тяжелые орудья.

Гнездо убийц, садистов и шпиков
Недавно угрожало всей вселенной.
Ну что же тут прибавить! Вот каков
Конец у всей империи растленной.

Здесь Гитлер хвастал, пижась и кичась,
Что целый мир ему под ноги ляжет.
Нет Гитлера! Молчит о нем сейчас
Фугасами распаханная пажить.

Избавлена Европа от змеи,
Спасли весь мир советские солдаты.
В сырой земле товарищи мои,
В сердцах живущих — память славной даты.

Здесь вписаны и ваши имена,
Сыны Баку, сыны родного края.
Пусть придут иные времена,
Ваш подвиг будет жить не умирая.

Вот он стоит, разрушенный рейхстаг, —
Проломы, бреши, битый камень, щебень,
Куски колонн, проломы в ста местах
И купола раздавленного гребень...

И падают снежинки на рейхстаг,
Ткут саван для железного скелета,
И внятно говорит картина эта:
«Любой завоеватель кончит так!»

1947

СТАТУЯ МАТЕРИ

И мрамором, и бронзовым литьем
Любой из городов земли украшен.
Людская мысль в парении своем
Вздымает арки, строит своды башен.

Подумай, — от каких-то серых скал
Ваятелем отторгнутый осколок
Явился в мир, живым созданием стал,
И век его неисчислимо долог.

Гроза и буря, ураган и дождь
Шумят над ним. Проходят весны, зимы...
Ничто не потревожит эту мощь:
Красуется, как встарь, неотразимый!

Художник вырвал вечности кусок
Из первозданной каменной породы.

102

Да, человек воистину высок,
Любимый сын у матери-природы!
Я на берлинской площади пустой
Видал фигуру матери простой.

Среди развалин статуя стояла,
Не тронутая пламенем войны,
И материнством праведным сияла,
Все дали мира были ей видны.

На книгу положив спокойно руку,
В другой сжимая тонкое перо,
Она ко мне склонилась, словно к другу, —
Вся — нежность, вся — вниманье и добро.

Шли годы. Вырастали год за годом
Солдатские могилы без числа...
А эта мать, мужавшая с народом,
Быть может, миру Тельмана несла.

Ни серых пятен пороха, ни вмятин
От сплюснутых свинцовых пуль на лбу.
Она молчит. Но женский голос внятен:
Зовет он поколение на борьбу.

За новый мир — без гнета и насилия!
Недаром проходили времена.
Недаром люди беды выносили —
А все-таки не старилась она!

И вот в Берлине новом и суровом
Колонны демонстрантов перед ней
Проходят с нашим знаменем багровым, —
Пред матерью, — что может быть родней!

И кажется, та женщина большая
Идет в рядах народа своего,
Как сыновья-борцы, провозглашая
Непобедимой правды торжество!

1947(?)

ЛЮБОВЬЮ ПРОДИКТОВАННЫЕ СТРОКИ

И снова зеленеют наши горы,
И родники светлеют, словно взоры,
И тают снежно-белые узоры,
И дождь идет по вешней целине,
И в новый путь пора пуститься мне.

Не остудил я сердце огневое,
Слова, как войско, вновь готовы к бою,
Взаимная любовь сильнее вдвое:
Я знаю — дорог я родной стране.
Любовь моя велит трудиться мне.

Я вижу — небо занято рассветом,
Иду к посевам, радостью согретым,
Поля встречают путника приветом.
Благословляю жизнь в любом зерне,
Но всех отрад милей пшеница мне.

Я возмужал, не в облаках витая,
И честь моя — земля моя святая.
Богатства сердца людям раздавая,
Я одарил не всех и не вполне,
И надо впрямь щедрей делиться мне.

Кто гору сокрушил взрывным зарядом,
Кто знамя укрепил с собою рядом?
Историк, новый мир окинув взглядом,
Обязан написать об этом дне —
Заветная видна страница мне.

Грохочут в отдаленье буровые,
Кружась, долотья греются стальные.
Не знают сна урочища степные,
Раскатист гул в полночной тишине,
И мощь передает зарница мне.

Идут, идут отряды комсомола,
Ведут каналы там, где ныне голо,
Год урожайным будет — знайте, села, —
Примета есть в муганской стороне...
Но дальше надо торопиться мне.

Чиста вода в Мингечаурском море,
Чинары, шелестя, встречают зори.
И широки раздумья на просторе,
Летает чайка, ластится к волне,
Подругой стала эта птица мне.

Просторны застекленные веранды,
Что и восходам, и закатам рады.
Здесь и тепла хватает, и прохлады,
И солнце в каждом светится окне.
От радости большой — частица мне.

Колышутся деревья на Ширване,
Тут свадьба, там — иное пиrowанье...
А что творится в этом котловане?
Ученый ищет клады в глубине.
Вот так же бы упорно рыться мне!

Вода идет — и станет Миль прекрасней,
Мечта идет — трудились не напрасно,
И весь народ стекается на праздник,
И я в народе как в большой родне, —
Отрадно с земляками слиться мне.

Не остудил я сердце огневое,
Слова, как войско, вновь готовы к бою,
Взаимная любовь сильнее вдвое:
Я знаю — дорог я родной стране,
Любовь моя велит трудиться мне.

1948

СЛАВА ТВОРЦУ!

На смерть Узеира Гаджибекова

Повисли крылья у орла, что вечно был в паренье,
Не пронесется он, шумя, над горною грядой.
Встает заря, цветет земля — но жажду песнопенья
Не утолить ему отчизны чистою водой.

Он больше не откроет глаз, чтоб видеть щедрость мира,
Своим друзьям не скажет он приветливо: «Салам!»
Сломалось гордое перо, навек умолкла лира.
Он с новой песней приходить не будет больше к нам.

Но только, смерть, не торжествуй! Кто жизнью жил
чудесной,
Любил отчизну, свой народ, тот прожил жизнь не зря!
Он будет петь у нас в сердцах немолкнушею песней.
Он будет нами век любим: он жил, любовь даря!..

Как прежде, дышит и живет в нас песня Узеира,
Глаза великого певца глядят, смеются вновь.
Мне в душу пламень слов его струит, вливает лира, —
Своею лирой открыл он тысячи стихов.

Творцу, герою — слава! Он опять с лицом открытым
Идет на бой за светлый мир, за правды торжество.
И, полон дум, как вал морской, по-прежнему кипит он,
И наше знамя к солнцу, ввысь, вздымает песнь его!

Бойцы поют из «Кёр-оглу» — врагам страны грозит он,
И завтра с нами он пойдет дорогою одной.
Стихов бессмертных Физули, о брат и композитор,
Ты славись именем своим наш милый край родной!

Так, злая смерть, не торжествуй! Кто жизнью жил
чудесной,
Любил отчизну, свой народ, тот прожил жизнь не зря!
Он будет петь у нас в сердцах немолкнушею песней,
Он будет нами век любим: он жил, любовь даря!..

Слезам горькими пишу я стих свой небольшой:
О лучшем друге дорогом скорблю я всей душой.

1948

ТОСКА МОСТА

Перед нами Аракс! Виден мост впереди.
Поезд стал. И на миг все померкло вокруг...
Сердце будто бы остановилось в груди,
Показалось — весь мир обрушится вдруг!

На тот берег мы с грустью из окон глядим;
Повторяет любимая рядом в слезах:
«Ах, Аракс! Ведь сестра моя где-то за ним,
Двадцать лет мы живем в разлученных краях...»
Мчится бурный поток по ущельям глухим
И гремит и бушует в крутых берегах.

Рассекает он скалы по сторонам,
Как бегущее время, стремителен он.
Лбы утесов склонились к могучим волнам,
Будто горы к Араксу пришли на поклон.
Но как жалки домишки с другой стороны!
В них мне чудится нашей планете укор...
И люди так редко в селеньях видны,
Словно прошел там неведомый мор.

Там, не глядя один на другого, дома
Повернули фасады к подворьям пустым;
Каждый наглухо заперт — глухая тюрьма!
И совсем не клубится над кровлями дым.
А на самом краю лишь могилы видны,
Что омыты слезами угрюмых дождей,
И глаза мои влагой горючей полны,
Видят глыбы упавших надгробных камней...
И «Скалстая высь», молча глядя туда,
Головой в облака поднялась во весь рост...
О, не сотни ли мертвых за эти года
Проводил ее взор на огромный погост?..

Как стремится туда и души моей взор!
Стал привычен к страданью жестокому я,
Город сердца пожаром охвачен с тех пор...
(Быть поэтом — немалое горе, друзья!)

Но отбрось эти скорбные мысли, поэт!
Время мчится вперед... и раздумье — не в срок.

Подари ты народу, тем гневом согрет,
Стих про каменный мост через бурный поток.

Был рукой архитектора мост возведен,
Над Араксом раскинуты своды его,
На столпах мироздания покоится он:
На фундаменте гор, на основе всего.

Сколько лет он, кто знает, уже простоял,
Видел тысячу весен и зим этот мост?
Но с него даже камень простой не упал,
Так он тверд, и устойчив, и сказочно прост!..

Шли войска, и орудия были на нем,
Но стоит над Араксом он, горд и суров,
И давно все на свете ему нипочем,
И как лев он с волнами сражаться готов.

На него устремляются солнца лучи.
И в иные погожие летние дни,
Будто яхонты, светятся все кирпичи!
А в тумане сереют, как скалы, они...

Говорят, и такая бывает пора,
Когда снег одевает пролеты моста,
Как шакалы, кругом завывают ветра
И на землю нисходит с небес темнота.

Без конца я смотрю на него издали,
Долго-долго у берега поезд стоит...
Здесь верблюды, звеня колокольцами, шли,
А теперь даже птица сюда не летит...

С гор спускается вечер к усталой земле,
И ущелья томлением смутным полны,
Там Аракс, то блестя, то тускнея во мгле,
Разрывает рыданьем покров тишины.

Я смотрю неотрывно. А поезд стоит.
Как нарочно решил нас удерживать тут.
Старый камень плющом и травой повит,
Ни следы, ни тропинки к нему не ведут.

Ах, кто знает, с каких не ступали времен
Пешеходы на прочные плиты моста?
На дорогу с тоской смотрит, кажется, он...
Но дорога — пуста.

Кто же там, у воды? Как явился в наш век
Этот старец, покинувший древнюю даль?
Но не миф, не мираж, он — живой человек.
Я в глазах его вижу печаль.

Хмурия брови, на мост он сурово глядит
И несет свою боль с незапамятных пор,
Вся в мозолях рука, в сердце — горы обид,
И туманом одет его взор.

Кто взглянул, как натружена эта рука,
Тот поймет: архитектор стоит перед ним!
Он давно у Аракса, быть может, века,
Над созданием униженным плачет своим...

Ах, кто знает, с каких не ступали времен
Пешеходы на прочные плиты моста?
На дорогу с тоской старца взор устремлен,
Но дорога — пуста...

1948

РАДУЙТЕСЬ, МОИ ДЕТИ!

Расправив крылья над Баку,
Усталый вечер задремал.
Клубящиеся облака
Сгустились в небе тяжело.
Цвет голубых прозрачных вод,
Цвет юных трав темнее стал.
И вдохновение домой
Меня сурово повлекло.

Машин короткие гудки
Все реже мой тревожат слух,

На улицах и площадях
Толпа рассеялась давно.
Велик наш город,
И широк вечерних развлечений круг:
Кто в клуб спешит, а кто в театр,
В Дворец культуры иль в кино!
Машин короткие гудки
Все реже мой тревожат слух.
И я, склонившись над столом,
Что целый месяц сиротел,
Поэзии высокий мир
Приветить словом захотел.

Чтоб горький ветер не вздыхал,
Пустынным мой увидев дом,
Я строфам сердце отдаю,
Вливаю в них живую кровь, —
Поэзии высокий мир
Хочу приветствовать трудом.
Как долог путь!
Когда б я мог разбить застоя цепи
вновь!

Мне сердца не опорожнить,
И жажды мне не утолить.
Творить — вот радости венец!
Извечная моя любовь!
Когда бы мог я наконец
Разбить застоя цепи вновь!
Опять в раздумий светлый мир
Погружена моя душа.
Прислушивается Баку
К биению сердца моего.
Опять по целине листа
Влачится плуг карандаша, —
К столу приникнув, я пишу,
Пишу, не слыша ничего...
Прислушивается Баку к биению сердца моего.

Как тихо в комнате моей!
Прервался звонких слов полет!..
Как тихо в комнате моей!
Прервался детский милый смех,

Уснула громкая гармонь,
И скрипка больше не поет, —
Никто не сможет без помех
Проникнуть в чуткий мир детей.
Прервался звонких слов полет!..
Как тихо в комнате моей!

Юсиф, палитру взяв и кисть,
Малюет где-то в стороне,
Перебирает мой Юсиф
Свои забавные листки.
К рассказам бабки в полусне
Прислушиваясь, Айбениз
Уселась в уголке тахты,
Уткнув головку в кулачки.
И, как котенок,
На руках у нежной матери Вагиф
Свернулся ласковым клубком
И в дреме сладостной притих.
Но почему они молчат,
Мои веселые друзья?
И вдохновенья бурный ток
Не наполняет их сердца?
Мать шепчет им: «Шуметь нельзя,
Мешаете труду отца!
Когда стихи читает он,
Для нас цветет отрады час.
Его неутомимый труд
Пусть вдохновляет, дети, вас!»
Нет, нет, любимые мои!
Отрада ваша так светла, —
Не умолкайте, я хочу
Вас слышать каждый день и миг.
Ведь лег бы на сердце мое
Злой камень, тяжкий, как скала,
Когда б я слышать перестал
Веселый смех детей моих!
Играйте, милые мои!
Веселью вашему хвала!
Я в детстве видел много бед,
Голодных, нищих видел я,
В лачуге, жалкой и сырой,
Слезами обливалась мать,

В слезах явился я на свет.
А вы не знали тяжких лет,
Да и представить трудно вам,
Как грустно юным умирать!
Невесту не видали вы,
Которая в предсмертный миг
Протягивала мне сквозь бред
Объятья рук своих худых...
Ведь вы пришли в прекрасный мир,
Вы в светлом доме родились,
Свобода — вот ваш первый клоч,
Большое счастье — ваша жизнь!
И галстук на груди у вас
Пылает — он алей огня.
Я знаю — радостно прожить
Вы сможете и без меня.
И если завтра я умру,
Не станут ваши дни темны:
Полны заботою о вас
Сердца людей моей страны.
Народ могуч, и глубока
Его величья красота,
Богат и добр наш светлый край,
Никто у нас не сирота!
Сдалась проклятая зима
На милость благостной весны, —
Нужды и голода теперь
Не знают родины сыны.
И не стесняйтесь вы меня!
Ведь я не погружусь в покой,
Ведь я покоя не искал,
О жизни не мечтал такой!
Я птицей урагана был,
Забывшей чистую лазурь,
Я в мир пришел под блеск зарниц,
Под злое завыванье бурь.
И, услышав за цепью гор
Тяжелых жерл угрюмый гром,
Я песней сердце окрылил,
Неукротимым стал орлом.
Шел сквозь огонь подобно льву,
Цвел надо мной пожар, багрян:

Тот не игит, кто не покрыт
Горячей кровью свежих ран.
Лишь тот, кто сердце, на огне
Расплавив, превратил в снаряд,
Уверен будет, что как сталь
Его слова заговорят.
Шумите, милые мои!
Я враг покоя, тишины, —
Дни, промелькнувшие в тиши,
Для сердца моего страшны.
Не сдерживайте голосов!
В ладоши бейте веселей!
Мне видеть хочется всегда
Счастливых, радостных детей!

1949

ТЕБЕ, ХАВЕР

Если смерть — безжалостный палач —
Над моей нависнет головой,
Не казись, любимая, не плачь
Перед неизбежною судьбой.

Боль не выставляй ты напоказ,
Хоть таить в душе неумогу.
Пусть являет сдержанный рассказ
Память, и любовь, и чистоту.

И могила расцветет моя,
Дух мой не расстанется с людьми.
Если спросят: что оставил я? —
Стой, как изваяние любви.

1949

СМЕРТЬ ЭДУАРДА МАЗЭ

1

Небо приморское хмурится.
В Бресте

толпа за толпой

Смело выходит на улицу,
Словно волна за волной.

Гневное это движение
Траурным трудно назвать.
В грозных глазах

тем не менее
Вижу печали печать.

Ветром иссушена досуха
Влага сверкающих глаз...
Воина

или философа
Город хоронит сейчас?
Нет.

Это с гробом рабочего
Строго проходит народ.
Черной каймой оторочено,
Красное знамя плывет.

2

За что убили Эдуарда?
За то, что часто бастовал,
За то, что правящую клику
Продажной кликой называл.

Страсть боевого патриота
Огнем сердца французов жгла,
Когда жандарм переодетый
В него стрелял из-за угла.

Но Эдуард Мазэ не дрогнул
И головою не поник.
Он брови черные нахмурил,
Как бы задумавшись на миг.

В глазах его зарницей вспыхнул
В последний раз лучистый свет.
Он перед смертью ясным взором
Взглянул на ленинский портрет.

3

Люди по улицам тесным, идут,
Дети и матери смотрят с балконов,
Скорбным безмолвием выражен тут
Мощный протест миллионов.

Солнце свои золотые лучи
Сыплет на хмурые улицы снова.
Не умолкая в народе звучи,
Друга сраженного слово!

Жертвовал кровью своей он не зря:
Пышно поднимутся майские всходы
И загорится на небе заря
Мира, труда и свободы!

Слово героя у всех на устах,
Мысли правдивые не позабыты...
Окна распахнуты настежь в домах,
Двери, как сердце, открыты.

Что так волнуется город большой —
Умер философ иль доблестный воин?..
Это французский рабочий простой
Чести такой удостоен.

1950

ПОСЛЕДНЯЯ КАРТИНА

1

Очнулся он в темной камерке в ту ночь.
Стучал еще сон в воспаленные веки,
Потом, затуманясь, рассеялся прочь,
А следом надежды исчезли навеки.

Три шага всего от стены до стены.
Куда ж там идти? Да и сил не осталось.
И ноги как вата. И дни сочтены.
Ну что же, прощай, бесполезная старость!

Но старость пустяк. Сколько дней, сколько лет
Он голоден в Лондоне, черном и черством,
Без хлеба сидел, отощал как скелет.
Цеплялся за жизнь с бесполезным упорством.

Куда обратиться, кому рассказать,
Зачем еще холст набивать на подрамник,
Кто сможет художника за руку взять?
И впрямь, видно, в землю ложиться пора мне!

Просить подаянья, как нищий? Нельзя!
Недаром стоят на посту полисмены.
Зачем же светает, глаза мне слезя?
Зачем этих суток всегдашняя смена?

И бедный художник с тоской поглядел
На бледно-зеленое небо, на землю,
И сердцем бывалый восторг овладел,
Волнением творческим сердце объемля.

Есть верные кисти, и в ящике есть
Последние краски, еще не сухие!
Он кончит с последней картиною — в честь
Всей этой ликующей, вечной стихии!

2

Он вышел на площадь. Асфальт засверкал,
Дождями омытый и светом облитый.
И тут же, под блеском витринных зеркал,
Кладет он мазки на блестящие плиты.

И красками ярко залит тротуар.
Асфальт закипает закатом горячим,
Художник швыряет свой творческий дар
Всем этим зевакам, незрячим и зрячим.

Не стой равнодушно, всмотришь хоть на миг,
Как гибнет сегодня искусство в Европе.
Британское небо в туманах немых
Его окончательно в бездну торопит.

Смотри, как пестро размалеван обман,
Как молодость чья-то на миг воскресает!
...Льет ливень. Сдвигается плотный туман.
И мелочь художнику кто-то бросает.

1550

БАНКЕТ

Готические, стрельчатые арки.
Гербы и алебарды без числа.
Струится свет, бескровный и неяркий,
В огромные, как башни, зеркала.

На мраморных полах — богатства мира,
Ковры невыразимой красоты.
Ковроткачи древнего Кашмира
Здесь огненные выткали цветы.

Огонь из мрака высекла индуска.
На этих кровью крашенных коврах
Жмет руки нам и, усмехаясь тускло,
За нами наблюдает зоркий враг.

Их много — важных заправил из Сити.
Нетрудно их намеренья постичь,
Когда, желудки медленно насытив,
Произнесут витиеватый спич.

И кажется, что в редкостные вина
Кровь чернокожих медленно течет,
Что всей планеты нашей половина
Здесь миллиардный предъявляет счет.

А нам — вниманье! Нам почет особый!
Нас, делегатов мира и труда,
Знатнейшие приветствуют особы,
Нас вражеская чествует орда.

Так льстиво, изгибаясь, так искусно
Повадку волчью спрятав под крахмал...

Не может быть, чтобы игры их гнусной
Советский человек не понимал!

Перед коварным мертвенным оскалом
Мне стало тошно. Друг, не обессудь, —
Мне хочется не чокнуться бокалом,
А все вино в лицо ему плеснуть!

И вот подходит сухонькая леди.
С ней рядом муж, сам Черчилль. Это он
Готов к дипломатической беседе,
Поддерживает легкий, светский тон.

Стоит кабан, расставил ноги, тучный,
Разглядывает, лоснится в жиру,
Густые брови сдвинул и беззвучно
Вдруг усмехнулся, дьявол, не к добру.

«Баку! Баку!» — он процедил сквозь зубы,
И дрогнула слегка густая бровь.
А у меня по жилам, как сквозь трубы,
Бьет огненная нефтяная кровь!

Да, я, бакинец, на твоём пути!
Да, я — наследник Двадцати Шести!
Ты помнишь все, конечно, старый дьявол!
Так пристальной, пожалуйста, гляди!

...Мы разошлись — налево и направо.
Клокочет ярость у меня в груди.

1950

БАЛЛАДА ОБ ИСЛАМЕ МАМЕДОВЕ

Город Вроцлав опоясан
Серебристою рекой.
Одер вьется. Тихо льется
Песня радости людской.

В воду с берега дерева,
Словно в зеркало, глядятся.
Время звездам загораться,
Время сердцу восторгаться
Вечером,

почти бесшумным,
И покоем многодумным...

Шелест сада слышат люди,
Слышит смех весны народ.
Вечер ярок. Свой подарок
Вольная весна несет.
Как поэт, коснулся лиры
Ветерок — в лесах зеленых,
На холмах, на ближних склонах,
На бульварах, на балконах...
Признак польских городов:
Нет балконов без цветов!

Долгий срок — четыре века
Город Вроцлав был в плену.
Новой Польше возвращенный,
Он приветствует весну!
Над простором улиц гулких —
Неба чистого сиянье.
Город весел. Каждой гранью
Рад он своему названью!
И сердца и окна смог
Распахнуть он
на Восток...

Но на время чувство это
От меня умчалось вдаль.
В радостной груди поэта
Поднялась горой печаль:
Я на кладбище увидел
Ряд могил перед собою.

Сколько воинов-героев
Здесь засыпано землею...
В этой вот и в той могиле
Земляки мои почили.

* * *

Низко голову склоняю
Перед вами, дорогие.
Пусть и над моей могилой
Высятся слова такие,
Как на этих скромных плитах!..
Надпись говорит так ясно,
Что отважный воин красный
Жил на свете не напрасно.
Имя павшего в походе
Будет вечно жить в народе!

* * *

Солнце сияло, светила луна мне, —
Долго я кладбище мерил шагами.
Кто-то украсил надгробные камни
Свежей травой, живыми цветами.

Я любовался цветочной грядой.
Видел я вроцлавских девушек милых,
В утренний час поливавших водою
Каждый цветок на священных могилах.

Что же брожу я по тропкам упрямо,
Трепет волненья душою изведав?
Вижу на камне я имя Ислама!
Кто он такой? Не Ислам ли Мамедов?..

Вспомнились тут предвоенные годы,
Теплые встречи в отеческом доме.
Друг мой большой был любимцем народа,
Секретарем был в Казахском райкоме.

Мне не забыть его юного взора,
Крепкой руки волевого пожатья...

Сердцем друг друга мы поняли скоро,
Стали друг другу роднее, чем братья.

Стройный как тополь и широкогрудый,
Черноволосый, с глазами, как звезды,
Он на полях появлялся повсюду
И на рассвете, и вечером поздно.

Благодарил он колхозных героев,
Издалека молодым улыбался,
У стариков он всегда о здоровье
С добрым поклоном учтиво справлялся.

Был он приветливым, бодрым, веселым.
Люди походку его узнавали,
Знали по голосу... Всюду по селам
В гости Ислама колхозники звали.

Как жожаку, доверяли открыто
Радость и горе, успехи и беды.
«Он разберется во всем деловито!»
«Верный совет даст товарищ Мамедов!»

Вникнет в заботы о здании новом,
В нужды читальни, больницы и школы.
Рад сироту он поздравить с обновой,
Свата и сватью со свадьбой веселой.

Рад бесконечно дорогам и скверам,
Новым садам и побегам растущим,
Рад комсомольцам и пионерам,
Песни весеннего счастья поющим...

* * *

Памятен день сорок первого года:
Небо отчизны объято грозой.
Звали Ислама бои и походы,
Он попрощался с весной и Курюю.

Видел он ужас и кровь не однажды —
Нежности сердца и там не утратил:

Светлой мечтою и помыслом каждым
Он устремлялся к тебе, мой читатель.

Ради тебя проходил он сквозь стены
Снежной метели и огненной вьюги.
Спрашивал в письмах Ислам неизменно
О земляках — о знакомом и друге.

К берегу Одера смог он пробиться,
Бил из орудий по вражьему стану.
Каждый удар по фашистской столице —
Это поклон его Азербайджану...

Время стихать боевой канонаде,
Мирной поры наступает начало!
Праздник победы подходит... Но за день,
Но накануне... Ислама не стало.

Пал он геройски в великом походе
И не успел увидеть ликования
Силы весенней в сердцах и в природе,
Там, где родились мечты и дерзання.

Берег Куры не успел повидать он,
Скатерть не мог расстелить там с друзьями...
Сад надевает весеннее платье,
Зори рассвета горят над цветами.

Вечером свет Ильича зажигают
В каждом окне.
Седовласая мама
Вместе с отцом-стариком вспоминают
Сына-бойца, дорогого Ислама.

Через Куру по железному мосту
Сельские люди идут или едут,
Помня, что мост появился не просто:
Ты его создал, товарищ Мамедов!

Саженцы те, что деревьями стали,
Вместе с тобой мы недавно сажали.
Славно шумят они зеленью пышной,
Имя твое в тихом шелесте слышно...

Звезды бледнеют и гаснут под утро,
Даль голубая все чище, все ближе.
Девушек польских золотокудых
У незабвенной могилы я вижу.

Холмик они поливают водою —
И поднимаются яркие всходы.
Ветер весны напевает герою
Светлую песню любви и свободы.

Белые бабочки вьются, вбирая
В крылышки первых цветов ароматы.
Жизнь закипает вокруг молодая,
Мир принесли сюда наши солдаты.

Будет весна: все поборники мира,
Радость всесветной победы изведав,
Грянут хвалу в честь бойцов, командиров
Ратников правды, таких, как Мамедов.

1950

МОГИЛА МАРКСА

Есть в Лондоне кладбище, старый Хайгет.
Там Маркса могила простая.
Над черной плитой изваяния нет —
Лишь слава живет, вырастая.

Плита оседала, мерцала сквозь дождь,
Чернела под снегом и градом.
Почиет в земле наш учитель и вождь
С любимую дочерью рядом.

А слева студеной водой родников
За холмиком озеро блещет.
Над озером тем, у его берегов,
Древесная зелень трепещет.

Когда-то брала его за руку дочь.
По этой вот длинной дороге

Они уходили из города прочь
Отвлечься от дум и тревоги.

Влюбленный в природу, он мог без конца
Смотреть на источник журчащий.
Под ветром весенним порхала пыльца,
Шумели приветливо чаши.

Учитель был рад, что зеленый листок
Так нежно касается пальца.
И мудрая дума была как итог
Всей жизни борца и скитальца.

Мелкий дождь моросит. И склоняемся мы,
Снявши шляпы, над черной плитою.
И без шапок склонились леса и холмы.
Еще холодно поле пустое.

Но недолго, недолго зиме пировать
Под обугленным небом Европы.
Настежь старые окна пора открывать,
Прорубать неоткрытые тропы!

Ибо тонет в жиру Капитал, одряхлев,
Не надеется даже на льготу.
А наш старый учитель, гривастый наш лев,
Продолжает свой путь и работу!

Он сражается с ордами черных теней,
Гонит прочь их, клеймя и позоря.
И все ближе и ближе, ясней и ясней
Коммунизма рассветные зори!

1950

ВЕСЕННИЕ РАЗДУМЬЯ

Весна! Я люблю тебя, вестница света,
Бессмертной природы счастливая дочь.
Года созиданья тобою согреты,
Твой пламень тaitся в созданных поэта,
В сияющий день превращаешь ты ночь.

Ты родственна юности кровью кипучей,
По воле твоей расцветают цветы,
Ты пламенно мыслишь, ты любишь созвучья,
Ты родственна юности жаждою жгучей,
Свободе и радости родственна ты.

Ручьи твои мчатся в ликующем гимне,
Не любишь в полях тишины неживой,
Враждуешь со снегом, со стуженой зимней,
Луга одеваешь ты свежей травой.
Воюешь с ненастьем, с угрюмой тоскою,
Не терпишь, не знаешь, не хочешь покою.
Мгновенный клинок вырываешь из ножен, —
И молнии блещут, и, громом встревожен,
Тебе откликается гулкий простор,
И эхо вздыхает в расщелинах гор.
Пусть реки скорее, шумнее проснутся,
И пусть по груди моей волны несутся,
Пусть грозы гремят над моей головой!
С твоими врагами бороться и мне бы,
Мне взвиться бы соколом в ясное небо,
Кружить и кружить, и устать в синеве,
И рядом с тобою — с отрадою, с другом —
Спуститься, дыша расцветающим лугом,
Прилечь на траве голова к голове.

Как зерна, мы скроемся в пашне до срока
И станем колосьями нивы широкой,
Раскинем платанов просторную сень
И в Мильской степи, и в песчаной Мугани.
Пусть путник, уставший от долгих скитаний,
Вдыхает прохладу в томительный день.
Иль бросимся с кручи, как два водопада,
Чтоб в горной теснине дышала прохлада,
Иль в плавном и вольном течении рек
В полях и лугах не иссякнем вовек.

Везде только вместе, всегда только вместе
Тесать будем камни, слагать будем песни.
Одна у нас цель и забота одна:
Служение людям во все времена.
За счастье людское бороться мы будем, —
Пусть в мире привольнее дышится людям.

Давай еще тысячу лет проживем —
Два сердца, сращенных в порыве одном.
Хватает работы на этой планете,
Давай будем жить, не считая столетий,
Давай переплавим на песню сердца, —
Поющее сердце живет без конца.

1953

ЕСТЬ И ТАКИЕ

С виду он всегда спокоен,
Словно пруд, заросший тиной.
Молчалив, благопристоен,
Как барашек тихий, чинный.

Но случатся в доме беды —
В дверь войти не пожелает.
Загорится у соседа —
Он в сторонке наблюдает.

Он подолгу ищет брода
Даже в собственном стакане,
И в любое время года
Он не держит обещаний.

Трус, каких на свете мало,
Осторожнее шакала.
Он слова сквозь зубы цедит,
Он в сердца вонзает жало.

Говорит он об отваге:
Я, мол, бдительный, я зоркий!
Только это на бумаге:
Чуть опасность,
шмыг — и в норке.

Губы в сладенькой улыбке,
Но глаза его — как льдышки.
Чует деньги без ошибки,
Ест и пьет без передышки.

126

Он кривая шашка в ножнах,
Чуть посмотришь — умолкает.
За спиной зато безбожно
Честь чужую он пятнает.

Не творит он и не строит,
Судит он творцов с пристрастьем,
Им ловушки, ямы роет,
Разбивает жизнь на части.

Но из пламени и дыма
Он выходит невредимым.
Говорят: «Он заколдован,
Стал таким неуязвимым».

1953

ПОЭТ, КАК РАНО ПОСТАРЕЛ ТЫ...

Поэт, как рано постарел ты...
Ты, говорят, счастливый самый,
Хотя всю жизнь ты горем сыт;
Как снег в горах, оно висит.

Над головой твоей упрямой.
И скольких бы других ни грел ты,
Ни влек бы к сердца очагу,
Вся голова твоя в снегу!
Поэт, как рано постарел ты...

Вчера, когда окончил ты
Читать... Когда, в руках цветы,
Безмолвная, перед поэтом
Стояла девушка с букетом,
Как долго на нее смотрел ты,
Читая у нее в глазах
Наивное по-детски: ах!
«Поэт, как рано постарел ты!»

Охотой увлекался ты,
Под буркой ночевал в пустыне
И за козлами по стремнине
Спускался с горной высоты.
Как прежде, брал их на прицел ты,
Но пули мимо них прошли
И только свистнули вдали:
«Поэт, как рано постарел ты!»

Ты был жесток в житейских схватках,
Был друг друзьям, был враг врагам.
Но тот, кто в жизни только лгал,
Кто дружбу предлагал, как взятку,
Кто с лестью лез, чтоб подобрел ты,
Сейчас, скрывая торжество,
В твой дом вползая, шепчет: «О
Поэт, как рано постарел ты...»

Да, голова твоя седа,
Поэт, Но это не беда:
Ни женщина, что ты любил,
Ни родина, чьим сыном был,
Те двое, для кого горел ты, —
Пусть голова твоя седа, —
Тебе не скажут никогда:
«Поэт, как рано постарел ты!»

1953

Я НЕ СПЕШУ...

Все в звездах небо, с моря дует ветер.
Мы встретим со стаканами зарю.
Не говорю: «Забудем все на свете!»
«Согреемся немного», — говорю.
Пусть длится ночь, пусть опоздает утро —
В объятьях дум сижу я у огня.
Пусть то, что я скажу, не так уж мудро,
Но мудрость друга — выслушать меня!
Пока любить и петь я мучим жадой,

Пока, живой, теплом земли дышу,
Я жизнь продлю в ее мгновенье каждом, —
Мне некуда спешить.
Я не спешу.

Любовь моя! Чтоб лет моих не выдать,
Не говори, что я устал и стар.
Я видел меньше, чем хотел бы видеть!
Встань, обойдем земной летящий шар!
И если парус дум моих летучих
Нас бросит в океаны и моря,
Не бойся! Я дорог не знаю лучших.
Чем те, где не встают на якоря.
Звезда ль меня лучами с неба тронет,
Иль сам звезду на небе погашу,
Пусть радость и печаль своих коней не гонят,
Мне некуда спешить.
Я не спешу.

И ты, мой друг, охотник, всю округу
Облазивший со мною на веку,
Давай пройдемся медленно по лугу
И «здравствуй!» скажем каждому цветку.
Я должен над цветами наклониться
Не для того, чтоб рвать или срезать,
А чтоб увидеть добрые их лица
И доброе лицо им показать.
Они раскроются по доброй воле
На час, на день, на сколько попрошу.
Куда спешить мне? Я не ветер в поле!
Мне некуда спешить.
Я не спешу.

Пусть туча медленней пройдет над нами,
Пусть медленней течет река. И пусть,
Весь мир на капли разделив глазами,
Я каждую запомню наизусть.
Не думай, я не постарел, я просто
Хочу, чтоб все в нас оставляло след,
Чтоб мы, не доживающие до ста,
Прожить умели за день десять лет.

Пусть не спешит перо в руке поэта
Скорее книгу жизни завершить,
Пусть длится день! Пусть вертится планета!
Я не спешу.
Мне некуда спешить.

1954

ТЕЛОГРЕЙКА

Ты помнишь, друг, как я, назад три года,
В Москве с утра к тебе ворвался в дом?
И сколько б мы ни пили в ту погоду,
Дай бог, чтоб чаще было так, вверх дном!

Южанин, был я в ту метель простужен,
И как же ты ругал меня, корил!
Что даже пусть я сам себе не нужен,
Тебе я нужен! — так ты говорил.

Сняв телогрейку, теплую от тела,
Ее мне по-солдатски подарил.
«Простуженный поэт — дрянное дело!
Не смей болеть!» — так мне ты говорил.

И голос твой, как огонек за вьюгой,
Не позабуду я, пока живу.
Пусть будет щепкою подарок друга, —
С той щепкой я моря переплыву!

Когда теперь с ружьем в степи шагаю
И зимний холод режет, как стекло,
Я сразу телогрейку надеваю,
Хранящую еще твое тепло.

Когда в Баку ударит норд весенний,
И с легкими опять вдруг канитель,
И все родные хором — нет спасенья —
Зовут врачей, чтоб класть меня в постель.

Я надеваю телогрейку эту
И в ней сижу упрямо у огня.
Каких врачей еще искать по свету,
Когда ты взялся вылечить меня!

1955

НА ЧУЖБИНЕ

Безвременная смерть, посторонись,
Я с жизнью не расстанусь на чужбине.
Напрасно свой клинок взметнула ввысь —
Я вновь пером вооружился ныне
И с жизнью не расстанусь на чужбине.

1955

СКАМЬЯ СМЕРТИ

I

Председатель суда нажал звонок —
Стала резче мертвенность дряблых щек.
Председатель внушительно произнес:
«Продолжается суд!
На повестке — допрос...
Обвиняемый, встать!»
— «Отвечать я готов...»
На скамье он один, он спокоен, суров,
И глаза его гневом горят святым,
Обжигая судью огнем своим.

«Перестаньте грубить,
Попадете в беду!
Я прошу на вопрос отвечать суду
Без утайки, всю правду... Итак —
Для чего подожгли вы рейхстаг?»
— «Ложь! Гнуснейшая ложь!»
— «Что сказали вы?»
— «Ложь!
У людей нет доверия к вам ни на грош!
Вы посмешищем стали с вашим судом!
Не такими путями мы к цели идем!
Обвинение ваше — чудовищный вздор!
Наша партия нам запрещает террор!
Мы — за тех, кто терпит лишения и гнет,
Кто за черствый кусок
Проливает свой пот,
Умирает в нужде...»
— «Выбирайте слова!
Вы рискуете жизнью —
Слетит голова!»

— «Не запугивайте, господин судья!
До тех пор, пока мыслю и чувствую я,
Коммунизм и счастье грядущих дней
Несравненно дороже мне жизни моей!
Ни религия, ни ухищренья судей,
Ни закон, о котором печетесь вы тут,
Нашу правду и нас
С пути не сведут!»

Председатель суда нажимает звонок —
Стала резче мертвенность дряблых щек.
Он кричит:
«Коммунист! Шпион!»
И в глазах его бешенство... Зал потрясен...

«Подсудимый» в раздумье...
Застыл часовой
Над приподнятой гордо его головой.
«Подсудимого» смерть ожидает... И вот,
Поправляя свой галстук, свидетель встает.
Показаний подложных он кучу принес,
Негодующе он задает вопрос:
«Почему же разгуливал варвар тот
По Берлину?»

Судья, промолчав, дает
«Подсудимому» слово...
На голос судьи
Непреклонный Димитров встает со скамьи,
На лице его — ясность,
В глазах его — гнев,
Говорит он, свидетеля оглядев:
«Здесь пытаются мне оскорбленье нанести,
Но мои не запятнаны совесть и честь,
Продаваться не стану, как это дрянцо!»
У свидетеля разом темнеет лицо...
К «подсудимому» голову он повернул, —
В зале хохот и говор сливаются в гул...
У свидетеля губы от злости дрожат,
На судью устремил он растерянный взгляд:
«Этот дикий болгарин шельмует меня!..»
«Подсудимому» злобно молвит судья:

«Перестаньте грубить!
Вам советовал я
И советую вновь —
Выбирайте слова!
Вы рискуете жизнью —
Слетит голова!»
«Подсудимый» смеется. Свидетель кипит:
«Никогда не терпел я подобных обид!»
В зале многие знают отлично о том,
Что свидетель тот куплен за деньги судом...
Вот защитник встает.
Вот очки протер
И заводит такой разговор:
«Мне сдается... Конечно...
Возможно, что так...»
Поперхнулся, запас его слов иссяк.
Понимает защитник, что вздор городит,
И смолкает, невольный почувствовав стыд.
«Подсудимый» срывается вдруг со скамьи
И кричит:
«Как ни плохи дела мои,
Я себя защитить попробую сам!
Пусть защитник простит мне — к его словам
Не питаю доверья...
Вынужден я
На себя уповать, господин судья!
И хоть знаю, что трудно придется мне,
Но народ трудовой на моей стороне!»
Председатель суда нажимает звонок —
Стала резче мертвенность дряблых щек.
Но, волнение свое под суровостью скрыв,
Он бубнит:
«Объявляется перерыв!»

2

В ресторане в ту ночь веселятся всласть,
Полон зал — в нем яблоку негде упасть.
Ресторан первоклассный — в огне золотом;
На столах серебро говорит с хрусталем.
В ресторане — счастливый полуночный час,

Исполняет мелодии модные джаз,
И под жалобы звуков, волнующих кровь,
Голоса то взлетают, то падают вновь.
До утра в ресторане веселье идет —
Полуголые девушки пляшут фокстрот.
Яркость губ, свежесть плеч, их мельканье сквозь мглу,
И — блуждание глаз от стола к столу...
Раскраснелось лицо у судьи; он — в углу,
Раскрывая объятия, бормочет: «Приди!»
Чью-то голову чувствует он на груди,
Чьи-то нежные пальцы касаются щек,
Чей-то голос в крови вождельенье зажег.
Всем знаком тот судья: здесь кутил он года,
Не трезвей, чем сейчас, он бывает всегда.
Вот ликер и коньяк он глотает опять, —
Сколько раз «за здоровье» пришлось выпивать!
Не трезвей, чем сейчас, он бывает всегда!
В ресторане — счастливый полуночный час,
Исполняет мелодии модные джаз.
Захмелел судья, голова тяжела...
Он никак не подыметя из-за стола,
Тот, в чьих грязных руках — человечья судьба!
«Маргарита!» — гремит восхищенно труба...
То — Берлина красавица первая...
Вот
В платье газовом женщина тихо плывет.
Усмехаются губы,
Играют глаза,
Ослепительно блещет в ушах бирюза.
Через силу встает захмелевший судья,
Перед женщиной гнется, волнение тая;
Кровь к лицу прилила,
Затуманился взгляд,
И слова, как в бреду, на губах шелестят:
«Пощади, Маргарита! Ты слаще вина!
Как ты дивно прекрасна! О, как ты нежна!
Пусть вдвоем нас машина умчит домой,
Эту ночь проведешь, Маргарита, со мной!
Как ты дивно прекрасна! О, как ты нежна!»
Прикоснулась к холодной щеке губа
Того, в чьих руках человечья судьба!

Ночь бледнеет,
 Туманом рассвет возвещен.
 Тих Берлин, погруженный в могильный сон.
 По Берлину стремится великий поток,
 Запах пороха крепнет...
 Рассвет недалек...
 Тих Берлин, погруженный в могильный сон.

Вон, к тюремным решеткам прикинув гурьбой,
 Заключенные смотрят в простор заревой.
 В самой крайней из камер сидит мой герой.
 Он не сломлен:
 Как прежде — горд и суров,
 Воля в бурях окрепла, в тревоге боев
 Закалилась...
 Как прежде, горд и суров,
 Он письмо материнское держит в руках:

«Знай, мой сын, что пока, презирая страх,
 Ты за правду бьешься, храня ее стяг,
 Все прекрасней твой облик в моих глазах!
 Многолетний благословляю свой труд!
 Из души твоей век пускай не уйдут
 Наставленья мои! На большие дела
 Я тебя родила, молодого орла,
 В дар свободе, мой сын, я тебя принесла!
 Будь же стоек — гляди, чтоб на трудном пути
 Ничего не могло тебя потрясти!
 Пусть рука не дрожит,
 Не мутится твой взгляд,
 Пусть ни муки, ни гибель
 Тебя не страшат».

Тишина заревая смутна и нема,
 Он читает сердечные строки письма,

Словно книгу борьбы;
 В каждом слове — завет!
 Он читает, твердя:

«Суд не кончен! О нет!
 Дни великие, дни возмездья придут —
 Справедливый свершится суд!»
 Где-то в парке рассветном трое ребят
 На корявых сучьях, скорчась, висят:
 Нищей матери нечем кормить было их.
 Где-то в парке, на липовых сучьях кривых,
 Мать повесила малых своих ребят.

Ночь не спал, неотступною думой объят,
 Без работы оставшийся адвокат:
 Никому не нужны его знания и труд.
 «Попроситься — авось в солдаты возьмут», —
 Размышлял отчаявшийся адвокат.

В шляпе выцветшей, пыльной, в одежде худой
 По панели бредет инженер молодой.
 Ни мысли, ни чувств не осталось в нем.
 В шляпе выцветшей, пыльной, в одежде худой
 По панели бредет инженер молодой.

Вот на площади свалены груды книг,
 Пожирает огонь их за мигом миг.
 Груды новые участи ждут в стороне...
 Гибнут мысли в огне, чувства гибнут в огне.
 Вдохновений великих сгорают миры.
 Озаряя полнеба, пылают костры...

4

Начинается утро... Из синих глубин
 Поднимается солнце... В волнение Берлин.
 Вот на кафедру облокотился судья,
 В остекленных глазах жестокость тая.

Рвется с улицы гул, ударяя в виски:
 То под знаменем красным рабочих полки.
 На судью надвигается гневная месть,
 Слышны крики: «Свободы!»

Судье их не счесть...
 В зале шепот...

Собравшимся не по себе...
Две враждебные силы столкнулись в борьбе.

Прозвучал революции клич боевой,
В этом кличе
Народного гнева прибой.
«Если будет невинный на смерть осужден,
Вся земля содрогнется», —
Пророчит он.
У Димитрова слезы стоят на глазах...
Председатель суда
Смутный чувствует страх...
В зале шепот... Собравшимся не по себе...
Две враждебные силы столкнулись в борьбе...

Вот уж слово свое берет прокурор:
«Я не скрою...
Суду говорю в упор,
Что Германия может погибнуть...
Ведь так!
Кто решился поджечь сегодня рейхстаг,
На правительство завтра пойдет войной...
Потому этих варваров — всех долой!
Я — за смертную казнь! Семя зла навсегда
Уничтожим, чтоб от него — ни следа!»

«Негодяи и варвары вы!» —
В тот же миг
Обвиняемого раздается крик.
Часовой оживает, засуетяся,
И на место его водворяет тотчас...
Председатель суда нажимает звонок —
Стала резче мертвенность дряблых щек...

5

Заседанья последнего день настал...
Старый мир нарядился, будто на бал...
«Подсудимого» облик стенами скрыт,
Но из рупоров речь его всюду звучит:
«Вы, что строите счастье свое на костях,
Пусть гремят мои речи у вас в ушах,

Я — болгарин; покинув родную страну —
Ту, которая у тираннии в плену,
С тираннией всемирной веду я войну!
И живу лишь мыслью одной —
Победить!
Если суд оправдает меня,
Я надеюсь дожить до победного дня!»

6

Миновало два месяца...
Злобу тая,
Приговор наконец огласил судья:
«Не причастен к поджогу!
Виновен другой!»
Приговор разглашен был газетной молвой...

Еще будут об этом суде писать,
Возвращаясь к нему
Опять и опять!
Этот суд будет памятен миру вовек!

Трижды славься, грядущего человек!
Спутник солнца, за солнцем идущий в века!
Трудящихся армия! Жизни войска!
Пусть вам будут друзьями лазурные дни,
Пусть стремленье стальное крепят в вас они!
Вашей мощи и вашей отваге — хвала!
И героям грядущим — хвала!
Их дела
Я провижу в сиянии солнечных дней!
Если б дожил до них,
Всею силой своей
Я прославил бы их и воспел!

О грядущее!
Наш великий удел!
Спутник солнца,
За солнцем идущий в века!

Трудящихся армия! Жизни войска!
Знаем; черными пятнами мир богат
И в колониях цепи еще гремят.

Знаем: ужасом смерти
Дни полны,
Этот ужас — опасность грозящей войны!
Но народ неизменно на страже стоит —
Он дорогу войне преградит!

1934

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ

В тяжком горе Баку, на лице печаль,
Ждут чего-то глаза, устремленные вдаль.
На холодной стене — пуль свинцовых след,
Здесь людей убивают — пощады нет...
В переулке, истоптанном сталью копыт,
На палане потертом грузчик сидит.
Он в раздумье глубокое погружен,
Отдохнуть хоть немного хотел бы он.

Угрожали народу шахи бедой;
Он покинул Иран и расстался с семьей.
Заработать хотел бы он хлеба кусок.
Помутнели глаза, поседел висок,
Пролегли морщины на лбу бороздой,
И весна для него обернулась зимой.
Вырос горб на спине, согбенной всегда,
На ладонях мозоли — знаки труда.
Он в раздумье глубокое погружен,
Отдохнуть хоть немного хотел бы он.
Отирая пот горячий со лба,
Он припомнил все то, что дала судьба,
И все то, что любил, он припомнил теперь...
Вот младенец, цепляющийся за дверь, —
Он еще едва научился шагать...
Рядом с ним — его исхудалая мать.
Жизнь ее — ожидание лучших дней.
Да, бывает судьба — нет ее тяжелей!
Мать младенцу, припавшему к ней на грудь,
Указала рукой на далекий путь.

«Ты не плачь, мой милый, — вернется отец,
 И над нами сжалится наш творец.
 Вдоволь хлеба получим — не то, что сейчас,
 Будет кровля над нами, будет садик у нас.
 Я сошью тебе платье, и в платье цветном
 Сладких лакомств отведаешь ты за столом».
 Так задумался грузчик, в мечты погружен
 Сладше меда — впивает их сладость он.
 Голубая сияет над ним высота;
 Это сердце, в котором живет мечта,
 Бьется, верит, трепещет... И в тот же миг
 Он вскочил. На губах его замер крик.
 И тотчас же ударился он головой
 О крутые булыжники мостовой.
 Шум, волнение! За что этот грузчик убит?!
 Проходил здесь случайно кечи — бандит.
 Испытать револьвер захотел он свой —
 И за это бедняк заплатил головой...
 Мать младенцу, припавшему к ней на грудь,
 Указала рукой на далекий путь...

В тяжком горе Баку, на лице печаль,
 Ждут чего-то глаза, устремленные вдаль.
 Люди молча идут от угла до угла.
 Под лучами солнца горят промысла,
 А высокие вышки от ветра дрожат.
 Бледны лица рабочих, и гневен их взгляд:
 Голод гложет их, гонит из дома вон,
 Не накормят их ни бог, ни закон.
 С двух сторон собираются армии в бой:
 Партизаны — с одной, а враги — с другой.
 В этом городе хлеб внезапно исчез,
 Точно чудом «вознесся» до самых небес.
 «Потерпите», — так «старшие» нам говорят.
 Но не наши ли руки все в мире творят?!
 Накрываются женщины черной чадрой;
 У гробницы имама, собравшись толпой,
 Призывают на помощь духов они,
 Но проходят, не внемля, за днями дни...
 Спят калек у края безмолвных дорог.
 Под котлом прикорнул малыш, как зверек,
 Он покрыт песком, все лицо в пыли.
 Вот повозка с рыбой едет вдаль,

Поднимает облако пыли она,
И ночная скрывает ее глубина.
Муки голода переживает земля...
Вот проходит эсер, по дороге пыли.
Говорит он друзьям: «Поздравляю вас!
Я отличную новость для вас припас:
Через Каспий идет англичанин сюда,
Заживем хорошо, сгинет враг без следа!
Наше счастье лишь в этом, я думаю так».
А эсеру с надеждой вторит дашнак:
«Пусть скорей, пусть скорей англичанин идет!
Все готов я отдать за его приход!
Пусть войска революции канут на дно.
Жить в землянках рабочим навек суждено.
Это наши и вышки, и промысла,
Наше счастье — им саван и вечная мгла!»
А теперь я скажу о бесславном «вожде»,
Как он звал себя, — о Расул-заде.
Он собрал мусульман, чтоб найти в них оплот,
Обещания жирные им дает.
Говорит: «Надо турок на помощь привлечь.
Пусть придут сюда, обнажат свой меч!
Отстоять свободу помогут нам!
Слава нации нашей взойдет к небесам!»
— «Шарлатан!» — «Браво, браво!» — «Долой!» —
Гляди —
Он задумал продать нас — вот это «вожди!»
— «Стойте!» — «Что ты сказал?» — «Это ясно сейчас —
Он, болтая о нации, продал нас!
Слово «нация» для него — покров!»
Что тут было в мечети — свист, проклятия, рев!
Но бесстрашный рабочий, дитя промыслов,
Перекрыл нарастающий гул голосов:
«Эй ты, «вождь»! Нам довольно твоей болтовни!
Не кипи, не волнуйся и глотку заткни!
Под покровом твой нос торчит неспроста!
Погляди, пена бьет у тебя изо рта!
Не сдвигай же бровей и не шурь ты глаз;
Ты нас хочешь продать — это ясно для нас!
Ты болтал здесь от имени нашей страны —
Но ведь с голоду гибнут ее сыны!
Вы ограбили, вы разорили нас.

Но и вашему счастью остался лишь час!»
Окружили бандиты, прервали речь —
Голова смельчака покатила с плеч...
Много есть у истории горьких вестей;
Сколько было убито наших людей!
Но заполнены улицы толпами вновь, —
Взволновались сердца, и вскипела кровь!
Развернулись полотнища красных знамен,
Сердце гулко стучит, каждый шаг открытен.
Вот шагает отряд, проходит вперед,
И, сжимая винтовку, каждый поет:

«Голод выдержим сейчас
И дождемся лучших лет,
Революция — за нас,
Без нее нам счастья нет.
Из землянок выходи,
Распрощайся с темнотой.
Все, что видишь впереди,
Все твое, товарищ мой.
Скоро трупы англичан
Бросит Каспий на песок.
В братской дружбе — счастье нам,
Жизни радостной залог».

Волны бьются о берег, уходят прочь,
Берега во мраке, волны черны.
Протянула руки к Каспию ночь,
Что за горькие вести нынче слышны?
Берега во мраке, волны черны...

В небесах не видать ни одной звезды,
В облака густые вонзилась луна.
Одинокая ночь — в ожиданье беды,
Облаков на нее налегла пелена;
В облака густые вонзилась луна.
Этой ночи так скорбен и странен вид!
Все разбиты надежды, и взгляд уныл...
Резкий ветер по склонам песчаным летит.
Помрачнел смертельно больной Баил,
Все разбиты надежды, и взгляд уныл.

Заключенные из темницы глядят,
И прощаются с жизнью они навек...
Шаумяна задумчив и горестен взгляд,
Небеса он мыслью своей рассек,
И прощается с жизнью он навек.

О, какая буря бушует в нем!
Как лицо его побледнело, гляди!
Взор пылает неугасимым огнем,
И стальное сердце бьется в груди.
Как лицо его побледнело, гляди!
Взгляд его в бесконечную даль устремлен.
Телеграмму Ленина вспомнил он.
Золотые слова он вспомнил сейчас —
Никогда их огонь в его сердце не гас!
«В вас я верил еще и в былые года.
Вы бесстрашны, как сталь ваша воля тверда.
Но вы знаете — жизнь сегодня сложна, —
Вместе с мужеством и осторожностью нужна.
Вы — испытанный в жарких схватках боец.
Вскоре наша победа придет наконец».

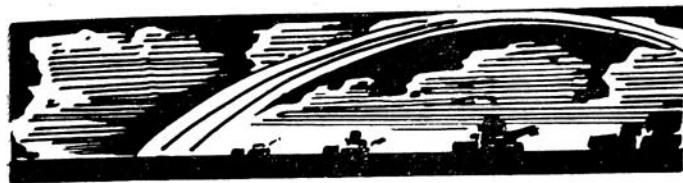
Слушай, степь! Резкий ветер, уйми свой полет!
Сердце бьется в тоске и спасения ждет!
Среди ночи глубокой разносится шум —
Это поезд летит по степи Акчакум.
Никого на пути не заметит взгляд,
Лишь одни заключенные в окна глядят.
Как ясна, как бела эта ночь, погляди!
Поезд — точно клеймо у нее на груди.
Слушай, степь! Резкий ветер, уйми свой полет!
Сердце бьется в тоске и спасения ждет!
Вот выходит из поезда взвод солдат,
Их туркменское платье — плохой маскарад.
Этот ряд бесконечных песчаных зыбей,
Эти серые волны песчаных морей
Пробуждают укор в тишине ночной
Против целой вселенной и жизни самой.
Ночь в тревоге — несчастье ждет впереди.
Что еще ты, ночь, затаила в груди?!
Погляди на пустыни немой тоску!
Слышен посвист пуль, кровь течет по песку.

С бурей в сердце, не опуская глаз,
Говорит Шаумян в свой предсмертный час:
«Вы, владыки Европы! Пора вам знать,
Что истории ось не вертится вспять.
Вам теперь сродни и разбойник и вор.
Этим вы подписали себе приговор.
Наша кровь, наша смерть к отмщению взовут,
Вас к ответу потребует грозный суд,
И за все преступления взыщет он!
Сотни красных взлетевших к небу знамен
Крикнут: «Мстись!» — и куда б ни вели вас пути,
От суда истории вам не уйти!
И бескрайние земли, и море само,
И колонии, свергшие ваше ярмо,
Проклянут вас навек, отшвырнут вас пинком,
Разочтется история с вами плевком!»
И — уже изнемог, упадет сейчас —
Говорит Азизбеков в последний раз:
«Дорогой Баку, навсегда прощай!
Двадцать шесть нас умрут за родимый край;
Мы, оставшись навек среди бескрайних песков,
Станем памятью вечной о днях боев!»
На земле распростерся бесстрашный герой,
Весь овеян морозной, жгучей зимой.
И лицо его побелело как снег, —
Так замолкло великое сердце навек.
Нет, никто бы без трепета видеть не мог,
Как бежит его кровь на холодный песок.
О, великое сердце!.. Как скорбно чело —
Точно ясное солнце за тучи зашло...

Утром желтое солнце взошло над страной,
И покрылись края облаков желтизной.
Постарела вселенная за ночь одну,
И в пустыне, ничем не смутив тишину,
Спят товарищи наши — и встать им нельзя.
Наши лучшие люди, герои, друзья!
Будет Азербайджан над ними рыдать —
Самых лучших детей потерявшая мать!
Отвечай, Акчакум, и скажи одно:
Что за озеро кровью до края полно?
Или солнце погасло? Разбилась луна?

Или люди, какими гордится страна,
 Стали пеплом, сгорев на великом огне?..
 Как печально рабочий идет в тишине!
 Это черные вести услышал народ,
 И оружие в руки он снова берет!
 Вы — герои коммуны, герои-бойцы,
 Вы — истории нашей эпохи творцы,
 Вас убили в пустыне в былые года
 Против всяких законов, тайком, без суда...
 Иль колеса истории движутся вспять?
 Или солнце погасло, устав сиять?
 Нет, героев недаром взрастила страна,
 И в истории ваши блещут имена.
 Пусть ислели тела — мощный дух не погас, —
 Мы героями быть научились у вас!
 Не замолкло биение ваших сердец!
 Пионер, комсомолец, рабочий, боец
 Рукоплещут героям прошедших лет...
 Видя памятник ваш, сдвинул брови поэт.
 Погружаясь в мечты, он подумал одно:
 Мир стареет, а вам молодеть суждено.

1935

СЛОВО О КОЛХОЗНИЦЕ БАСТИ

Отрывки из поэмы

Какая песнь доносится? — Басти!
 Кто лучшая колхозница? — Басти!
 Как нежно произносится — «Басти»...
 Стальная воля, сердце золотое.
 В твоих глазах я вижу тонкий луч,
 Как будто бы кипит в них горный ключ —
 Источник жизни, светел и могуч.
 Хранишь ты в сердце все пережитое!
 Ты, как поэт, всегда глядишь вперед.
 И, как поэта, чтит тебя народ.
 Тебя любой ребенок назовет.
 Толкуют старцы: «Время-то какое!»
 Вокруг тебя клубятся облака:
 То хлопок твой белее молока!
 Его гора, как Эльбрус, высока!
 Тобой гордится племя молодое!

Мать, плача, назвала тебя Басти,
 Что значит: «баста», «хватит», «отпусти»!
 «Зачем мне дочь? Зачем ей жить, расти?»
 О, почему аллах не дал мне сына?»
 Обычай грустный был в стране моей —
 Не праздновать рожденья дочерей.
 Жена боялась мужа: стыдно ей —
 О, почему аллах не дал ей сына?
 У женщины, считалось, нет души,
 Нет заработка. Проживет в тиши,

Чужие будет проедать гроши,
 Служанкой будет у чужого сына!

Зажжет огонь чужого очага,
А молодость-то будет недолга,
И лишь одна мечта ей дорога:
Родить бы, милостью аллаха, сына!
На свадьбах пели: «Девка здорова,
Вся без изъяна! Сладкая халва!
Семь сыновей роди, пока жива,
Ты мне, гляди, роди не дочь, а сына!..»

Я вспоминаю
Черный мир былой...
Что за река
О скалы бьет волной?
То слезы матерей.
Ты плачешь, мать?
Века, века пришлось тебе страдать.
Бек и купец
Могли тебя купить,
Муж и отец могли тебя убить,
Коран тебе приказывал: «Молчи», —
И бекские наемники, кочи,
Бесстыдно издевались над тобой —
По шарияту ты была рабой.
С какой-нибудь попойки,
Зол, уныл,
Бывало, муж
С гостями приходил.
Он бил тебя при людях,
Пьяный в дым, —
Ты молча обмывала ноги им...
У женщины, считалось, нет ума...
Чадра была как саван, как тюрьма.
То в шелковой, то в ситцевой тюрьме —
В чадре своей — блуждала ты во тьме...
Был горек хлеб. Был безысходен ад...
Был страшен мир. Был крепок шарият.

Простые и чистые
Слышим слова от тебя!
Хвала молоку,
Что когда-то вспоило тебя!
Твой должник благодарный,
Приму я урок от тебя,

Ты чиста, как природа!
 Как брат, обнимаю тебя.
 Как я счастлив, Басти,
 Что, как брат, понимаю тебя!
 И ладони и локти
 Как розы горят у тебя,
 И вишневые губы
 От солнца горят у тебя,
 Это радостный труд
 Сделал сильной, красивой тебя!
 Я — влюбленный Вургун —
 удивленно гляжу на тебя!

Это Ленин, учитель, мудрец, герой,
 Был для нас огневой зарей!
 Нашим женщинам Ленин сказал: «Смелей
 Выходите на вольный свет!
 Где свободных и сильных нет матерей,
 Там свободной родины нет...»
 И блистали молнии этих слов,
 И в сердцах расцветал восторг.
 Тьма и тяжесть упали с людских голов,
 Чистый свет озарил Восток.

Перестала ты, женщина, быть рабой
 Бессловесной, глухой, тупой...
 И сожгла ты Коран — стариковский бред,
 Шариата больше нет!
 Был мулла, говорил он «терпи», «молчи», —
 Не пугает теперь он.
 Не таскают за косы тебя кочи —
 Охраняет тебя закон.

Стал свободным и громким голос твой
 На всех языках страны.
 Ты проходишь с поднятой головой,
 И шаги широки, верны!

Как боец Красной Армии, ты всегда
 На суровых постах труда.
 Ты готова в аулах учить детей,

Ткать богатый узор ковров,
 У машины стоять и лечить людей,
 Сеять хлопок, доить коров.
 Трудовым и творящим рукам хвала!
 Все нужны на земле дела.
 Это Ленин сказал нам, что жизнь полна,
 Это он научил понимать,
 Что свободна и счастлива та страна,
 Где свободна и счастлива мать!

Вчера вошел я в детский сад —
 В цветник резвящихся ребят.
 Им чужд Коран, неведом бог...
 Свободен каждый детский вздох!..
 Как мать в кругу своей семьи,
 Играла девушка с детьми;
 Она учила петь ребят...

Я помню этот светлый взгляд,
 Как вспышки голубых зарниц,
 И стрелы черные ресниц...
 И я, склонившись перед ней,
 Сказал:
 «У родины моей
 Нет пасынков!
 В стране любви
 Нет пасынков!
 Тут все — свои!..»

Вот целый мир, и каждый дом, и сад
 Колхознице Басти принадлежат!
 Баку, Москва, Тбилиси, Ленинград
 Поют хвалу колхознице Басти,
 Желают ей расти, расти, расти!

И слава о Басти, как ураган,
 Прошла за рубежи не наших стран,
 В Арабистан, в далекий Индостан,
 В Алжир и Фец, за толщу древних стен,
 В Багдад, и в Тегеран, и в Йемен!..

Красавицам Востока страшен труд,
 И гнезда их — гаремный их уют —

Лишь запахами тленья отдают...
Те женщины узнают образ твой,
Как выпуклые буквы книг — слепой!
Им даль еще страшна и неясна...
Завидно им, что наша жизнь — весна!
Им сбросить хочется оковы сна!..
Они поймут... Да здравствует навек
Освобожденный чистый человек!
Басти, Басти! Стоишь высоко ты!
И первый цвет весны Востока ты!
Леса, поля, и степи, и хребты
Теперь твои!

Басти-ханум, ты солнца веселей,
Атласный ветер родины твоей
Колышет кромку хлопковых полей...

Они твои!

Бегут потоки с горных ледников,
Олени пьют из чистых родников,
Цветут эйлаги выше облаков...

Они твои!

И эти небеса, что так чисты,
С алмазной каплей утренней звезды,
И всех долин цветущие кусты
Теперь твои!

Я встретить тебя, как влюбленный, бежал,
Я руку твою, как товарищ, пожал,
Нам дружба и братство — судьба навсегда;
Коль это забудем — сгорим от стыда!

Другие пусть хвалят на сотнях страниц
Франтих, принимающих тысячи лиц;
Бездельниц, ведущих в бульварный поход
Домашних собачек заморских пород;
Красоток, похожих на скользких ужей,
Трещоток, умеющих мучить мужей!

О них, осудив их сомнительный вид,
«На скользкой подошве», — народ говорит,
Таких, кому страшен и тягостен труд,
Что свежесть лица своего продают,
О сладких и липких «ханум-мармелад» —
Об этих пускай дураки говорят!..

Льстивые слова не для тебя.
Жизнь моя простая для тебя!
Умным вырастая для тебя,
Я тебя товарищем зову!

Прежде льстили женщинам у нас,
Клеветой казнили в тот же час.
Братскому почтению учась,
Я тебя товарищем зову!

Женщин в саван одевали здесь,
За долги их отдавали здесь,
Как рабынь, их продавали здесь!..
Я тебя товарищем зову!

Я буду петь о днях твоих,
Твоей свободе рад!
Лети же, вдохновенья вихрь,
Как добрый конь Гыр-ат!
Для вольных я степей рожден,
В полях, где нет межей,
В краю серебряных ветров и розовых дождей!

Мне в детстве не было светло,
Не ждал такого дня,
Но знамя красное взшло,
Как солнце, для меня!

Басти! Под утренней звездой,
Живую жизнь любя,
Идешь ты, глядя пред собой,
Надеясь на себя.
Так рано встала ты одна,
Заря с тобой встает.
В груди, как теплая волна,
Душа твоя поет.

Ты видишь гор воздушный строй,
Поля, скалу, цветник
И, словно крашенную хной,
Хохлатую кяклик!

И башмаки твои в росе,
И чистый пот на лбу...

Вместят ли эти песни все
«Одну твою судьбу?»
Еще в полях заря и тишь —
Твоя тропа долга.

Ты горы хлопка взгромоздишь,
Как русские снега!
На грузовозах и арбах
Лежат дары твои,
«Сырье для множества рубах —
Моих, моей семьи...

По-детски помнить я привык,
«Что я тобой одет...
Я твой должник! Я твой должник!
Я твой, Басти, поэт!

Наш долг один — священен он.
Наш путь один — другого нет.
Поэт вне жизни — не поэт,
Поэт вне жизни — пустозвон.

Поэт был всюду чужаком —
Без родины и без гнезда.
Теперь светла его звезда,
Вся жизнь — его законный дом!

Теперь свободен наш язык,
Мы петь научены борьбой.
Басти! И ты была рабой —
Без языка, без глаз, без книг!
Басти, хозяйка красоты,
Теперь поэт и соловей
Поют о юности твоей!
Не знаешь унижений ты!
Басти, сестра моей весны,
Хозяйка гор, воды, травы,
Не склонишь гордой головы
И сильной не согнешь спины!

Да сгинет враг, поклонник зла и тьмы!
Мы любим свет, и любим счастье мы:
У каждого порога сад посажен.
Цветут сердца, таланты и умы!

Пусть тысяча один цветок цветет,
С плантаций роз пусть аромат течет.
Большевики украсили природу,
Им от нее спасибо и почет.

Принадлежит нам каждый добрый день,
Светла дорога, нам идти не лень!
Пусть на дорогу стройные чинары
В полдневный зной отбрасывают тень...

Своей натуре волчьей вопреки,
Враги на вид любезны и мягки...
Коль в сад их пустишь, сразу расползутся
По нашим розам злые червяки!

Глядит фашист, и злоба в нем кипит!
Секреты наши хочет он купить,
Затеял, вишь, секретную торговлю...
Пора мерзавцу лавочку закрыть!

На всех фронтах труда, тверды, сильны,
Как кзыл-аскеры, мы стоять должны.
Нельзя нам быть беспечными, товарищ,
Не спи, моряк, нам бури суждены!

Враг не уйдет от нашего суда,
Но стыдно мне, что не был я всегда,
Как должно быть поэту, дальнорюким!
Басти! Не знай ошибок и стыда!

Колхозница моя! Моя звезда,
Как ты тверда, как пламенно чиста!
Да буду я таким же благородным,
И ложь не осквернит мои уста.

Сестра Басти! Одна судьба у нас.
Сестра Басти! Одна тропа у нас.
Одна и та же нам звезда видна,
И родина у нас с тобой одна!
Да здравствует наш путь, сестра Басти, —
Идти вперед,

расти,
расти,
расти!

1937

НЕГР ГОВОРИТ

Главы из поэмы

И на трибуне вырос негр.
Одно мгновение он молчал.
Есть молчаливый героизм —
он словно обнаженный меч,
Готовый нанести удар.
Огромный многоглазый зал
Дыханье задержал и ждал, когда взлетит и грянет речь.
О чем он думал в этот миг, к трибуне грудью привалясь
И брови черные сведя в одну широкую черту?
Кругом стояла тишина, но сотни человеческих глаз
Почти что говорили в ней, почти звучали на лету.
И мне казалось: я читал в той оглушительной тиши,
Что негр с рожденья никогда улыбкой губ не раздвигал,
Что был орудьями врага разрушен дом его души
И меж обугленных стропил холодный ветер бушевал.
В тот час, когда на белый свет родилось черное дитя,
Мать не сумела удержать рыданья сердца своего,
И колыбельная ее, из жалкой хижинки летя,
Над сыном плакала навзрыд, моля о хлебе для него.
Оратор поднимает взор, в котором тучи и огонь,
Глядит не только в этот зал — в просторы вечности
глядит.
Над всей землей занесена его могучая ладонь,
И книга в тысячу страниц заключена в его груди.
Из тучи должен хлынуть дождь, —
Таков, природа, твой закон.

Негр говорит:

«Я — человек.

Не только человек — поэт.

Я черной матерью моей на свет художником рожден,
Искусства благодарный сын уж более чем тридцать
лет.

Америка,
мой милый край!

Мой старый дом!

Мой Новый Свет!

Твой воздух, небо и земля навеки мне принадлежат.
Там кости белые сложил давным-давно мой черный дед.
В твоих зеленых деревьях мои желания шумят.
Я родину свою люблю как живописец и как сын.
Влюблен я в каждую зарю и в каждый полдень и закат.
На каждом полотне моем американских далей синь.
Цветы Америки цветут, лучи Америки горят.
Ответь, отечество, ответь,

добыл ли я своим трудом

Святое право проходить по травам, тронутым росой?
Кто смеет у меня отнять мой отчий край, мой
отчий дом?»

И темный взор пересекло зигзагом молнии косой.
И я почувствовал: меня навеки пронзил ее заряд.
Как буря, в сердце ворвалась чужая участь и любовь,
Твоя грозовая судьба в мою судьбу вломилась, брат,
Как будто бы в меня влилась твоя взволнованная кровь.
Поэму горестной судьбы, как будто книгу, я листал.
«Когда мне замыслы картин указывают дальний путь,
Когда в скитаниях своих я голоден и я устал,
«Ты черный, — говорят глаза, — тебе нет места
отдохнуть».
«Ты черный», — люди говорят. «Ты черный», — говорит
закон.

И я на родине своей навеки с нею разлучен.
Я вижу родину тайком, в разлуке стал я стариком...»
Он задохнулся и умолк, и зал молчал ему в ответ.

Предчувствие большой грозы растет в молчании таком.
В глазах людей клубился гнев, которому пределов нет.
Казалось, он тугим жгутом людей, как сноп, перевязал.

А негр взволнованно дышал, сжимая руки в кулаки,
И, выступив из берегов, почти захлестывали зал
Почти что зримые валы его обиды и тоски.

Негр говорит:

«Я так люблю,
Америка,
твой первый снег.

Я так люблю твою весну, — она, как мать моя, добра.
О реки нашей стороны,

я так люблю ваш быстрый бег.

Моя богатая земля, край золота и серебра,
Ответь, дано ли право мне глядеть в глаза твоей весне,
А если нет, то дай ответ, что без отчизны белый свет?»

Негр говорит:

«Порою в путь

С утра я выхожу, готов
Глазами жадными взглянуть
На ликование цветов.
Иду и думаю в пути
Родную землю обойти,
Увидеть лета торжество,
Оттенки новые найти
Для вдохновенья своего:
Покуда осень далека,
Пока не умерла листва,
У родины моя рука
Узнает тайны мастерства.
Пусть утренняя тень вершин
Мне в изголовье упадет,
Пусть соловей моей души
Расправит крылья и поет.

Пусть это будет песнь о том,
Как счастлив на земле поэт,
Когда в мерцанье золотом
Встает безоблачный рассвет.
Пусть хлынет солнце в душу мне,
Растопит лед моих обид.
Пусть песнь моя на полотне

В чудесных красках зазвучит.
Пусть правда моего холста
Непримирима и нежна —
Его простая красота
В бою товарищам нужна.

Создания любви моей,
Вы повестуете о том,
Что судьбы всех простых людей
Озарены одним огнем,
Одним стремленьем зажжены
И братством связаны навек,
С великим знаменем дружны,
Одним для всех морей и рек.

Так будь же счастлив каждый час,
Откликнись, будь безмерно рад
Сиянию человеческих глаз
И звонкой радости ребят.
Как много у тебя друзей!
Они твоим огнем горят,
Черны они или белы —
Для вашей дружбы нет преград.
А расовой вражды валы
Лишь тот возводит, кто богат.
Моей бы песне быть о том,
Что вольно дышится кругом,
Что нет ни рабства, ни темноты,
Что слышен чистый голос птиц,
Что мир расправился с врагом,
Что враг навек повержен ниц.

О, черная земля весны!
О, лета яркая пора!
Как зори родины ясны!
Как смел и счастлив я с утра!

Как неоглядна и пестра
Дорога дальняя с утра.
Вперед!

Как счастлив я в пути!

Душе желанней доли нет.
Воображение, лети!
Гляди, влюбляйся в белый свет!
Чтоб, наслаждаясь и дыша
Теплом земли, прохладой вод,
Искусства вечного душа
Неслась, как ласточка, вперед.
Ей без свидания с землей
Ни радости, ни жизни нет,
Так в добрый путь! Ликуй и пой,
Земной художник и поэт.
О, мир исполненный чудес!
...Но только лишь угаснет день,
Темнеет ясный лик небес
И на воды ложится тень.
Молчит остывшая вода.
И стынет жар моей души.
Горит вечерняя звезда,
Не слышно птицы из гнезда, —
Природа замерла в тиши.

Природа отошла ко сну, природа глуше и темней,
И в этой темноте Нью-Йорк раскрыл павлиний хвост
огней.

Огни домов, огни дворцов, огни реклам, огни витрин.
Напевы скрипок и певцов,
полет смычков и балерин...

Шуршат банкноты и шелка...
А надо мною облака.
Приюта нет, ночлега нет, —

теперь ты негр, а не поэт...»

Художник дышит тяжело, как будто нож в его груди,
Но он преодолевает боль и продолжает говорить,
Не в состоянии замолчать; пока преграды впереди,
Пока ему внимает мир, он будет думать и творить.
Горит костер его лица, он будет биться до конца,
Его огонь не догорит, пока он все не досказал.
И вдохновение бойца грозой врывается в сердца,
И непреклонности его сурово рукоплещет зал.

Негр говорит:

«Я чернокож,

я с колыбели напоен

Голубоватым молоком несчастной матери моей.
Стократ чернее, чем она, поработителей закон,
Но чем бесчеловечней он, тем я люблю ее нежней.
Встречая каждую зарю, тебя я, мать, благодарю,
Ты подарила мне весь мир,
упорство,

силу рук и ног.

Глаза мне зоркие дала, — они почти как два крыла,
Они несут меня вперед вдоль всех моих больших дорог.
Великое спасибо, мать, за то, что сын твой так богат.
Лишь достоянием одним не одарила сына ты...
Свобода, в мире я живу как твой певец, как твой солдат.
Но не видал в своем доме твоей могучей красоты.
И тем слышней я говорю:

«На свете дерево живет

Благодаря своим корням,

тебе, земля,

тебе, вода.

Мои друзья, мои враги,

нет, я не позабыл свой род.

Мой древний негритянский род я не забуду никогда!»

И были гордости полны его сыновние слова,
В глазах его светился луч достоинства и торжества.

Стоял он, черен и могуч, откинута голова, —

И губы гордые его затрепетали, как листва.

И мне почудилось на миг: над головой его возник

Печальный темнокожий лик... О мать, о, свет ее любви!

На миг над залом поднялось седое облако волос,

И женский голос произнес:

«Я родила тебя, живи!»

Кому из них рукоплескал глубоко потрясенный зал?

Как ветер, крепни и лети, сметай преграды на пути,

Людского дружества раскат. Художник благодарно ждал,

Чтоб в наступившей вновь тиши листать тетрадь своей
души.

Негр говорит:

«Мой бедный род

Не видел утра никогда...

Ты медлил, солнечный восход

Свободы, радости, труда.

Столетиями идут бои

И гибнут прадеды мои.

О Миссисипи, сколько лет

Ты сохраняла крови цвет.
Товар, идущий в оборот,
Как бессловесный черный скот,
Не жди, не смей, не прекословь!
Столетиями струится кровь.
И все черней твоя судьба,
И все тебе короче счет.
Америка!

Мой Новый Свет!

Я твой художник и поэт.
Столетия раздаются стон, услышь, создай другой закон.
Пусть все народы на земле подымут голос мне в ответ.
Колонии, ваш час настал! Да будет гнев вооружен!
Нет в мире ничего сильнее семьи трудящихся людей.
Одной мечтой вооружась, как будто бы одним мечом,
Усилия слив в один удар, гнев разгорится, как пожар.
Такому пламени в пути моря и горы нипочем!
Пускай на всей земле падет мир угнетенных и господ,
Чтоб смысл людского бытия навеки был преображен.
Америка!

Мой Новый Свет!

Я твой художник и поэт!
Я для любви к тебе рожден, услышь, создай другой закон!
Оратор снова замолчал, в пространство устремляя взор.
...Как будто пленного орла товарищ вольный расковал,
Орел рванулся на Восток, всем рубежам наперекор.
Там солнце медлило зайти, в тебя влюбленное, Москва.
Оно пылало в этот час над Красной площадью твоей,
Рубиновые грани звезд в его сверкании зажглись.
Горел, горел, не угасал всемирной славы Мавзолей.
Великий Ленин! Всем борцам твоя живая светит мысль!
Со всех концов земли видать московский мрамор и гранит.
Сюда летят сердца людей, как в знойный полдень
к роднику.
Отряд строителей Москвы с законной гордостью глядит.
Я это чувство испытал в моей Москве, в моем Баку.

1948

ЧИТАЯ ЛЕНИНА

1

Не знаю, право, что ж это, — на ум
Нейдут стихи, исчезло мастерство.
Бредут понуро караваны дум,
Белы страницы сердца моего.

Как облако, повисшее меж скал,
Спит праздный ум, работы не найдя.
Он вдохновенных слов не отыскал,
Он даже не лепечет, как дитя.

«Я человек, — сказал мудрец один, —
Я долго жил и кончил все дела,
И мудрым стал, и дожил до седин,
Но мать меня не взрослым родила».

И в сумерках, и в предрассветной мгле
Мерцает сердце звездным серебром.
Мечта посадки ищет на земле,
Снижается на свой аэродром.

О чем писать? Что делать мне? И вдруг
Я вспомнил книгу между многих книг.
Мне руку протянул великий друг,
Учитель первый предо мной возник.

2

Немало разных книг на белом свете:
Есть клеветницы, и уродцы есть,
Язвят и жалят, расставляют сети,
Возьмут за горло, если их прочесть.

Немало книг, вопящих, как кликуши,
Слепящих взор и сеющих раздор.
Так Ницше отравлял живые души,
Так Гитлер бормотал зловещий вздор.

И Черчилль ведь скрипел пером когда-то,
Чернильной черной злобой упоен.
Читай: что ни страница — провокатор,
Что ни строка у Черчилля — шпион.

Иная книга благо возвещает,
Иная — проповедует добро,
И кажется, весь мир она вмещает, —
Но все в ней, кроме автора, старо.

Иная в нашу память, словно гвозди,
Вколачивает тщетные слова.
Но не читайте этой книги, бросьте!
Она — как лед, она мертвым-мертва.

Но есть на свете книга, от которой
Все мирозданье звездами горит.
Она полна весеннего простора.
Она о счастье людям говорит.

3

И эта книга, лучшая на свете,
Здесь предо мной раскрыта на столе.
Она не сказка, чтоб читали дети.
Она прошла в знаменах по земле.

Она тонка, но праведный удар свой
Обрушила на грузные тома.
Читай на переплете: «Государство
И революция». Она сама!

Попробуй не переводя дыханья
Прочешь ее. Нельзя. Остановись!
Тут ленинского гения сверканье,
Тут откровенья ленинского высь.

Рожденный революцией, он снова
Ее рождает в грозной книге той.
Нет отступленья. Нет пути иного.
Расчет проверен в каждой запятой.

Летят слова, нацеленные метко.
Их звездная дорога далека.
Такие книги создаются редко,
И жить им не мгновенья, а века.

Любая скобка в тексте — как блокада.
Любая точка — пуля по врагу.
Любое восклицанье — баррикада.
И я налюбоваться не могу.

Что эта книга, лучшая на свете,
Здесь, на столе, раскрыта предо мной.
Она не сказка, чтоб читали дети.
Она — итог всей мудрости земной.

4

И прошлых лет возникла непогода.
Без прошлого и будущего нет.
Встает сентябрь семнадцатого года,
Начало всех событий и побед.

Нелегкий час! Десятки лжеученых
Клевещут, лгут, грозят исподтишка.
Их слишком много, в званья облеченных.
Работа их уныла и тяжка.

Вожди, вчера кричавшие о мести,
Боятся света, избегают битв.
Меж тем с фронтов идут дурные вести,
Россия голодает и скорбит.

И в той ночи, промозглой, непроглядной,
Лежит земля в крови, в огне, в дыму.
И хищничает банда беспощадно
В наследье Маркса, как в своем дому.

Вот Каутский, истолкователь хилый,
Вот Шейдеман, вот безымянный «ман»...
Что ж! Великан не встанет из могилы,
Не привлечет к ответу за обман.

И что ни шаг — измена зреет снова.
И стены лжи все выше и мертвей.
В ходу не смысл, не истина, а слово
У этих буквоедов и червей.

Нет, господа! Маркс не бездетен. Голос
Грядущего не будет заглушен.
Недаром человечество боролось!
Спор о грядущем — Лениным решен.

Пускай лжецы на Ленина клеветуют,
Пускай клянут с амвонов все попы.
Несет он знамя правды. Ярко блещут
Пржекторов разящие снопы.

5

Все чаще толки, все упорней,
Что болен старый, грешный мир,
Что червь незримо точит корни
Его чертогов и квартир.

Обрюзгший и обросший жиром,
Давно не дерзок и не бодр,
Ложится он, наскучив пиром,
На золоченый смертный одр.

И ждет кончины, еле дышит...
Но тускло теплится тоска,
Но волчья пасть отравой пышет,
Сверкают лютых два клыка.

Уже крыло над ним простерла
Смерть, и поют «за упокой»,
А он готов схватить за горло
Костлявой, дряблую рукой.

А он, подобно старой шляхе,
Еще румянится слегка,
Пускает всяческие слухи
И подкупает простака.

Иль назовется братом честным,
Доверчивостью поразит,
И где-то в закоулке тесном
Нам в спину острый нож вонзит.

Набиты тюрьмы до отказа.
Звенят в Сибири кандалы.
И от Камчатки до Кавказа
Законы беспощадно злы.

Законы злы. Сердца — как камень.
Казненных деспотом не счесть.
Во мглу, в зловонье черных ямин
Забиты разум, совесть, честь.

А революция не шутит.
Ее работа нелегка
Она без промедленья судит,
И каждый час ее — века!

6

Проснулся пролетариат
Среди громов и молний.
Знамена красные горят,
Все площади наполнив.

Здесь воля каждого борца
Способна сдвинуть горы.
Пусть в окна Зимнего дворца
Ударит залп «Авроры»!

А в том дворце засел холоп
Породы меньшевистской,
Купцам обязанный по гроб,
Он кланяется низко.

Но Ленин сквозь огонь и дым
Зовет борцов свободы.
Дыханьем жарким, молодым
Разбужены заводы.

Он говорит, что в Октябре
Всю власть возьмет рабочий.
«Не верь кадетской мишуре,
Эсеровской и прочей».

Он говорит: «Борьба тяжка.
К оружию, к наступленью!
Сегодня каждый час — века», —
Так призывает Ленин.

7

Так на глазах менялась карта мира.
Так правый гнев трубил во все рога.
Так сила жизни насмерть разгромила,
Загнала насмерть лютого врага.

А в книге не дописана страница,
Недовершен могучий взлет ума.
Так рукопись для нас и сохранится, —
Допишет революция сама!

Так Ленин подводил итог. Такая
Уверенность наполнила его.
Так встал он, глаз горящих не смыкая
Над колыбелью дела своего.

8

Огромный мир открылся предо мною.
Здесь правда торжествует и царит.
Здесь творчество реальное, земное
Меня восторгом каждый день дарит.

Здесь каждая минута стоит века.
Мой первенец, любимый мой сынок,
Здесь вырастет в борца и человека,
Который на земле не одинок.

На всей земле, как под отцовским кровом,
Он вольно и счастливо проживет.
Приветом дружелюбным, добрым словом
Его борец за правду нынче призовет.

Один закон здесь царствует великий:
Честь человеку, честь его делам!
А старые законы, как мотыги,
Отправлены в музейный, пыльный хлам.

Не будет скоро крепостей и тюрем.
Свободный, сильный, зоркий человек
Диктует волю молниям и бурям,
Меняет мир, ломает русла рек.

И в час зари, и под ночью бездной
На страже правды бьются все сердца.
И с дисциплиной, точной и железной,
Слилась отвага каждого борца.

И в первых главах этого рассказа,
Друзья, прочтем мы наши имена!
Собирает чай иль хлопок дочь Кавказа,
Но в Коммунизм войдет борцом она.

Нефтяник из Баку, шахтер Донбасса,
Ведя работу славную свою,
Стоят на вахте завтрашнего часа —
Как коммунисты, как бойцы в строю.

И каменщик, и врач, и археолог
Хранят в сердцах мечту об этом дне.
Читатель мой, да будет век твой долог!
Отдашь ты жизнь труду, подобно мне.

И, глядя в лица новым поколениям,
Я вижу правды ленинской красу.
Я чувствую: живет бессмертный Ленин!
И благодарность партии несу!

Не из каких-то выдумок чудесных —
Из кирпичей, из струганых досок

Мильоны рук, мозолистых и честных,
Построят дом, и будет он высок.

И партия, как зодчий величайший,
Вложила жаркий труд и мастерство
И в завиток орнамента мельчайший,
И в общий план строительства того!

Все ближе Коммунизм! Он перед нами,
Не за горами где-то вдалеке...
Сражаются за правду во Вьетнаме,
На азиатском всем материке!

На улицах Парижа иль Каира
Его сияньем демонстрант согрет.
Дочь Индии, прядильщица Кашмира,
Хранит в лачуге ленинский портрет.

Все ближе Коммунизм! Подходят сроки.
Что Ленин нам предсказывал — сбылось!
Зачем, зачем пишу я эти строки!
Зачем мне быть бойцом не довелось!

Нет! Неуместно это сожаленье!
Разит, как пуля, быстрая строка.
Нет для нее границ, нет отдаленья.
Она находит цель издалека.

Мой брат Амаду, бразильянец смелый!
Чрез океан мне руку протяни,
Чтоб наша песня общая гремела
В торжественные, боевые дни!

Пусть Арагон рассказом про Тореза
Одушевляет храбрый свой народ.
Пусть песни раскаленное железо
Клеймит проклятый реваншистский сброд!

Пусть торжеством и радости, и света,
Назым Хикмет, звучит нам голос твой.
И пусть певцы из разных стран планеты
Участвуют в бригаде боевой!

Пусть римский друг, и пражский, и московский —
Поэты мира — строятся в ряды!
Наш командарм — Владимир Маяковский.
Так будем же отважны и тверды!

Вперед, друзья! Сложить нам песню надо,
Чтоб тяжелее многих тысяч тонн
По всей земле гремела канонадой, —
Пускай ее услышит Вашингтон!

Чтобы звучала приговором смертным
Для черных поджигателей войны!
Чтоб ритмом вдохновенным и безмерным
Мы были дальним правнукам слышны!

Вперед, поэты! Сильными руками
Раздвинем шире занавес времен!
В грядущее войдем большевиками
Под славной сенью ленинских знамен!

1950

АЙГЮН

1

Наряда свадебного будто не сняла,
Мир обняла своим счастливым взглядом.
Она приветствует весну и так светла,
Как будто солнце было с нею рядом.

Легенды мужества и гордости прочла
Она давно во взгляде Амирхана,
В него влюбленной не одна была
(Я о других рассказывать не стану).

Ах, как встает он, как садится он,
Как говорит, и как поводит бровью,
И как гостей встречает, как влюблен
Во все непобедимую любовью!

И пусть упрям он с нею и с другими —
Ведь Амирхан, как это утро, юн, —
Его обычное, его простое имя
Так сладостно произносить Айгюн!

Вот тихо поднимается невеста,
И зеркало — свидетель красоты —
Глядит на эти ласковые жесты,
На девичьи движения мечты.

Отца не видел мальчик никогда,
Мать мальчика учительница в школе.
Не скажет «нет» на Амирхана «да»,
Не причинит ему и капли боли.

Со сверстниками вовсе не дружил,
Тянулся к тем всегда, кто старше вдвое.
Пусть он совсем еще подростком был,
А все ж скандалил с матерью родною.

Вы видели б, как он часы носил
И как умел шикарно одеваться!
Он денег требовал, а не просил,
К обязанностям подходил с прохладцей.

Но все же был талантливым. Хватал
Все мысли на лету, как сокол зоркий.
Он мог бы заниматься на пятерки,
Да только ведь цены себе не знал.

Он в жизни не пытался лгать, —
Пусть виноват, но не мирился с ложью,
И потому его любила мать
И говорила: «На отца похожий!»

Мать умерла. Пришла к нему беда.
О, как разлука с ней его томила!
И, как в народе принято всегда,
Он часто навещал ее могилу.

И сам на белом мраморе плиты
Он высек матери изображение,
И там, где раньше не росли растенья,
Он все же вырастил прекрасные цветы.

Он на четверки кончил институт,
И, хоть друзья его на пир зовут,
Хоть холостяцкий дух в нем сохранился, —
Он в то же лето на Айгюн женился.

И хоть любил свой дом, любил Айгюн,
Но жизнь его не покорила эта:
Он часто вспоминал напевы струн
На дружеских попойках до рассвета.

Все вечера он дома проводил,
Не мог своей жене солгать он,

Пусть прежний мир веселый невозвратен,
Он притворялся, что покой любил.

2

Отеческим прием был у министра,
И речь его была совсем проста:
«Вот слился тут Аракс с Курою быстрой,
Смотрите-ка, ну что за красота!

Взгляните, юноши, на древнюю Мугань,
Была она веками невеселой,
Но здесь, пугая утреннюю рань,
Возникнут города, возникнут села.

Друзья мои! Вперед на штурм природы!
Пусть плодотворны будут ваши дни,
И пусть в степи зазеленеют всходы,
Чтоб жизнь людей украсили они.

Друзья мои, победного пути вам!
Прекрасного, но трудного пути!
Ищите цель свою в труде счастливым,
Чтоб с полным правом славу обрести!»

Серьезные сидели паренки —
Своих отцов надежнейшая смена...
Пусть дни большой победы далеки,
Они достигнут цели непременно!

Лишь Амирхан событиям не рад,
Ему в кругу друзей не быть счастливым.
Он неподвижен. Безразличен взгляд.
И он пошел домой неторопливо.

3

«Ну что поделывать! Дан приказ такой,
И мне нельзя не выполнить задание;
Забудь, Айгюн, о жизни городской,
Мы будем жить с тобой в степях Мугани».

...Все кончено. Разлука впереди.
С тоской она глядит на Амирхана,
Стучится сердце у нее в груди,
Наполнено любовью несказанной.

«Раздумывать тут поздно. Соберись,
Не медли. Нам пора уже в дорогу.
Ну что Мугань, Айгюн? Там тоже жизнь.
Понравится — потрудимся немного».

С искусственной улыбкою она
Ответила сквозь слезы Амирхану:
«Теперь я просто мужнина жена?
Так, значит, я учиться перестану?»

— «Что институт? Пока я жив на свете,
Тебя всегда поддержат руки эти!
Мы все, что надо, сами создадим...»
— «Нет, не могу я! Поезжай один».

— «Нельзя! Нас время навсегда свело,
Мы связаны с тобой одной судьбою.
И месяца еще ведь не прошло,
Как поженились мы, Айгюн, с тобою.

Ну что, родная, делать? Потерпи...»
Айгюн задумалась. Ей нестерпимо тяжело.
Вдруг ей представилось — он заболел в степи,
И кто подаст ему с водою фляжку?

Поехать? А учеба? А мечты?
А сверстники? А милые подруги?
Средь кухонной толкаться суеты?
Всю жизнь вертеться в этом тесном круге?

Как снег в горах, лицо ее бело,
И сведены нахмуренные брови...
Неужто счастье навсегда ушло,
И вот оно — прощание с любовью?

Молчание подругой стало ей,
Глаза как два потухшие вулкана...

«Я остаюсь!» — пусть скажет он скорей!
Она с тоской глядит на Амирхана.

Поймет ли муж ее тоскливый взгляд?
Он понял, кажется... Ах, нет, Айгюн, ошибка —
Любовь не возвращается назад,
Слеза сменяет прежнюю улыбку.

«Ну разве я с тобой неласков был?
Скажи мне, милая, скажи мне, что с тобою? —
Он со своею юною женою
На языке любви заговорил:

— Нет! Это не любовь, когда разлука
Сердца переполняет через край.
Ты будь со мной, и протяни мне руку,
И никогда ее не отпускай.

Что делать на Мугани без тебя?
Меня еще по-прежнему любя,
Сегодня ты одна, а завтра — мать.
И как же мне все это понимать?

Любовь не выживет без дома, без семьи,
И мы расстанемся навеки, ты пойми...»
— «Все это устаревшие понятия,
Себя для кухни не могу отдать я.

Возиться по хозяйству каждый день
И за тобою следовать как тень,
Вертеться в этом беспросветном круге...
Меня, наверно, засмеют подруги».

«Ты что-то думаешь другое! Ты открыто
Признайся мне... Плюнь на своих подруг!
Они — болтуны!» — Амирхан сердито
Повысил голос и поднялся вдруг.

Айгюн молчит, покорна, смущена,
И щеки у нее порозовели...
Она недавно замужем, она
Не любит Амирхана неужели?

Нет, любит, любит! Потому молчит
И потому не говорит ни слова.
Но Амирхан... Он снова говорит,
Свою жену он укоряет снова:

«...Ты быть при мне должна! Мужское право
Ты у меня, Айгюн, не отнимай,
И горести мои, и честь, и славу
Со мною до могилы разделяй!»

С улыбкою — уже ей не обидно,
Ей даже нравится, что муж ее такой, —
Она сказала: «Как тебе не стыдно!
Ты мне совсем не веришь, мой родной!

Нет! Сердце пусть мое горит в разлуке,
Пусть буду я изнемогать в борьбе,
Я буду жить, протягивая руки
Лишь к одному тебе, к тебе, к тебе!

Ну, сколько ехать до Мугани? Сутки?
Ты сможешь каждый месяц приезжать.
Дай обниму тебя!» — «Оставь ты эти шутки,
Меня, Айгюн, не можешь ты понять!»

— «А как понять?»

— «Нет, ты меня послушай,

Пусть будет откровенным разговор.
Я ложью, милая, не опозорил душу,
И ложь, по-моему, предательство, позор.

Ты знаешь, сердце у меня какое?
Пусть верной будешь ты, пусть любишь ты меня, —
В разлуке я не буду знать покоя —
Я без тебя не проживу и дня.

Пусть это мне не придает величия,
Пусть слабостей моих не перечеть,
Не обижайся, — я не безразличен.
Твоей любви я верю, верю в честь,

Но все же буду думать я ревниво —
Парней так много! Город наш большой,

К тому ж, Айгюн родная, ты красива...
Что делать мне с ревнивою душой?»

В ответ на откровенное признание
Она растрогалась... Так сладко стало ей, —
Ведь женское большое состраданье
Упрямота женского нисколько не слабей.

Она подумала: «Бедняге одному
Что делать и куда деваться?»
Она всем сердцем предана ему,
Ей трудно будет без него остаться.

«Тебе, мой муж, я возражать не стану,
Мое решение будет таково!»
Горой поднялось счастье Амирхана,
Нет никого счастливее его!

Она согласна! Все же, пригорюнясь,
Теперь она не может не понять:
Как книгу недочитанную, юность,
Увы, увы, вовек не дочитать!

4

Где живы до сих пор еще преданья,
Теперь живут «степные горожане».
Где вековечно не было воды —
Чинары выстроились в стройные ряды.

Остановись и с удивленьем глянь
На первый сад, украсивший Мугань,
На эту ширь, на весь простор далекий,
На красный флаг, дрожащий на флагштоке.

Волшебным переменам удивись,
Пред статуей, мой друг, остановись,
И ты почувствуешь в очарованье,
Что это Ленин ходит по Мугани.

Он смотрит вдаль. Как этот край широк!
Поднялись нивы, веет ветерок,

Труд человека ощутим вокруг —
Весь край возделан тысячами рук.

Часы в труде проходят, как минуты,
Здесь время укорочено как будто,
И с постамента статуя всегда
Приветствует богатырей труда.

Большевики пришли на целину,
Чтобы создать здесь вечную весну,
И все огни, зажженные в ночи,
Как ленинские мысли — горячи.

И звезды наши — нет! — не украшенья!
Они полны великого значенья,
Они сияют и зимой и летом
Нам ленинским неугасимым светом.

О Ленин! В этом имени для нас
С бессмертием любовь переплелась.
Его — великого — издалека
Приветствуют грядущие века.

5

Директор встал сегодня на заре.
Пред ним сияет небо в серебре,
Пред ним раскинулся простор, широк,
Пред ним развернут новый городок.

Пред каждым домиком раскинут сад,
В разгаре лета в них цветы пестрят,
Там, где камыш господствовал вчера,
Сегодня от цветов земля пестра.

И змеи ядовитые в степях
Исчезли — не видать, как меч в ножнах.
И под ногами девушек люцерна
Раскинулась ковром широким и безмерным.

Здесь вместо вереска сухого и полыни
Поднялся строй высокий тополиный,
Деревья все так схожи меж собой,
Как будто вскормленные матерью одной.

Грядущее рисуется вдали,
И мысли, словно сотни лет прошли,
И кажется ему — идут века
По улицам степного городка.

С моим героем я давно знаком.
Под шквальным мы знакомились огнем,
И едкий дым из пушечного жерла
Сушил в сраженье нам обоим горло.

Мороз пронзил кинжалом грудь земли.
В тот день мы в наступленье перешли,
Вслед за врагом вперед, вперед скорей!
Оглохли мы от гула батареи.

В бою мелькало полковое знамя,
На горизонте все сгушалась мгла,
Как будто бы вселенная над нами
Свои одежды пышные рвала.

Сразив стрелка в бетонном мощном доте,
Под вой огня и под снарядов свист
Дорогу наступающей пехоте
Прокладывал герой артиллерист.

Замолк огонь... И воин пятилетки —
Он так же тверд, как в боевых делах,
Но карта, что в истерзанной планшетке,
Напомнила о пройденных путях.

И в этом городке его труды
Ночей бессонных и дневных усилий
Взрастили нивы, подняли сады,
Недвижные пласты расшевелили.
Он — мирный человек, но шрам косой
Напомнит нам о жизни боевой.

Что слава, деньги, сытость? Пустяки!
Без них уж как-нибудь да проживем мы!
О нем с любовью скажут земляки,
«Наш общий друг, не только наш знакомый!»
Пусть туговато иногда слегка,
Но что поделаешь, жизнь не всегда сладка.

Допустим — он бюджет не рассчитал,
И денег нет. Ну а зачем искать их?
Доволен, что семью он воспитал
В таких же точно, как свои, понятиях.

В груди его всегда царит весна,
Печали нет. Отсутствует она.
И пусть нужда — он к жизни не остынет,
Из зданья совести он камешка не вынет.

По темным тропам он, сгибаясь, не пройдет,
Бывает трудно, что ни говори там!
Пусть голод жмет, а он, наоборот,
Не сдастся и казаться будет сытым.

6

Зимы такой не знали много лет,
Дожди закрыли дальние просторы,
Обвалами серебряных монет
Засыпали дома, долины, горы.

И ветер дует, душу всю измаяв,
От холода — румянец у девиц...
Какое здесь блаженство для лентяев,
Для сказаний и всяких небылиц!

Снег появился за дождями вслед.
Хозяйка свой очаг не разжигала...
Найти дрова! Здесь миллионы лет
Не то что леса — щепки не бывало.

Лишь на Араксе изредка лесок
Вам попадется, немощный и старый;
Здесь только ивы — жалкий сорнячок,
Здесь редко встретишь дуб или чинару.

Оскалив зубы белые, зима
Как бы над человеком издевалась,
И с напряжением — кругом сплошная тьма —
Машина до Мугани добиралась.

Куда ни глянешь — белые поля.
В тот год беспомощные гибли птицы,
Казалось, обеднела так земля,
Что ей теперь уж нечего лишиться.

Озерца скованы, совсем замерз камыш,
Все намертво зажал мороз проклятый!
Здесь молока не много надоишь —
Тошачут овцы, худ и скот рогатый.

Лед через реки протянул мосты,
Давно движенье замерло повсюду,
Душа в тоске, не улыбнешься ты —
Веселью, смеху взяться здесь откуда?

Безжалостно царила непогода
В разнузданном неистовстве своем;
Закрыв глаза, ослепшая природа
Терзала небо, землю — все кругом.

Скакало время на своем коне,
И заунывным хором волки выли.
Ни гор, ни леса нет на целине,
Чтобы ветрам дорогу преградили.

Метель самумом через степь неслась,
Стонали облака, ревели небо,
Настал деревьям как бы смертный час,
И луч надежды людям виден не был.

И молодежи говорит Неймат,
Оглядывая снежные громады:
«Природы силы нас не пощадят,
Нам их смирить усилием общим надо!

Посаженное нами не умрет,
Деревья станут бесконечным садом.
Пусть буря мчится, ураган ревет, —
Нам их смирить усилием общим надо!

Аракс не будет покрываться льдом,
Как лебедей, качая пароходы:

Мы под защиту этот край возьмем,
Творя весну в любое время года.
Пойдемте, надо грудью защитить
Лес молодой, жизнь каждого побега!»
Машины двинулись сквозь бастионы снега,
Тугим рукам лопат не уронить!

Пурга отчаянно кидалась поперек;
Неймат забыл о сне и о покое:
Кому приказывал, кому давал намек,
Кого толкал безжалостной рукою.

Пускай пурга хлестала по лицу,
Никто, никто не потерял надежды!
И девушки любому деревцу
Любовно сшили теплую одежду.

Деревья, выстроившись в тесный ряд,
Вздыхают шеренгою одною;
Казалось, люди в бурках здесь стоят,
Задумавшись о чем-то под луною.

Машины двинулись по далям снеговым,
И этот штурм степи был так отчаян,
Что вновь природа покорилась им
И человек опять ее хозяин!

Утихла буря, лютый ветер стих,
И сердце радуется спокойная работа.
Портретами героев молодых
Украшена теперь Доска почета.

7

Пока стоит хорошая погода,
Цветы не вянут, зелены поляны,
Прекрасны нивы, хороша природа...
Сильней стучит и сердце Амирхана.

И пульс земли, и громкий пульс воды
Его на труд и радость вдохновляли.
Посаженные юные сады,
Представьте, и Айгюн очаровали.

И в ярком блеске утренних сияний
Он счастлив был вдвоем с женою милой...
Но коротка ведь жизнь воспоминаний,
И память их, увы, не сохранила.

Замерзшее оконное стекло...
Лишь от Айгюн он ощущал тепло,
И сквозь пространства снега и мороза
К нему стекались городские грезы.

Он молча думал: «Я — и эти степи!
Что может быть глупее и нелепей!
Там счастье, там любовь, а я — терпи!
Как жалкий суслик, пропадай в степи!»

8

Приди, приди, капризная весна,
Зима на смерть уже обречена!
Приди скорее к другу своему,
Мне бесконечно трудно одному.

О, как страшна зима! Ну, словно плаха!
И поле обезумело от страха...
Весна! Мы давние с тобой друзья,
И быть в такой разлуке нам нельзя.

Давай же встретимся, дадим друг другу руки.
Дыханье общее развеет дым разлуки,
Стихи напишем, будем хлеб растить,
И станет нас земля благодарить.

Весна взнуздала пылкою коня
И понеслась небесною толпою,
Пустыня ожила, людей к себе маня,
И солнце грело каждого героя.

Поля привольем дышат, и цветы
Соперничают в красоте друг с другом,
И мелкий дождичек до самой темноты
Забрызгал то над садом, то над лугом.

Ночь уступает дню часть юности своей,
И дни растут, растет напор единый,
И по просторам вспаханных степей
Рассыпались и люди и машины.

Гиганты на колесах понеслись,
Дыша огнем, — свершают путь великий,
Лопаты в землю яростно впились,
Воде открыли светлый путь арыки.

Деревьев армию теперь не победить,
Их много так, что и считать не стану!
И взглядом их теперь не охватить,
Как и строкою моего дастана.

9

Сейчас Айгюн не отличишь от птицы —
Она в просторы вешние стремится,
Она в полях проводит целый день,
Мелькает ласточкой в руках ее кетмень.

И в подражанье девушкам Мугани
На голове ее цветной платок.
Пусть это только смутное желанье —
В душе ее бурлит мечты поток.

Вот тихо движется, а вот остановилась,
И личико звездой засветилось, —
Задумалась, и девушки полей
Посмеиваются над ней.

Она не покидала дум своих,
Ей степь была, как сказка, интересной,
В груди ее рождался новый стих,
Она беззвучно сочиняла песню.

Потом, из девушек организуя хор,
Она их петь ту песню обучала,
И ветер эту песню нес в простор,
И эта песня плыть не уставала...

Вот заботы новые пришли:
Вовремя сады не расцвели...
Почему же он не удручен,
Почему его спокоен сон?

Не цветут цветы его труда —
Для него не страшная беда!
К тем, кому успех в работе дан,
Зависти не знает Амирхан.

Пусть показалась ей Мугань чужбиной,
Айгюн — с народом, тянется к нему,
И каждый с нею словно друг старинный...
Она так рада счастьем своему!..

Крепчал мороз, шел снег, дул ветер гневно —
Тепло ей с Амирханом все равно!
Что драгоценнее улыбки задушевной?
На это счастье право им дано.

И все ж Айгюн нередко вспоминала
Звучанье звонких музыкальных струн.
Она давно от музыки отстала,
Хоть возмужала юная Айгюн.

«Как знаю я характер Амирхана!
И об искусстве говорить не стану,
Призванье отдала любви безмерной...»
Простим ее, хоть это и неверно.

Проходят дни. Задумчив Амирхан,
Он как бы погружен в сырой туман,
Как будто облака над ним свой дым простерли,
Сердечные слова застряли в горле.

Себя он чувствует давно уж виноватым,
Но грусть с Айгюн не делит пополам.

Обиженный суровостью Неймата,
Не сдался он, по-прежнему упрям.

Подруге свою тайну рассказать?
Нет! Это с гордостью мужскою не связать!
И сердце в одиночестве своем
Колотится сильнее с каждым днем.

Неймат перед глазами до сих пор,
Он, как судья, выносит приговор...
Собрание... критика... и выговор потом...
Сильнее сердце бьется... в горле ком.

Есть самолюбие у человека? Есть!
Не мальчик он, а человек ученый.
Зачем же оскорблять мужскую честь?
Кто без греха в работе напряженной?

Тот, кто еще не нюхал высшей школы,
Его учить собрался?.. Почему?
Кто жизнь провел среди равнины голой,
Осмелился вдруг возражать ему.

Всех раздражает Амирхан высокомерьем.
Он одинок и никому не верит,
И сердце злобы волк грызет, грызет,
Нигде себе он места не найдет...

Когда становимся мы хуже что ни день,
То это от народа мы скрываем.
Нас эгоизм преследует как тень,
Мы в промахах признаться не желаем.

Когда бревна в своем глазу не видим,
А щепку замечаем мы в чужом,
То друга лучшего мы ни за что обидим
И с ним поступим словно бы с врагом.

Признай ошибки — нет пути верней!
Ты обретешь опять своих друзей,
Заслужишь вновь доверие отчизны,
Вернешь себя к счастливой, честной жизни.

Народа одобренье донесется,
Нет одиночества, и сердце вновь смеется.
Как много скажут дружеские взгляды!
А лучше этого нам ничего не надо!

Ты, как охотник, в камышах блуждал,
И вдруг равнина пред тобой предстала,
И кажется тебе — ты новый мир узнал
И солнце над тобою засияло.

В груди как будто родники бурлят...
Ты — человек! Ты ль этому не рад?
На крылья вновь мечты тебя берут,
Несут к народу, над землей несут.

Он доблести всегда не понимал,
Поэзию труда не понимал,
Он доблести поэзии не вял,
Не уставая, сладким сном не спал.

В себя не верил. Лишь начнет работу,
Ее он оставляет в тот же миг,
А коль начнут одолевать заботы,
Не просит помощи он у людей и книг.

Высокомерный, гордым быть дерзал он.
«Не буду кланяться я никому!» — сказал он.

О человек, не слишком зазнавайся!
От этого всегда сердца стареют.
Ты хочешь стать горой — на гору опирайся,
Иначе в пыль тебя ветра развеют!..

«Давай уедем, — он сказал жене, —
Я не привык к пустыням невеселым,
Культура и не приближалась к селам,
Баку далекий снится мне во сне»

Айгюн обрадовалась. Этих мест
Ей, городской, не полюбить тоску...
И вот уже решен отъезд,
И вот уж приближается Баку.

Беспечность Амирханом овладела,
Он заниматься агрономией не стал,
Во имя низменных страстей, чуждаясь дела,
Страстишкам душу он свою отдал.

Он говорил: «Я не герой, не гений.
Пусть о великом думают они.
Нет никого меня обыкновенней,
Я жить хочу в оставшиеся дни».

Пока он сам себя не понимает,
Что в нем, не знает — лето иль зима...
Что нашего героя ожидает,
Что сбудется — покажет жизнь сама!

13

Айгюн включила радио. Гремела
Рапсодия и в сердце к ней врывалась;
Ее лицо то тучею темнело,
То радостью внезапно озарялось.

Жена со скорбью к мужу прикоснулась:
«Зачем от сверстников своих я отвернулась?
О музыка! Как я дружила с нею!
Как о разлуке нашей сожалею!»

— «Чего ты хочешь?»

— «Я хочу учиться!»

— «Где?»

— «Знаешь сам!»

И нечего удивиться!
Мой друг, пойми — я жить хочу в искусстве,
И что, скажи, смешного в этом чувстве?»

— «Завиднее не знаю аппетита —
Была ты женщина, а стала — композитор,
Философ, музыкант...»

— «Но нет причины
Во всех делах нам уступать мужчинам».

— «Для наших женщин долга нет святых —
Всегда быть с мужем и растить детей,

Не расточать улыбки первым встречным...
Быть преданной семье должна ты вечно!

Чтоб, глядя на жену, я возмущался?
Нет! Муж тебе, Айгюн, не тот попался!
Вздыхнула, на ребенка посмотрев,
Молчит... Ее молчанье — гнев.

14

Заговорил рояль. И клавиш ряд
Звучит, как ветер, что срывает снасти,
И руки, словно бабочки, парят
И начали рассказывать о счастье.

По клавишам, как ветер, пробежав,
Глаза закрыв и вновь взмахнув руками,
Ушла в раздумье, новый мир создав,
Мир, озаренный алыми лучами.

Соседи вышли на балкон отдать
Дань уваженья светлому искусству.
Дастан о жизни рассказала мать,
И материнские все оценили чувства.

Рояль наполнен звуками свирели:
То нежными совсем они казались,
То грозным громом в небесах гремели
И, облака раскалывая, мчались.

Давно уже, наверно два часа,
Сидела женщина влюбленно у рояля,
Любви и благородства голоса
Под пальцами ее звучали.

Жену лениво слушал Амирхан:
Искусство для него ничуть не свято.
Ах, то ли джаз! Ах, то ли ресторан!..
Насвистывая, он ушел куда-то...

Айгюн не видела ухода Амирхана,
Погружена в огромный мир любви...
Играй, прекрасная! Пусть руки не устанут,
Пой песни благородные свои!

200

15

Как бесконечно длится ночь зимой!
Как запоздавший гость, приходит утро,
Охвачен город белой тишиной,
Навеки запечатанный как будто.

Все спит. Безмолвствует. Теплы постели.
Крепка у зимних сновидений хватка...
О, как они к концу отяжелели —
Последних радостей, последних дум остатки!

Все спят... Нет, нет! Всегда бывают
Бессонные минуты у кого-то...
Вот женщина рассвета ожидает,
Охваченная смутною заботой.

Как душно! Думы гирями нависли,
Увы, она сомкнет глаза едва ли,
Тяжелые ворочаются мысли,
И бесконечен океан печали.

Кто ожиданья муки превозмог?
Оно надолго душу искалечит;
Ты на желанья хоть повесь замок,
Они горят в душе твоей, как свечи.

Айгюн открыла темное окно.
Злодеем в комнату ворвался ветер;
Как холодно, безжизненно, темно!
Закрывать окно! Айгюн одна на свете.

И снова в ожидании она
С собой о чем-то спорит и бормочет,
Как лист желтеющий, измождена...
Как душен воздух этой зимней ночи!

(Когда живет счастливо человек,
То каждый день проходит, как мгновенье,
Когда же ты в разлуке, в нетерпенье,
Минута каждая течет, как целый век.)

201

Гуляет Амирхан. Бокалом пенным
Кипит вино, и кровь играет в жилах...
Не опишу я этой грязной сцены —
Я оскорбить поэзию не в силах!

Опять окно открыла на минуту.
О горестях своих она забыла,
Но ненадолго. Снова грусть как будто
Ее тяжелой гирей придавила.

Звонок. Супруга открывает дверь,
И входит муж. Верней, подобье мужа.
Бессмысленно глядит, шатается... Теперь
Никто, никто ему уже не нужен.

Идут товарищи трудиться спозаранок...
Он на своей судьбе поставил крест:
Любитель кутежей и «доблестных» гулянок,
Ложится поздно, вовремя не ест.

Вот он разлегся поперек постели,
Храпит весь день, до ночи будет спать...
Айгюн, Айгюн! Мечты так постарели!
Трепещет сердце... Как его унять?

Она ребенка на руки берет —
Лишь он остался радостью единой!
Как дышит он? Как, маленький, живет!
Как не прийти в восторг перед такой картиной!

Вот глазки он открыл, а вот смеется,
И сердце матери наполнилось теплом,
И позади все горе остается...
Как счастливы они теперь вдвоем!

Жаль, что недолго длится это счастье!
И снова тучи на ее челе,
И вновь гудит осеннее ненастье
Над ней, над будущим, на всей земле...

Был муж, любимым был, а стал бедою.
Дешевым наслаждениям подчиняюсь...

От горя тает сердце молодое,
И для нее он не родной сейчас.

Ее охватывает полночь бессилье,
Душа как будто тело покидает,
Вот тельце дочери родной накрыла,
И вот она беззвучно засыпает.

...Кто мог бы так глаза Айгюн зажечь?..
И гордость вновь в свои права вступила,
И тьма пред ней трусливо отступила,
И чувства снова обретают речь:

Нет, нет! Всегда с любовью шутки плохи,
Он ею пренебрег. Пусть будет так!
Был яркий свет, остался только мрак.
Была любовь, остались только крохи.

Дешевые, пустые увлечения
Им овладели... Их не одолеть!
И сердца женского кровотечение
Никто, никто не может разглядеть.

«Да, я терпела молча до сих пор...
Его любовь вовеки не коснется.
Что ж, подожду. Как только он проснется,
Мы с ним начнем серьезный разговор.

И я уйду! Но трудно быть женою —
Всегда за мужа велика тревога...
Пусть ты права, но подожди немного,
Быть может, время к нам придет иное».

Необходимо матери терпенье,
Ведь слез потоки не всегда текут,
Твоих несчастий частые ступени
Лишь к высшей справедливости ведут.

Вот вечер наступил. Очнулся Амирхан.
Он снова как дитя. Быть взрослым надоело.

Но у него уже не юношеский стан,
А располневшее, откормленное тело.

Айгюн подумала: «Он стройным был когда-то...
За легкомысленность последует расплата.
О, если бы смести его пороки прочь!
О, если б я могла ему помочь!»

«Так вот, подруженька. Я говорю открыто:
Пусть жизнь моя тебе не по плечу,
Будь ты хоть трижды на меня сердита, —
Дай мне вздохнуть, дай жить, как я хочу!»

— «Не называй меня «подружкой». Я — мать.
Мне не подходит уличное слово.
И надо от привычек отвыкать,
Ведь можно жить, не разрушая крова».

— «О чем ты говоришь со мною? Что я, вор?
Быть может, ты меня считаешь подхалимом?
Давай оставим этот разговор!»
— «Пекусь я о тебе и малыше любимом».

— «Напрасно!»
— «Как, напрасно? Нипочем
Тебе жена, ребенок, этот дом...
Душа моя в крови от непосильной ноши.
Здесь муж мой не хозяин больше».

— «Хозяин кто?»
— «Ребенок наш родной,
И я, и эти вот четыре стены...
И день и ночь мне быть всегда одной?
Жить в этом ужасе с любовью неизменной?»

Не попрекай меня одеждой и едой.
Ты не мальчишка, ты уже мужчина...
Любовь была когда-то молодой,
На ней теперь глубокие морщины...

Как много сверстницы мои успели!
И если откровенен разговор уж —
Кто для тебя я? Просто только сторож?...
Так будет продолжаться неужели?

Стоишь ты, ничего не понимая...
Так больше жить с тобою мы не будем.
Ты думаешь, что я глухонемая.
Что стала не нужна я людям?...»

Сказать по правде, в сердце Амирхана
Запылали вновь любви огни,
И призраком встают пред ним туманным
Прошедшего очарованья дни.

Она права, и жизнь моя не та.
Пусть собственного дома теплота
Меня согреет... «От тебя не стану
Я уходить... Прости же Амирхану...»

Ты не сердись. Я виноват. Я знаю.
Теперь у нас наступит жизнь иная.
Спасибо за науку. Вывод ясен —
Путь легкомыслия, безделья так опасен!»

И он жену целует в упоенье,
Целует щеки и целует руки.
Ведь только для любви и есть разлука,
И после ссоры сладко примиренье.

Айгюн молчит и для того отчасти,
Чтобы не сразу обнаружить счастье
(Как может женщина счастливой стать
Поэзия не может описать).

И вот ее покинула тревога,
Лицо ее светлеет понемногу,
Мечты ее заманчивы и сладки...
Ребенок просыпается в кровати.

Глядит то на ребенка, то на мужа
Айгюн. Ненастье ветром унесло...
Он так хорош, и он не станет хуже!
И улыбаются глаза светло.

«Прощаю все! Ты благороден, честен.
И снова мы с тобою будем вместе».
«Ты не ругай меня, я сам себя ругаю...
За все тебе спасибо, дорогая!»

В доме, где так спокойно,
Где ребенок растет,
Вот уже несколько месяцев
Счастье живет.

День весенний так радостен,
Светел и юн...
Ты — подруга поэзии,
Дорогая Айгюн!

Чисто окна помыла,
Все кругом прибрала
И цветам ароматы
Дыханьем дала.

И походка крылата,
И движенья легки,
И весеннюю радость
Несут ветерки.

Сшила светлое платье
Малышу своему:
«Ой, цветок или дочка —
Я никак не пойму».

Под мелодию тихую
Подчинившихся струн
Колыбельную песню
Напевает Айгюн.

Но вот однажды вечером супруги
Изъяны обнаружили друг в друге,
И разуму и счастью вопреки,
Они скрестили старые клинки:

«Мой милый Амирхан! Да что с тобою!
От своего упрямства откажись,
Скорей к благоразумию вернись!
Я не хочу быть вечною рабою.

Я так хочу с ровесниками вместе
Идти дорогою искусства, счастья, чести...
Опять часы считать мне? Я боюсь,
Что ты ревнивец, и к тому же — трус...»

— «Намного ты умней меня, допустим,
Допустим, ты талантливей, чем я,
Но ты подумай — кто тебя отпустит:
Ведь у тебя ребенок, муж, семья.

Всегда тебя я вижу по-иному...
Ты вдохновенье посвятила б дому».
— «Я вас люблю, ты видишь...» — «Ну, и что же?»
— «На что, скажи мне, наша жизнь похожа?

Скандалы, сцены, новые гастроли...
Такую жизнь покинуть не легко ли?
В своей любви к тебе я поклялась:
Пусть даже я б высоко поднялась —

Ты навсегда останешься со мною...»
— «Довольствуйся же истиной одною:
При тайной сделке дружбы не бывает...
Не знаменитость я, никто меня не знает.

Талантами, как видишь, не блещу я,
Но и дешевой славы не ищу я.
Пока я жив, давай рассудим просто —
Я не добьюсь в хозяйстве сельском роста.

А ты возвысишься, Айгюн. С годами
Вершиной ты поднимешься над нами.
Я ж буду уменьшаться, стану точкой
И жизнь окончу, видно, в одиночку.

И на меня с тоскою не гляди ты...
Ну ладно, ты — великий композитор,
Но, если нравится тебе наш дом,
Брось думать о величии своем.

Как муж я требую, и требовать я вправе, —
Брось навсегда свои мечты о славе!

А если ты уйдешь, то навсегда...
Не отменю решенья никогда!»

Вот женщина снова одна,
Заброшенная, больная,
Ревнивого мужа слова
С великой тоской вспоминая:

«...Пойдешь, я уйду навсегда...»
Как мог так сказать он! О ужас!
Сейчас только я поняла
Решенье ревнивого мужа».

Была б настоящей любовью,
Она б расцвела и окрепла.
Любви безграничной огни
С годами становятся пеплом.

Исчезло совсем молоко,
Ребенок ее едва дышит,
И бедная мать в забытии
Дочурки голодной не слышит...

Встревожился Амирхан,
Ему пережить это трудно,
Казалось, что жизни его
На дно опускается судно.

О, как он себя проклинал!
Описывать это не станем.
Ревнивые люди всегда
Спохватываются с опозданием.

Читатель! Трагедий не жди ты —
Младенец и мать не умрут.
Поэтом банальной печали
Не стану... Как горный редут,

Живет материнское сердце,
И ветер бессилен пред ним,
Опять осветит ее солнце
Волшебным сияньем своим.

Я знаю, паденье героя
Тебя огорчает, поэт...
Поэзия встала над счастьем,
И фальши не может быть, нет!

Смотрите, люди, на лице больной
Румянец появился молодой.
Будто после налетевшей бури,
Потянулось дерево к лазури,

Тянутся зеленые листочки,
Лед растаял, появились почки,
И ручьи журчат наперебой...
Радуйся и ты, читатель мой!

И на ноги встала Айгюн,
В ней жизнь забурлила нетленная,
И дочь улыбнулась, и ей
В душе улыбнулась вселенная.

Так здравствуй, стихия любви,
Рассвет над тобою поднялся...
С тех пор как я начал писать,
Я ею всегда вдохновлялся.

В свинцовые тучи небес
Я молнию кинуть мечтаю,
Я небо и землю зову,
Сто тысяч сердец ощущая.

Я светлый приветствую мир,
И жизнь, словно праздник, легка мне,
Дыханьем моим задышав,
Живыми становятся камни.

Я знаю, паденье героя
Тебя огорчает, поэт...
Поэзия встала над счастьем,
И фальши не может быть, нет!

Айгюн под вечер вышла на балкон.
Кипучей жизнью город напоен,
По улицам веселым там и тут
Веселые прохожие идут.

Гуляйте, радуйтесь, легко дышите, люди!
Успеха вам! Пусть жизнь счастливой будет,
Не остановится весны прекрасный бег,
Пусть с солнцем об руку проходит человек!

Вот девушка и юноша вдвоем
Глядят на пеструю толпу кругом,
И всей сумятице прохожий рад,
Как будто звезды на земле горят...

Да, трудно ей! Нельзя уже, как прежде,
Все силы отдавать своей надежде,
В ее глазах такое выраженье,
Как будто принято серьезное решение.

И смех и разговор в душе Айгюн
Подобны переборам дивных струн.
Желанье радости, желанье быть с любимым
В ее груди живет неумолимо.

Вернуться в дом родной дано тебе ль?
Мгновенно собрала свою постель,
Младенца тихо на руки взяла,
Еще раз оглянулась — и пошла.

И вдруг ребенок громко закричал,
Как будто всю трагедию понял.
Ей, крошке, все по-своему понятно:
«Уходим мы, но мы придем обратно!»

Где ж Амирхан? Как жизнь его течет?
Мне хочется узнать о ней подробно.
Он очень грустен иль наоборот?
Спросите вы — поэту неудобно.

Он шепчет что-то жаркими губами...
Да! Он один. Вдали жена и дочь.
Без них безумно длинной стала ночь...
Вот письмецо оставила на память:

«Когда-то радостно вошла я в этот дом,
Теперь я плача думаю о нем.
И мне воспоминанья говорят:
Ты был влюблен в себя... ты виноват!»

Стремления мои, что сердце жгли,
В чудесный новый день меня вели,
А твой мирок так жалок и так тесен,
И нет в нем ни поэзии, ни песен.

«И если ты уйдешь, то навсегда!» —
Я это не забуду никогда.
Не знаю я, как дальше будешь жить —
По-прежнему бездельем дорожить?»

Года прошли, и мы уже не вместе.
О Амирхан! Будь человеком чести,
Упорнее старайся перед нами
Предстать с большими, славными делами».

Прочел ее посланье Амирхан,
Зевком протяжным на него ответил.
Вдруг стало холодно ему и, как в буран,
В лицо ударил беспощадный ветер.

Но гордость, как обычно, верх взяла —
Не следует мужчинам быть покорным!
Жена ушла, ребенка унесла...
А что бывает более позорным!

«Она ведь женщина. Она свой гнев забудет,
Она ко мне опять протянет руки.
Она ведь женщина! Пусть даже богом будет —
Где силы, чтобы выдержать все муки?»

Отчего ты лишился хорошего сна?
Захлестнуло житейское морюшко судно?

Без подруги тебе одиноко и трудно?
Почему твоя комната так холодна?

Отчего, Амирхан, ты, скажи мне, притих?
Это ты беспокойно блуждаешь в ночах?
Где убранство прекрасное комнат твоих?
Где балкон, утопавший в цветах?

Руки женщины украшают очаг,
Заставляют забыть все былые потери,
Все послушным становится в женских руках,
Открываются даже закрытые двери...

Где твои убежденья — никак не пойму.
К тому ли мечты твои устремлялись?
Куда собутыльники подевались?
Исчезли куда-то по одному?

Жизнь — море. И любит она чистоту,
И к берегу мусор волна прибывает,
Пусть время над нами проходит и тает, —
Является утро и солнце сияет.

22

С тех пор Айгюн не видел я пять лет.
Что с нею? Сведений покуда нет.
Любила ли она кого-нибудь,
Или к любви закрыт ей светлый путь?

Чем занимается она, каким трудом?
Есть у нее свое гнездо, свой дом?
Те, кто утратил первую любовь,
Счастливыми бывают вновь?

...Нет! Нет! Она для счастья родилась,
Ей дайте счастье — не потом, сейчас!
О, как любовь ее была огромна!
Она ни неверна, ни вероломна.

Людей хороших можем мы любить,
Мы можем их печали разделить,

212

Прокладываем вместе мы пути,
Чтоб к счастью, к миру и любви прийти.

Когда хороший человек нас покидает,
То наше сердце боль одолевает,
И кажется всегда, что тело
От этой боли вдруг запылало.

Как надо быть в хорошее влюбленным!
Пусть станет все хорошее законом!
Давно Айгюн в душе моей живет,
Пусть счастье наконец родная обретет.

23

Звуча на тысячи ладов,
Покой сердец оркестр нарушил.
И каждый, замирая, слушал
Течение многих голосов,
Переливающихся в душу.

То шелестя, как ветерок,
То вновь ворочая громами,
Всплывала музыка пред нами...
То путником в пыли дорог,
А то — орлицей над горами...

То, как ученый о делах,
Оркестр ведет беседу ровно,
То засверкают звуки, словно
Эпохи солнечной размах,
Где все могуче, полнокровно

И силой страстного ума
(Не похваляясь по-пустому,
Подобно крикуну иному,
Чья речь — бесплодные грома)
Ведет нас к веку молодому!..

В потоке звуков — утра блеск,
Труда и славы упоенье,
Сердце бестрепетных биенье,

213

Знамен и крыльев свежий плеск,
Природы вечное цветенье!..

Кипя волною штормовой,
Поет оркестр об ураганах,
О битвах прошлых, о буранах,
Кипящих над моей страной,
О незаживших наших ранах...

Но вот пустыни расцвели!
Так человеческая сила
Добром природе отплатила
И новый день моей земли
В прекрасный образ воплотила.

Победу празднует народ,
И мир ликует обновленный,
Цветеньем новым окрыленный,
Летит вперед, летит вперед,
Мечтою в дело претворенной!

А сердце мчится дальше, ввысь!..
У храма разума затворов,
Решеток, стен, оград, заборов
Ты не найдешь, как ни трудись, —
Здесь вольность вдохновенных споров!

Великий Низами сказал:
«Мысль объясняет мирозданье;
Хоть есть рубеж ее исканью,
За гранью разума — провал,
Предел всесильному сознанию...»

Так почему ж на этот раз,
Подвластен музыке прекрасной,
Ведом ее заботой властной,
Мне разум вывел напоказ
Миров и солнц предмет опасный?..

А потому, что здесь Айгюн
Играет и владеет нами,
Горами движет и морями,

И, вероятно, в этом храме
Большого праздника канун, —
Оркестр ворочает мирами!

24

Мне забывать нельзя об Амирхане.
А что сказать? Он вечно полупьян,
От кутежей сознание в тумане...
Но стал освобождаться Амирхан
От вечных мыслей о «большом» кармане:
Бывает так: дурман прогнал дурман.

Менялся мой герой, позабывая
Страсть к легким деньгам, к покупным благам.
Но мысль его к лазурным берегам
Еще не гонит пена штормовая.

Он редко у друзей своих бывал:
У них в домах — «благоуханье дома»;
Ту злую боль от сверстников скрывал,
Что самому давно была знакома.

О, как чиста детей к отцам любовь!
О, добрый лад, уютное устройство!..
В нем поднималось и бурлило вновь
Отцовское глухое беспокойство...

Он пил на свадьбах в честь «семейных уз»,
В нем загорался прежний чистый пламень,
Но тяжелых дум неистребимый груз
Таскал с собой, как свой надгробный камень.

Вино для сердца друг и врач плохой:
Чуть охмелев, он грустным становился,
В гостях сидел с тяжелой головой,
Противился дремоте и бодрился.

«Я одинок. Без дома, без семьи...
Куда ушло души моей призванье?
Мне год от года тяжелей бои
С самим собой. И не нужны признанья...»

Он корчился в досаде, он сгорал,
Он таял, сам того не замечая...
«Орел ведь тоже падал, но взлетал?» —
Так утешался, сердце облегчая.

Раз в год Айгюн на улице встречал
В сопровожденье вежливых друзей,
Подарки посылать не забывал
Ко дню рожденья дочери своей.

Имея место в жизни, человек
Гордится малым и большому рад.
(Планетам во вселенной ровный бег
Определен — и нет ему преград.)

Врач, инженер, учитель, агроном
В своих делах живут своей судьбой;
Другим победа на пути другом —
Тропой бы только двигаться прямой.

Свое же место отнял Амирхан
Сам у себя. Растерян он и мал,
Как будто без билета и незван
В глухом углу спектакль он простоял.

Его рассудок правды не таил:
Твои друзья давно в почет вошли,
Лишь ты свою судьбу не сотворил —
Свои же корни вырвал из земли!

Еще не поздно, к делу воротись,
К земле приинкни — соки жизни в ней!
Труда и захолустья не страшись,
И ты узнаешь радость новых дней!..

Так разум говорил ему в тиши,
Но луч надежды, просияв, угас.
Нет, поздно торопиться... не спеши.
Заглух и замер совести приказ.

Шли неуклонно месяцы, года...
Цвели сады, земля кругом цвела,

Стихия всенародного труда
Гудела морем счастья и тепла.

Уж сколько раз пытался Амирхан
Покончить с философией своей!
Что проку в том, когда зарок не дан?
Он вновь и вновь все возвращался к ней.

25

Неправда, что, оставшись без него,
Айгюн не вспоминала Амирхана,
Что вырвала из сердца своего,
Что в сердце затянулась эта рана!..

Нет! Не могла ни снова полюбить,
Ни заменить любовь игрою ложной,
Решила: можно без любви прожить
И жизни даже радоваться можно!

Но спрашивала дочка: «Где отец?» —
И в ней будила мысль об Амирхане...
И сердцу снилась радость двух сердец
В далеком прошлом, тающем в тумане.

Айгюн не знала радости с другим,
Да никого другого и не знала!
Дитя ей было самым дорогим,
И добрым словом мужа вспоминала.

Так почему ж не встретиться опять?
Что это — женское упрямство? Чванство?
Нет, нет! Не мог он главного понять:
В труде ее святого постоянства.

Дурная правда, — что ее таить? —
Жену ревнуя к славе и почету,
Признание скупился подарить
Ее таланту и ее полету!..

Айгюн искусством радостно жила:
Ее друзья — перо, бумага, ноты;
Ей не забавой музыка была. —
Свершалось чудо творческой работы.

Любовью вдохновенной и святой
Она любила родины просторы,
Живого неба пламень голубой,
Моря и реки, ледники и горы.

Сидеть не в силах в четырех стенах,
Угадывала тайнства природы
Не только средь полей — на промыслах...
И музыка свои давала всходы.

Так время шло, спешил за годом год,
Неся с собой и горести и славу.
Из мира звуков и живых красот
Она брала лишь лучшее по праву.

И, радуясь, что подрастает дочь,
Считала годы по зарубкам роста...
А в волосах, чернеющих как ночь,
Луч за лучом прочерчивали звезды...

26

Сегодня шум, и шутки, и вино
В твой дом, Айгюн, пришли по доброй воле,
Сегодня стих и музыка — одно,
Сегодня места нет тоске и боли!

Как весел композитор наш, взгляни!
Пылают щеки. Рада каждой встрече;
Забот и горя позабыты дни —
Пусть не совсем... пусть на один лишь вечер...

Улыбкой юной озаряет всех
И всех душистым пловом угощает,
Вокруг нее — гостей беспечный смех,
Вино в бокалах розовых играет...

Цветы, цветы! Снопам их нет числа,
Им тесно в этих комнатах просторных.
Весну и юность дружба сберегла,
Рожденная в исканиях упорных.

218

Улькер глядит во все глаза на мать,
Впервые видя торжество такое.
Речей и тостов смысл воспринимать
Чутье ей помогает молодое!

Дитя весны, дитя моей страны,
Найдешь и ты свой путь в своей отчизне!
За это с дней угрюмой старины
Боролись предки, не жалея жизни...

В душе Айгюн счастливый непокой...
Парит орлом над чистым небосводом!
Награждена медалью золотой
За музыку свою своим народом.
И ты, Улькер, ее понять сумей,
Достойна будешь матери своей.

Еще друзья ей поздравленья шлют
(Счастлив, кто красноречием богат) —
Там хлопают в ладоши, там поют,
Да так, что стекла окон дребезжат!

Вот Алияр поднялся средь друзей,
Разгоряченный счастьем и вином, —
Наш карабахский юный соловей
Запел. И приумолкло все кругом.

«Свет луны, луга и горы,
Солнца раннего лучи...
Нас приветствуют просторы,
И для нас журчат ручьи...
Голос милой отзовется
В сердце звуком кеманчи!

В черном небе — хороводы
Звезд, мерцающих в ночи.
Мы стареем. Мчатся годы...
Душу песней излечи!
Голос милой отзовется
В сердце звуком кеманчи!..

Пусть в игре сверкают, споря,
Мыслей светлые мечи!

219

Пусть любовь не знает горя
Догорающей свечи!..
Голос милой отзовется
В сердце звуком кеманчи!..»

И певец свою песню на крыльях несет,
И слова, словно птицы морские, парят.
«Это сердце поет...
Этот сердцем поет!..» —
Улыбаясь друг другу, друзья говорят.

Почему, о любви заведя разговор,
Он не сводит с Айгюн пламенеющих глаз,
Почему, не стесняясь, сияющий взор
Открывает он миру всему напоказ?

Вот краснеет Айгюн, вот бледнеет опять —
Верно, чувствует жаркие взгляды певца
И без слов понимает, что хочет сказать
Алияр... Хоть скорей бы дошел до конца!..

Громче шепот. (О женщины, как вас унять?)
«Посмотрите, влюбился в Айгюн Алияр!..»
— «Ах, какие ей взгляды бросает опять...»
— «У Айгюн от любви начинается жар».

— «Ах, неправда, Айгюн хороша и мила...»
— «У нее ведь ребенок».

— «Так что же?» — «Пустяк?..»

— «Говорят, что недолго и с мужем жила...»
— «Ах, неважно влюбленным, что было и как!»
Возвеличилась женщина!»

— «Нам не чета...»
— «Полно сетовать! Иль жениха не найти?»
— «Мне уж тридцать — не малые, видишь,
лета...»
— «Твой жених задержался, наверно, в пути...»
— «Хватит камни в соседскую воду бросать!»
Но оставим компанию наших матрон:
Право, совестно слушать — не то что писать! —
Пересуды, достойные старых времен...

Что, что случилось? В этот поздний час
Вдруг три звонка, забытые давно...
Кто? Кто так поздно беспокоит нас?
Моя Айгюн бледна как полотно...

В дверях фигура, будто тень, черна,
Цветы поникли в каменной руке...
И сердце застонало, как струна,
У женщины, забывшей о тоске.

Ей молча протянул букет цветов,
Но от людей сторонкою, как зверь,
Спеша уйти без слов и без следов,
Через секунду выскользнул за дверь...

Притихли все, задвигались потом...
Вновь тишина... Как в доме, где мертвец.
Вдруг вскрикнула Улькер: «Отец, отец!» —
И бросилась вдогонку за отцом.

В глазах Айгюн угас веселья свет,
Какой-то холодок пронял гостей...
В безжизненной руке дрожит букет...

Слезинок блеск в глазах у матерей:
Их всех печалит грустная судьба
Ребенка, не забывшего обид!

Бушует в сердце девочки борьба...

Ребенку безотцовщина грозит!..

Уж за полночь. Расходятся друзья.
Гость — птица перелетная. Прости!..
Покинуть ведь хозяйке лишь нельзя
Дом, где привыкла грезить и грустить...

Пылает рассудок, и сердце в тисках...
Не спит она всю эту ночь напролет.
Откуда смущенье, и трепет, и страх?
Встревоженной мысли неровен полет...

Поэзия горе украсит венцом. —
Будь это кантата, поэма, рассказ...
От радостной ночи с печальным концом
Осталась лишь новая песня у нас:

«Коснулся луч трепещущих ветвей.
Встречая солнце, мир на миг затих.
Запели соловьи души моей —
Воспоминанья юных дней моих!

Я безмятежно сердце отдала
Забывшему те дни, как старый стих...
Любовь моя дотла меня сожгла —
Воспоминанья юных дней моих!..

Он на коне, а я пешком брожу...
Забыл ли он сиянье зорь былых?
Но жар моей души не остужу!
Воспоминанья юных дней моих...»

Мелодия долго уснуть не дает,
А ветер мотив подхватил — и поет...
Вот с дочерью рядом Айгюн прилегла.
Над городом солнца тревожный восход.

27

В ту ночь у певца были думы свои,
Он комнату мерил шагами:
«Склоняется долг перед силой любви —
Так верилось людям веками!

А может ли женщины сердце остыть
К былому, увядшему рано?
Ей время поможет обиды забыть
И вылечит жгучую рану...»

Нет, нет! Такова ли голубка его,
Чтоб чувства таить и лукавить?
Надеялся он на свое торжество:
Ей тоже борьба не легка ведь!

Вчера он признался в любви наконец,
Мечтая о будущих встречах...
«Ведь голос и музыка, — верил певец, —
Единство. Попробуй рассечь их!

К тому ж Амирхан и забыл про любовь, —
Вино ему душу неволит.
Не может Айгюн полюбить его вновь:
Ей гордость того не позволит.

Пройдет у Айгюн, непременно пройдет
Сомнений бессмысленных мука...»
(Летит, как известно, не вспять, а вперед
Стрела, оторвавшись от лука!)

Он вспомнил вчерашнего вечера свет,
И тени, и сердцебиенье,
И песню, что пел он, и взгляд, и ответ...
И желчных завистниц шипенье...

Да, правда, открыто признал он при всех,
Признал, не смущаясь нимало, —
Он любит! Какой же в том может быть грех,
Что сердце любви не скрывало?..

И песня, как радость, наполнила грудь!
В мажоре летящие ноты,
Как птицы надежды, отправились в путь
В лазурного неба высоты...

Но где ты, где ты, Амирхан?
Во сне ль былое повторяешь?
Очнись, вокруг тебя буря!
Очнись! Ты счастье потеряешь!

Что ж — не мальчишка, не юнец —
По жизни не идешь, а бродишь,
Пусть ты не муж, но ты отец!
Что счесть с совестью не сводишь?
В расчете с честью — и конец?

Иди туда, где был твой дом,
Дай сердцу встречей насладиться,

Узнай у дочери о том,
Как по ночам Айгюн не спится...

Но Амирхан, как всем чужой,
Ушел с заветного порога,
Разбитый телом и душой.
(Трудна у гордости дорога!)

Он думал: «Люди не поймут...
Она — высоко, точно птица,
А я живу, как все живут...
И между судьбами — граница.

Я столько лет преступно спал,
В способности ее не веря,
Обидной ревностью терзал...
А ей открыла слава двери!

Какое время! Человек
В трудах и буднях стал поэтом.
Да, буйный времени пробег
Все изменяет в мире этом.

Отстал я... Юность пронеслась...
Мне сила духа изменила,
А в душу женщины влилась
Достойная мужчины сила.

Жены боюсь я как огня,
Хотя прощенья сердце просит.
«В мою ты славу — не в меня
Влюблен», — она мне гордо бросит.

Нет! Не вернусь! Какой позор
Ползти ужом в лавровой чаше!
Ползти и прятать мутный взор,
О жалкой доле говорящий...

Перед женою «шапку мять»?
Уж лучше смерть — петлю на шею!
Айгюн мне лучше не встречать,
Не говорить, не знаться с нею!..»

Айгюн, дитя моей земли,
Творила, не страшась просторов.
И ноты новые легли
В оркестры лучших дирижеров.

Улькер открылся школы свет,
А это не пустяк, не малость...
Улькер гордится — восемь лет
Недавно девочке сравнялось!

Чей звонкий голос по утрам
Волшебной теплотою дышит?...
Чье каждая из многих мам
Для дочки музыку напишет!

В груди Айгюн горит звезда
И сердце счастьем расцветает...

(Мне тоже радостно, когда
Мой сын стихи мои читает...)

Улькер не знала до поры
Смятенья и душевной боли
(Хоть современные дворы —
Плохой оплот семье и школе).

Что толку на отца пенять?
Айгюн ей тайн не поверяла:
Еще пора придет понять,
Что в жизни горького немало...

Чтоб не таиться без конца,
Все Амирхана ей хвалила...
(«Пусть любит девочка отца», —
Айгюн мне как-то говорила.)

Но что такое? Брови чьи
Изогнуты как лук? И стрелы
Глаза метать готовы чьи?
И слез горячие ручьи
Бегут из глаз на фартук белый!

Не хочет голову поднять...
«Улькер! Где злиться научилась? —
Ее спрашивает мать
Все рассказать, что с ней случилось. —

Что ж ты молчишь? Ответ скорей!
Но что с тобой, голубка, зорька?
Ах ты, мой звонкий соловей,
Скажи, о чем ты плачешь горько?»

Улькер упрямая молчит...
Айгюн дочурку обнимает,
А та притихшая стоит,
Рук от лица не отнимает.

Но сердце детское как воск:
Его теплом живым смягчайте!
Природы чудо — детский мозг,
Ласк не жалеите, расточайте!

Заговорила вдруг Улькер:
«Я после школы по аллейке
Перебегала через сквер,
Вдруг вижу — папа на скамейке!»

Меня он издали узнал,
Кричит. К нему я подбежала,
А он... К себе меня прижал...
А я его поцеловала...
Сидели долго мы вдвоем,
Мне палку вырезал из ветки.

Все спрашивал, как мы живем,
Спросил про школу, про отметки,
Потом, как маленький, притих,
Расспросы всякие оставил.

«Воспоминанья дней моих»
Три раза петь меня заставил...
Уж пожалела я, зачем
Такая песня? Все о старом!
Ведь он расстроился совсем...

И знаешь, мама? Плакать стал он...
Спросила я его тогда:
«Что ж не живешь ты с нами вместе?»
Ответил: «Мать твоя горда,
В чести... А я теперь без чести...»

Айгюн представила на миг
Всю обстановку этой сцены,
Нахмурилась: «Как тень возник!
Не вижу в муже перемены...
Но все же очень хорошо,
Что так он к дочери привязан,
Путь к сердцу детскому нашел...
Ведь нам ничем он не обязан!..
Улькер любовь к нему хранит...

О, сердце доброе ребенка!
Дочь подрастет — не обвинит,
От правды не уйдет в сторонку...
И для нее настанет срок
Узнать, как сердце с сердцем спорит,
Узнать, где истины исток,
Но правда вряд ли нас поссорит!
Вину возьму я на себя.
Пока пусть будет так, как прежде:
Ребенку надо жить в надежде,
Своих родителей любя!»

...И, ленты в косы ей вплетая,
С улыбкою сказала мать:
«Уж я упрямая такая:
Свой гнев никак мне не унять!
Не плачь, Улькер, все обойдется,
Печаль забудется потом,
Ты не горюй, отец вернется
Отцом и мужем в этот дом!
Вода русло свое сама
Найдет в положенные сроки...
Смотри, уж свет зажгли в домах, —
Садись-ка, дочка за уроки...»

И вот печаль уже прошла,
Просохли на щеках слезинки.

Айгюн забыть о поединке
Спешит, и тень сошла с чела...
Надежда горе обошла,
Найдя заветные тропинки.

29

Ночь. Бледный сумрак снеговой
Сгустился в улицах унылых,
Окутав город с головой...
Айгюн опять заснуть не в силах.
Настало время ей узнать,
Что сердца суд нелицемерен,
Что женщина не только мать!
Ей жребий друга был доверен...
Душа черствеет без любви,
Без теплой веры в постоянство.
И в эти тридцать лет свои
Она — одна. Зачем убранство
Жилья уютного ее?..
И красота ее напрасна,
И поцелуев забытье
Над чистотой ее не властно!..
Не в силах мысли отогнать,
Айгюн встает, к окну подходит...
Себе самой не может лгать!
Она ответа не находит
Своим стремленьям и мечтам,
Ошеломляющим и сладким,
Призывам — «догадайся сам!»
И смутным собственным догадкам;
Мечтам о голосе мужском,
О силе смелой и суровой...
Она способна босиком
Идти к нему, на все готовой, —
К тому, кто встретит и прижмет
К себе горячую рукою,
Кто на груди ее заснет...

Айгюн, опомнись! Что с тобою?
Уж время за полночь давно;
Улькер уж спит в своей кроватке;

228

Швыряет ветер снег в окно.
(У нас в Баку заведено —
Всегда с ветрами непорядки...)

Айгюн, Айгюн!.. В ее мозгу
Все прояснил морозный воздух.
Пусть утро тушит на бегу
Застрявшие в дороге звезды,
К себе самой пусть катит ночь...
Пора же, право, встрепенуться,
Прогнать ночные страхи прочь...
Пора, Айгюн, пора проснуться...

И прояснился женский взор,
И мыслей плавному теченью
Сдалась. Лишь в музыке — отпор
И объяснение искушенью.

Играла, думая о том,
Как трудно женщине живется:
«Пьяна я горьким тем вином,
Что одиночеством зовется...
Но сердце требует тепла
И радости, а не покоя...
Ах, если б я сама могла
Вершить судьбу своей рукою!..
Наверно, мне поможет тот,
Кто сердце пламенем зажжет;
Я правды от него не скрою!
Аплодисменты, славу, честь
Не назвала б я счастьем полным, —
Еще любовь на свете есть,
Ее живительные волны...
Пора покою предпочесть
Любви и нежности дыханье!
Мечты мои — мое страданье...»
Играла. Вдруг звонок, и что же?
За ночь в смятенье и в тоске —
Награда, всех наград дороже:
Письмо дрожит в ее руке!..

«Быть может, душу вам доверив,
Я в сердце вашем не найду

229

Сочувствия. Но вы, измерив
Мою тоску, мою беду,
Меня простите.
Я люблю!

Лишь это мне дарует право
Так вам писать! И я молю
Меня понять, обдумав здраво...
Как жизнь, любовь моя сильна,
Ее целительною силой
Моя душа напоена,
И я решаюсь, друг мой милый!
Вы та, которую давно
Сама судьба моя искала...
Любил я прежде... Все равно —
В других того недоставало,
Что я нашел, увидя вас!..
Любовью мой талант питаю,
Со мной — сиянье ваших глаз
И ваша чистота святая!
Я не боюсь людской молвы:
Моя любовь и гордость — вы!
Во мне чужого увидеть
Вам не придется! Верным другом,
Отцом, товарищем, супругом
Я стать готов и жизнь отдать!
Наш путь один, одни стремленья,
Мы дети музыки самой —
Победы, радости, сомненья
Нам разделять одной семьей!
Нам, верно, не бывать в разлуке —
Обоим дорого одно:
Сольются песен наших звуки
В любви и верности вино!..»

Айгюн очей не поднимает
От жемчуга скользящих строк,
Беззвучной музыке внимает...
Промчался теплый ветерок...

«Вот чувства честные, святые,
Вот правды ясные глаза!» —
За много лет летит впервые
С ресниц счастливая слеза.

Но что же тронутой в тревоге
Струной заныло: «Не спеши!»
Тень Амирхана на пороге
Ее семьи, ее души...

Кто память властною рукою
Ведет к давно ушедшим дням?
К другой любви тропой другою
Кто выбрать путь мешает нам?..

Не знаю, сколько дней минуло,
Досуг ли мне часы считать?
И русло жизнь не повернула,
Свой ход не воротила вспять.

«Письмо я получила ваше,
И вас за прямоту хвалю.
Нет благороднее, и краше,
И чище слова, чем «люблю»...
Но что я вправе вам ответить?
Клянусь, одну себя виня,
Что даже лучшее на свете —
Любовь — уже не для меня.
Не скрою... Труден путь искусства,
Но дочь — вот свет очей моих!

Не скрою... И другие чувства
Меня томят, как всех живых, —
Хочу и я тепла иного!
Но взгляд ребенка предо мной,
Напоминающий сурово
О первой жизни, о бывлой...
Допустим, друг, что дни печали
Мне с вами суждено забыть,
Что мы друг другу счастье дали...
Отца ребенку заменить
Вы не смогли бы!.. А любить
Чужого — я смогу едва ли.
Не обижайтесь, ведь скажи
Я вам не так, лгала бы льстиво,
Но все же правда лучше лжи,
Хоть правда не всегда счастлива...
Вам верным другом остаюсь
И в том поклясться не боюсь!»

А время все вперед летело,
И несся слухов суховей,
Как будто есть кому-то дело
До жизни чьей-то — не своей!

Судили люди и рядили,
Никчемный поднимая шум...
Быть может, сами не любили,
А так — болтали наобум?

Один считал прогулки ночью
Айгюн с мужчиной под луной,
А кто-то уж видал воочью
Их спящих в комнате одной...

Уж будто от людей скрывают
Они союз постыдный свой,
Уже себя они считают
По праву мужем и женой!..

И, если болтовне поверить,
Кругом — обман, кругом — беда!..
(Когда же перед сплетней двери
Захлопнут люди навсегда?)

«Какая подлость! Ложь какая!
Кто первый смел предположить?
Айгюн — я это твердо знаю —
Бесчестно не могла бы жить.
Не выйдя замуж по закону,
Не даст руки поцеловать!
Кто повод дал пустому звону
Моей Улькер позорить мать?..» —

Так в гневе Амирхан ответил
Врагам Айгюн — своим врагам...
(То голос чести! Лодку ветер
Погнал к лазурным берегам!)

Айгюн одна сидела дома
В раздумье хмуром и немом...

(Мне это хорошо знакомо —
Разлад меж сердцем и умом.)

Казалось, все обдумав здраво,
Ей Амирхан свой гнев принес,
Считая, что имеет право
На самый тщательный допрос...

«Скажи мне правду, не скрывая,
В тебя влюбился Алияр?
И что ж, любовь его такая,
Что и в тебе зажгла пожар?

Не лги мне! Я сегодня гостем
К тебе пришел. Не осуди...»

— «Ты любопытствуешь со злости,
Иль объяснение впереди?»

— «Зачем? Не то... А просто больно
Мне слушать от людей, поверь,
Что ты себя уж слишком вольно
С мужчиной держишь! И теперь
Я как отец Улькер обязан
За честь вступиться... Потому...
Пусть я с тобой ничем не связан,
Ты — мать ребенка...»

— «Не пойму!..

К чему излишние тревоги?
Улькер тебе ли опекать?
Кто на моей прямой дороге
Меня посмеет упрекать?!
Как я веду себя — известно.

И только лгун или дурак
Меня бесславит повсеместно...»
— «Что ж, это лучше, коли так!..
Но мне бы Алияра речи
Послушать — живо б он притих!
Я покажу ему при встрече,
Как разрушать дома других!»
— «На твой ли дом беду обрушил
Тот Алияр, отняв покой?»

Нет, свой очаг ты сам разрушил
Своей же пьяною рукой.
Того, что не сберег, жалеешь?
Семья, жена, ребенок, дом?..
Не надо говорить о том,
На что ты права не имеешь!..»

— «Да, я гуляка, я смутьян,
Ты, может быть, и верно судишь,
Но трезв я нынче, я не пьян!
Понятно... Алира любишь?»
— «Любовь? Но я ее не знала
С тех пор, как врозь мы стали жить...
Я слишком, Амирхан, устала
И вновь смогу ли полюбить?..»

Боль Амирхану сердце сжала.
Что толку говорить опять?..
Чем возразить? Айгюн молчала,
Он головы не мог поднять.
Так, головы не поднимая,
Не смея ей в глаза взглянуть,
Сказал: «Судьба... Я понимаю.
Разрушенного не вернуть...»
И, продолжать не в силах боле,
Он быстро вышел за порог...
(Так одинокий ветер в поле
Летит без цели, без дорог.)
Он шел, вокруг не замечая
Людей, и улиц, и домов.
Он думал: «Вот она какая,
Моя Айгюн... Как взгляд суров!..
Загадка — женская натура.
Быть может, слово уж дала
Певцу? Что ж — у него культура...
А у меня плохи дела...»

Надежды хрупкий мотылек
Сгорел... В огонь себя увлек!

В тот час Айгюн себя бранила,
«Была я, кажется, резка?..
О, если б вновь любить! Тоска

Гнетет... Жизнь без него уныла,
Обиды трудно позабыть,
Такие горькие к тому же...
О, если б мог другим он быть!
Мне только он, другой не нужен!

Была б счастливой жизнь моя —
Без этой скачки сплетен черных
На резвых языках проворных,
Коль были б вместе он и я!..
Ах, что об этом говорить!..
Коль наша жизнь не получилась,
За что ж ему меня корить?
Речами вздумал покорить?
Пришел сюда! Какая «милость»!
Моя защита — я сама,
Мне хватит своего ума!..
К тому же много лет подряд
Один — не мальчик, а мужчина —
Прожить не мог он без услад...»

(О ревность — всяких бед причина
Для женщин сто веков подряд!)

32

Айгюн, сестра моя родная!
Давно уж мне твой образ мил, —
Жемчужной нежностью мерцаая,
Он чистотой меня пленил.
Люблю тебя, твое искусство.
И скромность женская твоя
Давно сроднила наши чувства.
(И у меня есть сыновья!)
Ты — мать. Ведь матерям прощают,
Что другу, брату не простишь...
А что на сердце, дочь не знает:
Не благодать, не гладь, не тишь...
Но в путь! Несись ветрам навстречу —
Согреешь сердце на бегу!
Я в первый раз тебе перечу
И не вмешаться не могу!..
Поверь мне, сердце Амирхана —

«Дельца», «философа», смутьяна —
Так долго не таяло б зла, —
Волна страстей его несла.
Из штормового океана
На берег он давно б ступил:
Тебе признаться он боится
И в одиночестве томится,
Не может вновь набраться сил...
Поверь, Айгюн, он изменился!
Он честно ест свой скромный хлеб,
Хоть к новой мысли пристрастился:
«Судьба всевластна, случай слеп...»
Он не смутьян и не завистник,
В нем сердце живо — не мертво,
И человеконенавистник
Не получился из него.

Давай поможем Амирхану!
Настанет для него рассвет, —
В любовь я верить не устану
И в искупление прошлых лет.
Так пусть же он в себя поверит!
Нельзя же дать ему упасть.
Пусть он забудет все потери,
Узнав добра и света власть!

Айгюн сдалась.
За вехой веху
Считая в розысках своих,
Нашла в них горькую утеху...
Об Амирхане слух затих.
«В Баку не значится. Уехал», —
Один ответ у нас двоих.

33

И мы решили вместе с ней,
Чтобы работы не бросала,
Я сам поеду для начала:
Так будет проще и верней.

Я Амирхана не нашел
В горах. Я миновал долины,

236

Мугань и Миль насквозь прошел,
Проделав трудный путь и длинный.
В Мугани видел я как раз
То, что не каждому поэту
Явит природа напоказ.
«Ильгым» зовут картину эту:

Там, на Мугани, в летний день
Земли пахучей испаренья
Текут, как облако, как тень,
Через поля, через селенья...

Задумай тот туман догнать —
Он точно сон без четких линий;
Начнешь поближе подбегать —
Исчезнет, как мираж пустыни...

Наш Амирхан — такой «ильгым»!
Но я — судьбы его спаситель —
Иду, иду, иду за ним,
Искусства ревностный служитель...

В конце концов напал на след
В совхозе...
(Помни постоянно:
Искать — твой первый долг, поэт!)
И я увидел Амирхана.

Всю ночь беседовали с ним
Простыми, теплыми словами.
И караваны звезд над нами
Проплыли по путям своим...

Не прибавляя ничего,
Передаю рассказ его:

«Давно я спутал счет годов...
Здесь агрономом был я прежде;
Врачом, наставником садов...
К трудам и к трудностям готов,
С душой, открытою надежде,
Я жил.

237

Но что мне лгать теперь?
Ведь слишком часто так бывает,
Что люди сами счастья дверь
Перед собою закрывают!..
По выраженью старых дней,
«Ко мне закрался в душу змей»,
Меня заставил сомневаться
В простой профессии моей...
Я знаю — будете смеяться...
Я денег, денег захотел...
Какая страсть? Где ей предел?

(Тут я, прервав его, заметил:
Отравлен-то не только он!
Не он один на этом свете
Гнуснейшей страстью побежден.
Есть, мол, немало «звезд науки»,
Что расточили свой талант,
Протягивая к деньгам руки...
Вот смерти духа вариант!
Своих уж мнений не имея,
Крадут открытия других,
Живут без мысли, без идеи,
И умирает гордость в них...)
Да! Страсть, чужая нашим дням,
Меня от жизни оторвала,
Гнала, как щепку по волнам,
Мной, словно мячиком, играла.
Свой труд забросив, я бежал,
Метался в этой страсти темной,
Глаза от правды отвращал,
Блуждал без толку, как бездомный...
Гулянки, пьянки, кутежи
И сцены мерзкие порою!..
Жизнь проложила рубежи
Между семьей моей и мною...
Да, я разрушил свой очаг —
Терзаюсь собственной виною!
Вчера и завтра — полный мрак...
Семья пренебрегала мною!
Вчера и завтра — только ночь...
Лишь снятся мне жена и дочь...»

Вдруг, побледнев, он замолчал,
Потом сказал, вздохнув глубоко:
«Я снова здесь, здесь мой причал,
Здесь мне легко, хоть одиноко...
Мне хлеб и соль дает земля,
Я занят плодотворным делом!
Со мной сады, со мной — поля,
Доволен я своим уделом...»

Пусть у меня таланта нет,
Пусть прожил половину жизни —
Себе я сам даю обет
Растить сады в своей отчизне!»

Минула ночь, а утром ранним
Он показал мне новый сад...
Красуясь легким одеяньем,
Деревца хрупкие стоят
В сиянье солнечных лучей...

(Я знаю, что земля поможет,
Спасет, заставит стать моложе
Того, кто руку подал ей!)

34

...В степи, бывало, Амирхана
Давили ночи тишиной,
Он, словно зверь в плену капкана,
Метался, раненый и злой.

Казалось, звуки доносились
Нарядных улиц, площадей,
Бульваров. Голоса людей
Переливались и струились...

Любитель кутежей, гулянок
Не скоро к тишине привык...
Стал просыпаться спозаранок,
Заслышав петушиный крик.

Сначала он работал мало,
Бродил помногу и скучал, —

Ему чего-то не хватало,
Чего — он сам не различал...

Но вот знакомых больше, больше, —
С людьми сходилса он легко.
В селеньях стал гостить подольше,
В колхозы ездил далеко.

Его хвалили и ругали,
Порой злословили о нем...
Но звал он в гости дух печали
Все неохотней с каждым днем.

И люди шли к нему с делами,
И приохотился к делам!
В библиотеке вечерами
Его учил Мичурин сам...

С небес мой садовод скатился
И кверху нос не задирал:
Чего не знал, тому учился
У тех, кто больше повидал...

Он вспомнил истину о славе —
Не вспоминал ведь столько лет, —
Что в нашей трудовой державе
Героя без народа — нет!

Теперь листок простой случайно
На размышленья наводил,
Природы умысел и тайну
В нем садовод мой находил...

Теперь земля питала всходы,
А впереди — привольный путь,
И чистым воздухом свободы,
Как в юности, дышала грудь...

Дивясь ему, гордясь его удачей,
С ним вновь сошелся старый друг Неймат.
Они в беседе дружеской, горячей
Открыты и просты, как с братом брат.

(Ведь уваженья даже признак малый
Упавшего возносит высоко!)
И поверял ему солдат бывалый:
«Я одинок, живется нелегко...»

А наш герой жену и дочку видит,
И к сердцу подбирается тоска...
Но на плече его лежит рука
Товарища, что словом не обидит.

Толкуя о победах Амирхана,
Неймат от удовольствия сиял.
Когда случались промахи, изъяны,
Спокойно и толково объяснял.

Принес ему газетную страницу
С портретами колхозников села:
«Смотри, дружок! Кто были эти лица?
И как теперь земля их вознесла!..»

Наш Амирхан глядел не отрываясь,
Растроганный, боясь заговорить...
А руки, новой силой нагреваясь,
Просились в бой, чтоб чудеса творить!..

И кто поверит, ежели поведать:
Едва заснув под робкий свет зарниц,
Он вновь спешит сады свои проведать,
Он вострепенулса раньше птиц.

Быть может, ночью поздний ветер злился?..
А вдруг ударил холод ледяной?
И каждый ли росток вчера напился
Ему отпущенной водой?

Готов к ветрам осенним и весенним,
Так зимний агроному нипочем, —
Своим деревьям, всем своим растениям
Он стал хирургом, стал врачом.

Случалось, правда, дерево какое
Вдруг заболает — тоже не беда!

Здесь для него лекарство дорогое
Есть у садовника всегда.

А тот, хотя, как прежде, деньги тратит, —
По-новому рука его щедра:
Своим порою заработком платит
Он ради общего добра...

Мы больше обижать его не будем,
Забудем черный день его стыда,
А если он и выпьет — не осудим:
Ведь выпить надо иногда!..

Уже с тех пор прошли три долгих года.
Растут, цветут его сады,
Растут, цветут для моего народа,
Приносят щедрые плоды.

Айва и груша с яблоками вместе
На дереве одном цветут!
Что сладостней, сочней — ответь по чести, —
Чем желтый персик, черный тут?

(Мугань, Мугань — богатая земля!
Здесь круглый год бушуют всходы,
Здесь круглый год зеленые поля
Хранимы добротой природы.

Реки Аракса воду вдоволь пьет
Клубника алая степная,
И в славе от нее не отстает
Люцерна — украшение края.

Милы, добры муганские плоды:
В них сладость дивная такая,
Что им теперь завидуют сады
Моей Гянджи и Геокчая...)

И Амирхан дары садов прекрасных,
Взлелеянных его трудом,
Нередко посылал — и не напрасно —
Своей семье, в далекий дом...

Назвали «садом Амирхана»
Взращенный им чудесный сад.
Любовь людей — садам охрана...
(Я, автор, за героев рад!)

А мой герой — он автор сада!
Прославлен авторский талант!
Признать самим поэтам надо,
Что сад — зеленый фолиант...

Закон древнейший в мире есть:
В труде берет начало доблесть.
Трудом лишь завоюешь честь,
Борцам-гигантам уподобься!

Как часто в сердце, в тесноте
Таится мужество полета!
Мечи могучие — и те
Ржавеют в ножнах без работы.

Со мной случалось, месяц, два
Я не пишу стихов. И что же?
Уныло никнет голова,
Душа найти себя не может...

Бездумью тысяча примет...
И сомневаться начинаю:
Ужели точно я — поэт?
Кому я нужен — сам не знаю!

Но стоит в стройные ряды
Строкам построиться, как снова
Мне кажется: цветут сады
Под солнцем неба голубого!..

Сам Амирхан не ожидал
И самому себе не верил,
Что равен тем, о ком читал,
Чьи жизни мерой славы мерил!

Он сокам солнечным земли
Не дал лирических названий,

Но саженцы его цвели
Теперь уже по всей Мугани!

35

В один из дней на имя агронома
Пришел пакет. На нем сургуч, печать.
Что ж, Амирхану «честь» уже знакома
Из министерства письма получать...

Но что это? Глазам своим не верит:
Ему, чтоб пост ответственный занять,
Сады оставить? Чем-то прошлым веет...
В Баку приехать и дела принять?

Ответа ждут, теперь за ним решенье...
Но что ответить? Как решить вопрос?
И новых чувств пошло круговращенье:
«Нет, мне не нужен в министерстве пост!
Я здесь познал любовь и уваженье
Простых людей. Пусть жребий мой суров,
Но заменило мне садов цветенье
Тепло семьи, уютной жизни кров...
Здесь для меня зажегся утра свет...»

И в министерство он послал ответ:
«Благодарю начальство за вниманье
К моей судьбе. Но мне и не поднять
Высоких дел. Простите за признанье,
Что предложенье не могу принять...
Я от земли не мог бы оторваться;
Сады совхоза — цель трудов моих,
Со мной деревьям трудно расставаться,
А мне прожить немислимо без них...
Пока здоров, не знаю страхов мнимых.
Число садов растет день ото дня...
У нас ведь нет людей незаменимых,
И город обойдется без меня».

Однажды эта новость, точно птица,
Айгюн коснулась праздничным крылом...
«Не мог мой Амирхан не излечиться,
Теперь он мой. И счастлив этот дом!»

244

36

...И вот на этот мирный дом
Письмо обрушилось как гром:

«Улькер, дитя мое родное,
Пишу, как в дальние края.
Я тяжело болен и не скрою —
Близка, быть может, смерть моя...
Но мать, я знаю, не захочет,
Чтоб мог я повидать тебя:
Я виноват пред нею очень,
Ей не могу писать, любя...»

Ты за меня проси прощенья!
Простит ли мать мою вину?
Мне ж перед смертью утешенье —
Увидеть дочку и жену...»

Айгюн сама прочла и скрыла
От дочери слова отца.
Но душу боль испепелила,
И сердце ноет без конца...

И тем же вечером, как птицы,
Вдаль устремились из столицы...
Летел состав, леса пугая...
Но это уж глава другая.

37

Вот ночь в степи. Электропровод
Зажег гирлянды фонарей.
«Да это ж город! целый город!
Асфальт, огни...
Идем скорей!»

Дома! И окон вереницы
Сияют пламенным стеклом...
Как мог совхоз преобразиться!..
Как изменилось все кругом!

«Товарищ! Где же здесь больница?»
— «Сюда, направо, за углом.

245

Вон там, за «Амирхана садом»,
С десятилеткой школой рядом...»

«„Сад Амирхана“? Как сказал он?»
И словно юная заря
В душу Айгюн в сиянье алом
Вернулась, гордостью горя...

И вот они уж видят сами
Его зеленое дитя.
Уже встают перед глазами
Деревья стройными рядами,
Листвою буйной шелестя...

Улькер не в силах оторваться
От свежей прелести...
«Быстрее!
Сейчас не время любоваться...»
Они на месте... у дверей.

Какая тишь стоит в палате,
Где жизнь ведет со смертью бой...
Вот бледной тенью на кровати —
Отец и муж перед тобой...

Айгюн печальных глаз не сводит
С его поблекшего лица,
Улькер неловко, тихо водит
Рукой по волосам отца...

Как не назвать такого «тенью»:
Дыханье слышится едва...
Жар сердца слабому биенью
Давно уж уступил права...

Но жизнь — она всего дороже —
Его покинуть не могла.
(Он глаз еще открыть не может,
Пред ним стеной ночная мгла...)

Но сквозь беспмятство больное,
Сквозь ночь сознания, сквозь туман
Дыханье чувствует родное

С собою рядом Амирхан
И слово ласковое «джан»...

(О, голос ласковый и милый!
Он мужество нам придает,
Нас в бой, и в бурю, и в полет
Ведет, даря чудесной силой!)

Но к цели движемся не прямо...
Судьба настигла на бегу
Стремленье жизни... Телеграмма
Пришла сегодня из Баку,

«Вас выехать немедля просят
В Москву...»
На сборы только ночь?
Но как же Амирхана бросить?
Кому и где оставить дочь?

Опять в душе Айгюн смятенье,
В глазах темно, тоска в груди,
Решений сложное сплетенье
Легло ей поперек пути...

Поцеловала Амирхана...
Перед отъездом вышла в сад,
Зеленых листьев аромат
Прижавшись к ним лицом, вдыхала.

Улькер с отцом на десять дней
Осталась. И жила в больнице.
Спасибо старой фельдшернице:
Как мать, заботилась о ней!

И вот настал счастливый час.
За много суток в первый раз
Пришел в сознание Амирхан.
И слезы радости из глаз
Катились по худым щекам...
Увидел и к себе прижал
Улькер. Три года не видал!..

Осенний вечер над Москвой.
Зажег огни Колонный зал.
Оркестр грозой своей морской
Меня совсем околдовал.

И тут же сотни москвичей
Оркестром заворожены,
Снопом невидимых лучей
Сердца для счастья зажжены!

Сверкает вечер ярким днем,
А зал величественный тих.
Но дирижер грозу и гром
Выводит из пучин морских...

О, сколько увлекло друзей
Искусство, рвущееся ввысь!
Искусство родины моей,
Перед которым — расступись!

Я, точно мальчик, присмирив,
Слежу за голосами струн:
Пой, Алияр! Звучи напев
Прекрасной музыки Айгюн!

«Я певец, в весну влюбленный,
Я рожден весной самой
И тебе, мой край зеленый,
Посвящаю голос мой!

Парки славятся гвоздикой,
Степи — рожью золотой!
Я тебе народ великий,
Посвящаю голос мой!

Пусть свободные народы
Станут дружною семьей,
Песне братства и свободы
Посвящаю голос мой!

Расцветай, моя отчизна,
Под счастливою звездой!

Я победе коммунизма
Посвящаю голос мой!»

Рукоплесканья братских рук!
Прибой у скал и тот слабей...
Вся сцена точно майский луг,
Цветы как стаи голубей.

Не отпускал певца народ.
Айгюн не находила слов.
И сердце, улетев вперед,
Как бы коснулось облаков...

Счастливый голос ночи той
Волнами уплывал в эфир,
И вместе с нашею Москвой
Ему внимал огромный мир.

Пекин, Калькутта, Ленинград
Приветствовали голос наш,
Прекрасный Киев и Багдад
Туманно-белый, как мираж,
И волн Атлантики раскат,
И Дарданеллы, и Сиваш...

Под сенью пальмы вековой
Вздыхал о вольности араб,
И где-то плакал над собой
Закабаленный, нищий раб.

Казалось, Индия, Вьетнам
Через хребты, через моря
Пришли на этот праздник к нам,
«Москва» с улыбкой говоря.

Был Алияра каждый взгляд
Айгюн понятен и без слов:
Сердца безмолвно говорят —
Обычай у сердец таков...

Уже давно сердечных тем
Ни композитор, ни певец
И не касались.

Между тем
Разговорились наконец...

Вдвоем идут они, вдвоем,
Гуляя над Москвой-рекой,
И счастья полный водоём —
Душа Айгюн... Но где покой?
Пылают щеки, яростно взгляд...
Глаза что синий водопад,
Так искрометною волной —
Беззвучно пусть — но говорят!
Все ясно.
Радостная весть.
Пришла в Москву от докторов.
Все просто.
Телеграмма есть
О том, что Амирхан здоров!

И Алияр сказал, смутясь:
«Айгюн, мне честь моя — броня,
О чем бы речь ни повелась...
Но вы не любите меня?
И не любили никогда?
Ведь это так, скажите?»
— «Да.

Вы, Алияр, всегда правы...
Я с вами искренне дружу,
Большой любви достойны вы,
Я чувством вашим дорожу!
Но мне уже за тридцать лет!
Была нелегкой жизнь моя.
И женской верности обет
Нарушить не смогла бы я».

— «Но странно ведь звучат сейчас
Слова монахини, клянусь!
Такая ль жизнь достойна вас?
Я не пойму... Лишь преклонюсь...»
— «Нет, Алияр, своей судьбой
Довольна я теперь вполне:

Ведь Амирхан теперь иной!
Свою вину передо мной
Он искупил. К нему женой,
Подругой верною вернусь...
Все для меня как в чудном сне!..»

Потупясь, Алияр стоит —
Лицо холодный ветер жжет —
Печально на воду глядит,
Где волны водят хоровод.

(Айгюн не осуждаю я.
Артиста сердца не замрет,
Потерпит — убеждаю я, —
Придет любви его черед.
Кто тверд — так утверждаю я, —
Того любовь сама найдет!)

Он повернулся и взглянул
В глаза Айгюн в последний раз,
И взгляд прощальный потонул
Во взгляде чистом, как алмаз.

Ее он руку взял в свою.
О, как рука ее тепла!
Поцеловал. Не утаю:
Она руки не отняла.

Так благородство наших чувств
В других сердцах рождает свет!
И это краше всех побед,
Превыше всех земных искусств!

38

Довольно по путям разлук
Нам разъезжать, читатель мой!

Смертельный одолев недуг,
Вполне поправился больной.
Друзья не покладая рук
Трудились с огоньком, с душой,
В садах взлелеяли плоды:

В содружестве с землей родной
Его продолжили труды!
Так встретил осень край степной...
Он вспоминал Айгюн с тоскою.
И днем и ночью над рекою
Бродил и думал о своем...
Тревога бушевала в нем.
Себя вопросами терзал он:
О, для чего так долго спал он?
И почему да отчего
Айгюн не дождалась его?
Она, быть может, сомневалась,
Не веря в жизни торжество?
Бродил... И сердце разрывалось!
Она влюбилась... И в кого?
Ему с артистом изменила
Его Айгюн, его жена,
Искусство их соединило...
«О да! Наказан я сполна!»
(Эй вы, пустые огорченья
Летите прочь, летите прочь!
Пусть смоем светлое теченье
Тревогу, черную как ночь!)

39

За книгой на своем диване
Сидит угрюмо агроном.
И вдруг он видит, как в тумане:
Кто? — Алияр заходит в дом.
Судите, как хозяин встретил
Приход соперника к нему:
«Зачем приехал, не пойму!»
Взор Алияра чист и светел,
«Ну, разве так встречают гостя?
Меня вам не за что корить».
— «Мы с вами незнакомы...»

— «Бросьте!

О важном буду говорить...
И вы не думайте дурного...»
— «Что ж, познакомимся! Саям!»
— «Мое же имя вам не ново?...»
— «Садитесь. Не стоять же нам...»

252

— «Я вам хочу сказать, как другу,
Что вашу защищать супругу
Я к вам приехал, не тая,
Что в этом миссия моя.
Айгюн в плену своей свободы
Считает месяцы и годы...»
Тут Амирхан приподнял бровь:
«В плену свободы? Почему же?...
Ведь с ней у вас роман! Любовь!
И вы ей стали как бы... мужем...»
— «Нет, нет! Все это сплетен дым!»
Айгюн любил я — это правда,
Но ею не был я любим
Нисколько... Ни вчера, ни завтра...
Я вам признаюсь: я мечтал,
Что и она меня полюбит.
Томился... Но умнее стал.
Она правдива. Прямо рубит:
«Мой друг! Обет другому дан.
Моя любовь — мой Амирхан...»
Мне не поверить — ваше право,
Прочтите же письмо одно:
Айгюн писала не лукаво
Мне самому в ответ... Оно
Откроет все... Поймешь, читая,
Что значит чистота святая...»
Читает Амирхан... Слезами
Полны глаза. И вот с листа
Встает перед его глазами
Айгюн — прекрасна и чиста!
Нет, Алияра он не судит:
«Мой гость, вчера соперник мой,
Сегодня — друг!.. Какие люди,
С душою чистой и прямой!»
Встают. И руки жмут друг другу,
Как братья, повстречавшись вновь.
(Так покоряют сердце друга
Мужская верность и любовь!)
«Я всюду слышал, — говорят,
Что есть у вас прекрасный сад?
Быть может, другу из Баку
Его покажете?»
— «Могут!

253

К нему я несколько причастен...
Дорогу гостю! В сад — так в сад!»
Душа, обласканная счастьем,
Запела в нем на новый лад...

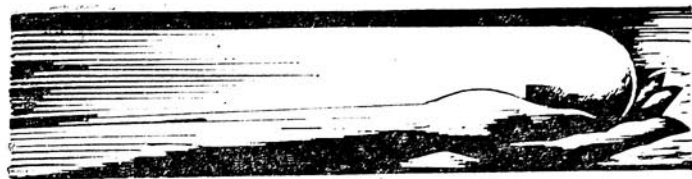
«Ну вот и он, мой сад хваленый!
Смотри, любуйся, дорогой!»
Под золотистой луной
Пред Алияром — сад зеленый...

Но ты, садовник изумленный,
Но ты что скажешь, малOVER?
В саду — не сон, а в самом деле —
Давно уж притаясь сидели
Твоя Айгюн, твоя Улькер!

Ты одолел страстей науку,
Тебя твой труд преображал,
И каждый новый день разлуку
К счастливой жизни приближал!..

Бушуют ветви... Теплый ветер...
(Да, можно — если угадать,
Что чувство истинное встретил, —
Таланты чувств на этом свете
И не на сцене увидеть!)
Улькер кричит...
И к Амирхану
На грудь бросается она...
Айгюн описывать не стану —
Стоит, от радости бледна.
Смущен и слез не унимает
Наш Амирхан:
«А все же... сон!..»
Смеясь и плача, обнимает
Семью вернувшуюся он...
Мы их оставим у порога
Счастливой жизни. Им — туда!
И предо мной опять дорога
Мечты, раздумий и труда...

1950 — 1951

ЗНАМЕНОСЕЦ ВЕКА

*Тысячелетия в оковах чакла
Жизнь человека, разум и любовь!
Смерть ликовала. Издевался нагло
Свирепый мир хозяев и рабов.*

ПРОЛОГ

Жрецы, султаны, кесари и шахи
Прошли по нашим скованным телам.
Сердца нам раздирали пополам
И шли по нашим скованным телам.

Молись, покорствуй, почитай, что свято!
Есть где-то рай, но есть и страшный ад.
Ты вечный раб и узник шарията,
Склони же долу потускневший взгляд...

А где-то сорок сороков трезвонят,
И сушит мозг потусторонний бред.
А где-то смертных на молитву гонят,
К небытию зовет их минарет.

Любовь грешна. Для сердца нет отрады.
В слезах Меджнун. В отчаянье Лейли.
Повсюду частоколы и ограды.
Закон грызет, как червь ползет в пыли.

Там пирамиды, тут сторукий Будда.
Они людских не слышат голосов.
Все боги, все священники как будто
Людское сердце взяли на засов.

И крылья мысли светлой и воздушной
Бессильно в землю врезались навек.
Безжизненный, бессмысленный, недужный,
В цепях плетется к смерти человек.

Шли божества над миром — сотни сотен
Воспетых в гимнах, в сказах для детей.
Но связан был с землей и был свободен
Отважный сын Фемиды — Прометей.

Украл он у Зевеса-громовержца
Живой огонь и людям дал его,
Любовью пламенеющего сердца
Хотел согреть живое существо.

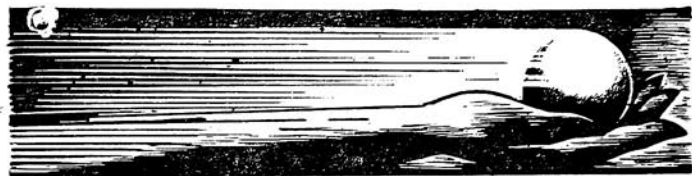
Он повелел, чтоб стрелы мирных молний
Спустились наземь в ласковых лучах,
Благим огнем пещерный мрак наполнил,
И вспыхнул человеческий очаг.

Тираноборца боги невлюбили,
И вынесли жестокий приговор,
И ржавыми цепями пригвоздили
Мятежника среди Кавказских гор.

В груди его заледенела вьюга.
Дрожал Кавказ от голоса его.
Остался он без спутника, без друга.
И было все безлюдно и мертво.
И тяжесть тысячелетнего недуга
Легла бессмертьем на плечи его.

Но что могло сломить сопротивленье
И гордость Прометеева чела?
Прошли тысячелетья без числа.
Сменялось поколеньем поколенья.
Он ждал свободы. С ним земля ждала.

Он всматривался в сумрак, и метался,
И тщетно расточал свою любовь.
Жизнь Прометея кончилась. Остался
Свирепый мир хозяев и рабов.

ПЕРВАЯ ГЛАВА

*Мы шли года и сотни лет подряд, —
Мы, наше имя — Пролетариат!*

Рожденные в лачуге иль в подвале,
На мрак, а не на свет обречены,
Еще и слов людских мы не знали,
Но с колыбели в муках изнывали.
И только стоны были нам слышны.
И были мы на мрак обречены.

Мальчишкам иль девчонкам — кто бы
ни был, —

А то и близнецам — грозит беда.
Всех этих бедных крошек череда
Узнает голод, нищенство и гибель,
Рахит, чахотку в ранние года.
В могиле мать. Отец без вести выбыл.

Оторванный от материнской груди,
Не вскормленный родимым молоком,
Любой из нас, едва он вышел в люди,
С одною нищетою был знаком.

А дальше что? Нужда, сиротство, голод —
Вот спутники твои, так повелось.
И будь ты трижды жив и трижды молод,
Тоска в груди да право горьких слез —
Вот спутники твои, так повелось.

Худым быком, сохою деревянной
Вписали деды в землю скорбь свою.
Их волосы седали слишком рано.
Гроза и дождь грозили их жилью.
Они вписали в землю скорбь свою.

Помещики нас избивали плетью.
В домах нет хлеба, на току — зерна:
Глухонемыми были мы столетья.
Пройдет зима, за ней пройдет весна —
В домах нет хлеба, на току — зерна.

Ташилась к смерти череда глухая.
Лихая ноша гнула нам хребет.
А господа, в чертогах отдыхая,
Наш пот кровавый пили, как шербет.
И снова ноша гнула нам хребет.

* * *

Огромен этот мир. Для нашей пашни
Людская власть и дюйма не дала.
Таков закон — звучит припев всегдашний,
Когда соху отнимут иль вола.

Калечили, пытали, избивали
По тюрьмам, по задворкам городским.
И сила рук, и сила дарований
По фабрикам пошла и мастерским.
Мы силу рук за деньги продавали,
Чтобы хоть дети выросли в подвале.

Мы строили заводы, города,
Как медь расплавясь в зареве багровом.
Зловещий дым сопровождал всегда
Наш день и нашу ночь под звездным кровом.
Меж тем как обрастали господа
Блестящим жиром, мрамором дворцовым,
Нас сторожила на земле беда,
Душила нас объятием свинцовым.

Калечили нас фрезеры и пилы,
Живьем сжигали в жерлах всех печей.
Мы воздвигали всех веков стропила,
Но не остались в памяти ничьей.

Росли машин железные сцепленья.
Чем больше их, тем меньше хлеба нам.
Так шли в ничто и гибли поколенья.
Нет солнца нам, не видно неба нам.
Все искры всех кузнечных наковален
У нас в глазах остались и горят.
Нас в прошлом веке чернью называли.
Но наше имя — Пролетариат.

* * *

Молчать нельзя! И мы не промолчали,
Меч из ножен однажды обнажив,
Бессильные и робкие вначале,
Мы крикнули: «Откликнитесь, кто жив!»

По площадям, по перекресткам улиц,
Восставшие, мы знамя пронесли.
Мы бесконечным строем развернулись,
В крови, в лохмотьях, в пламени, в пыли,
Мы шли года и сотни лет подряд, —
Мы, наше имя — Пролетариат!

Сапожник Пьер Тренго был коммунаром,
Когда в Париже, в предрассветный час,
Впервые встал в самозабвенье яром
Над бандой торгашей рабочий класс.

Варлен, и Делеклюз, и сотни сотен
Рабочих с красным стягом вышли в бой.
Их лозунг прост, и прям, и благороден,
«Мы в правой битве жертвуем собой.
В огне погибнет, может быть, Коммуна.
Но знаем мы в рассветный час кануна,
Что после нас не кончен правый бой».
Расстрелян был Тренго среди собратьев,
И у стены, отваги не утратив,
Сказал он: «Я бестрепетно паду.
Я жил и вырос рядом с баррикадой.
Прощаясь с жизнью, пожалуй мне надо,
Что я не с баррикады в смерть иду...»

И скрылся в тучах призрак революций,
Бродивший по Европе в те года.
Рыдает время. Реки крови льются.
История учена и седа.

* * *

И снова в неисчерпном становленьи,
Как волны, как зеленая трава,

Рождались мы. Рождались поколения,
И жажда жизни в нас была жива.

Нам нет конца. Живые волны льются.
Мечты отважно в будущем парят.
Жить! Вечно жить! Усилились стократ
Мы, рядовые славных революций, —
Мы, наше имя — Пролетариат.

ВТОРАЯ ГЛАВА

*Рабочие, крестьяне и солдаты
Сломали мир хозяев и рабов.
Им Ленин дал и ярость, и любовь
И путь открыл. И с этой славной даты
Разрушен мир хозяев и рабов.*

На ранних зорях будущего века
Маркс огневые буквы начертал,
И, как призыв к отваге человека,
Он создал «Манифест» и «Капитал».
Раскрыл глаза нам, воспитал сознание
И поручил нам дело созидания.

Расплылся в ясных солнечных лучах
Туманный сумрак Гегеля и Беркли...
Кладбищенские призраки померкли.
Бесплотный дух святителей зачах.
Мы точным нашим знаньем опровергли
Небесный рай в иконах и свечах.

Нам матерью родной была природа,
А власть богов была, как смерть, мертва.
Поэзия, и разум, и свобода
Не выдумка, не тщетные слова,
А хлебный колос на земле народа!..

И мы росли, мужая год от года,
Как волны, как зеленая трава.
Мы шли вперед, чтобы добыть народу
Все революционные права.

* * *

Вот русская земля — леса и степи,
В снегу деревни, в дыме города, —
Она проснулась, разбивая цепи
Самодержавной власти навсегда.
И от Кавказа до Сибири снежной
На голос Ленина, на клич мятежный
Шли полководцем армии труда.

Но были мы одни в огромном мире,
Ни помощи, ни света не нашли.
Враги восстанье наше разгромили,
Пытаясь нас стереть с лица земли.
Но мы не захлебнулись в лютой муке,
И в кандалах мы простирали руки
К свободе, к жизни. Мы как волны шли...

* * *

Далекий день возник передо мною:
Шесть лет прошло, как век наш родился.
Байкал. Мороз. Молчанье ледяное.
Погаснет солнце через полчаса.
Не тени к фонарям метнулись тусклым
Под хлесткой плетью вьюги снеговой —
Шесть человек встают под небом русским,
Шесть храбрецов конец встречают свой.

Шесть коммунистов встали перед взводом.
Ни вдоха, ни отчаянья, ни слез.
Шести сердцам под мгlistым небосводом
В последний раз забиться привелось.

Спокойным шагом, верный сын народа,
Иван Васильич Бабушкин прошел.
Он жил всего тридцать четыре года,
Но шаг его так грозен и тяжел.
Так лоб изрыт морщин глубоких сетью,
Как будто он все книги всех столетий
В течение краткой жизни перечел...
И вспомнил он о родине любимой,

И сердце бьется непоколебимо, —
Он знает, что прекрасный путь прошел!
В последний раз он посмотрел на землю,
На облака, на ледяной Байкал.
Проснулась жизнь, его дыханье внемля,
И свет от глаз лучистых засверкал.

И в сердце у него встают, как волны,
Все люди, все живые существа.
И, присягая знамени безмолвно,
Он знает, что история жива!

Вот шестеро идут. Вот застывает
Пар изо рта, метелью продышав.
Свинцовый воздух в горле застревает.
Но шестеро идут. И грозный шаг,
Как грозный гул восстанья, назревает,
И в царских отдаётся он ушах...

Вот шесть живых — шесть кряжей снеговых,
Шесть человек — шесть полноводных рек.
Идут на казнь без трепета в груди,
И Бабушкин — как знамя — впереди!

И зеленея и желтея в страхе,
Заботкин, царский офицер в папаше,
Беснуется, выказывая прыть.
Он от усердия весел и неистов.
Он для шести мятежных коммунистов
Солдатам приказал могилу рыть.
И те глядят на офицера молча.
И раздаётся хриплый голос волчий,
И произнесена команда: «Пли!»
Задумались солдаты на секунду:
У них в глазах тревога брезжит скудно.
Вновь офицер командует им: «Пли!»
Да он совсем охрип от ночи вьюжной...
И вскинута винтовка так недружно,
И так бессильно пули в снег легли...

То ли сплит глаза солдатами ветер.
То ли их пальцы стужею свело,

То ли фонарь на станции не светел,
А может быть, еще не рассвело?

Взгляд шестерых пронзал ночное небо
И пелену полуночного снега.
И взгляд их выражал не боль, не страх,
Он говорил: «Пусть наша кровь прольется,
Она и в вашем сердце так же бьется.
Наш смертный враг — и вам он тоже враг».

Заботкин крикнул «пли», и по приказу
Вновь вскинуты винтовки, да не сразу.
Вновь грянул залп «за веру, за царя»
Недружно, и нескладно, и нелепо...
Минут пятнадцать длился тот свирепый
Дастан о смерти, пировавшей зря.
Не знала смерть, что кровь шести казненных
В другое время, среди трав зеленых
Взойдет, цветами алыми горя...
В ту ночь, когда в сибирской лютой стуже
Кровь пролилась, шесть звезд померкло тут же,
Но загорелась все-таки заря.
В ту злую ночь январскую известье
В Санкт-Петербург летело с вьюгой вместе,
И крепок был спокойный сон царя...

А Ленин так и не уснул до света,
Пока всей страшной правды не узнал,
Пять лет прошло, — про злодеянье это
С горячим гневом Ленин рассказал:
«Когда бы не росли такие люди,
Как Бабушкин, — в холопстве и бессудьи
Народ России вечно б изнывал».

* * *

Мы продолжали жить растущей мощью,
Как волны, как зеленая трава,
О светлом дне мечтали черной ночью,
Но солнце насыщало нас едва.
А жизнь была не точка — многоточье,
Так жажда жизни в нас была жива,

Так жаждал жизни молодой рабочий,
Так ждал борьбы, победы, торжества.

От наших грозных криков: «Дайте хлеба!» —
Тряслась громада Зимнего дворца,
Царь прятался, и, покидая небо,
Сгорали боги в нимбах багреца.

Потоки нашей крови непрестанно
Шатали тюрьмы, раздвигали тьму.
Живые строки нашего дастана
Понятны человечеству всему.

В дастане том, в любой главе обширной
Моей страны горящий почерк есть.
Пока летит земля стезей эфирной,
Ты можешь эти строки перечесть:
Останется в истории всемирной
Число народной славы — Двадцать Шесть.

* * *

Сто раз трава зеленая завяла,
Сто раз сгущались тучи, нам грозя.
Но солнце землю светом заливало.
Смотрели в завтра Ленина глаза.
В Сибири, в ссылке, в стуже небывалой
Сто погибало — тысяча вставала.

* * *

Как буревестник с выси небосвода
Бросается на грозный вал морской,
Так осенью семнадцатого года
На штурм земли и неба шла свобода,
На битву поднимался род людской.

Настал Октябрь семнадцатого года.
По улицам шли толпы без числа.
И Партия шла впереди народа
И наше Знамя Красное несла.

И бросил лозунг всей России Ленин:
«Для нас подобно смерти промедленья!»
И грянул гром «Авроры» над Невой.
Народ, ты поднял гневный голос свой:

«Здесь, в Питере, рабочий сбросит иго,
Великий совершив переворот.
Здесь Лениным написанная книга
Планету нашу к счастью поведет!».

И лили сталь для пушечных снарядов
В путиловских литейных старики.
И командиры боевых отрядов
Шли с песней в бой, отважны и крепки.
Когда же солнце встало над Россией,
Зажмурились, попрятались иные,
На мрак надеясь, солнцу вопреки...

Тряслись низкопоклонники Европы,
Им ненавистен был рабочий класс.
Та банда Марксом некогда клялась,
Но только ярость самой низкой пробы
Она швырнула на рабочий класс.
Тряслись министры. В недрах их утробы
Урчало: «Господи, помилуй нас!».
Тряслись «социалисты» мелкой пробы,
Что в руки власть берет рабочий класс.

То был Ноябрь семнадцатого года.
Шли к Смольному солдаты без числа.
И Партия шла впереди народа
И наше Знамя Красное несла.

Рабочие, крестьяне и солдаты
Сломали мир хозяев и рабов.
Им Ленин дал и ярость и любовь
И путь открыл. И с этой славной даты
Разрушен мир хозяев и рабов.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

*Мы продолжали жить и возмужали,
А время только мчалось нам вослед.
И с каждым годом, что мы провозжали,
Мы обгоняли время на сто лет.*

Разрушен! Но и в судороге смертной,
Отчаянем и злобой обуян,
Он шел на нас всей шатией несметной
Разбитых фабрикантов и дворян.

Кулацкие последыши недаром
Хлеб зерновой сжигали в закромах.
И тем сильнее в самозабвенье яром
Был наш ответ, наш праведный размах.

Босые, полуголые, без хлеба,
Мы грелись жаром гнева и любви.
Снег сыпался с безжалостного неба
И таял в человеческой крови.

Наш враг жирел от крови и, зверея
Несчитанными сотнями смертей,
На наших пепелищах руки грея,
Расстреливал старух, душил детей.

Высок наш подвиг на путях кремнистых, —
Мы помним все, мы помним о другом —
О комсомольцах и о коммунистах,
Сожженных и замученных врагом.

Косил сьпняк, косил свинец в окопе.
В любой душе утраты жгучий след.
До сей поры не меркнет память, копит
Железный счет давно минувших лет.

Четырнадцать нас армий обложили,
Душили нас тупым кольцом блокад.
Мы не сдались. Мы выжили. Мы жили.
Нас пушечный не оглушил раскат.
Мы нашей правде до конца служили,
Мы штурмовали небо с баррикад!

Мы шли сквозь пламя и сквозь дым пожаращ,
Сквозь вьюгу и сквозь оружийный шквал.
И падающий впереди товарищ
«За власть Советов!» — крикнуть успевал.

Глаз не сомкнув в течение долгой ночи,
Ждал Ленин срочных телеграмм с фронтов.
На Волге, в самом грозном средоточье,
Был Киров на последний бой готов.

Наш натиск нарастал. И все теснее
Казался мир для белого зверья.
Шла Партия со знаменем. И с нею
Шел весь народ. И, над землей горя,
Росла, цвела победная заря!

А интервенты гибли, задыхаясь,
Четырнадцать держав текли назад,
Все по дороге превращая в хаос,
В огонь, и пепел, и в крошечный ад.

Враг погибал, но в судороге смертной
Еще мечтал, что завтра обновит
Потрепанную силу, и усердно
Враг принимал иной, учтивый вид.

Враг ненависть припрятал и, живучий,
С оружием смертельным под полой,
Терпел и выжидал — на всякий случай —
Не брезгуя ни сумраком, ни мглой.

Сто раз готовый клясться нашей жизнью,
К людским сердцам дорогу он искал.
Он сытно ел и пил у нас в отчизне,
И подсыпал отраву в наш бокал.

Сто раз менял фамилии и маски.
Раздобывал фальшивый партбилет.
И столько раз он избегал огласки
И прятался от правды столько лет!

Вор, взяточник — как ни был он неистов, —
Но выглядел ягненком иногда,

И, тайно клеветца на коммунистов,
В своей личине прятался года!

* * *

Но есть закон в огромном мире этом,
Что, как бы подлость ни была подла,
Все ж перед солнцем, перед ярким светом
Должна исчезнуть всяческая мгла:
Всем темным силам, всем глухим клеветам
Да будет наша бдительность ответом, —
Она нам зренье острое дала!

Подлец раздавлен. Вот он, на коленях.
Но нет! Последней, смертной лжи не верь!
В слезах, в паденье, в жалостных молениях
Как он себя ни обнажи, — не верь!

Той жгучей раны, что тебе нанес он,
Не забывай, она еще болит.
Да будет суд наш справедлив и грозен, —
Так совесть человечества велит!

* * *

Мы продолжали жить и возмужали,
А время только мчалось нам вослед.
И с каждым годом, что мы провожали,
Мы обгоняли время на сто лет.

Горды трудом и трудовой славой,
Мы продолжали к счастью полет,
Не уклонялись влево мы, ни вправо,
Смотря глазами Ленина вперед!

Народам, что судьбу свою связали,
Миллионам рук, что серп и молот взяли,
Ты знаменосцем, Партия, была!
Ты в нас вдохнула мощь и благородство,
Тебя благодарю я за народ свой, —
Ты ясный лозунг каждому дала!

То рядовой, то полководец мудрый,
То инженер над чертежом машин,
Ты юность революции, ты утро,
Ты взлет мечты над гребнями вершин.

Ты — как художник, чьи картины стали
Красивейшим из всех земных убранств.
Ты — как мудрец, чьи мысли заблестали
Светлей и шире мировых пространств.

Ты — как поэт, чьи мощные поэмы
Все люди, словно песню, затвердят.
Твои глаза — и это знаем все мы —
В далекое грядущее глядят!

Твоей мечты источник животворный
Сулит нам новый, полный счастья век.
Ты прорубаешь путь в теснине горной,
В пустыне прорываешь поймы рек.

И снова молодое поколение
Из края в край идет вслед за тобой,
Осуществляя времени веленье.
И тот, кто чист и честен пред тобой,
Не поникает гордой головой!

В любом углу страны, в любом селенье,
На волнах, в бездне неба голубой
Клянемся мы тебе, склонив колени
Пред знаменем твоим, зовущим в бой!

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

*Прошли года, не зная замедленья.
У нас в сердцах их легендарный след,
На всем краснознаменном поколенья
Ты узнаешь черты великих лет.
На всех на нас их легендарный след.*

Росли ребята, юноши старели,
И время старше стало и мудрей.
Земною славой небеса горели,

И в сказках, и в поэмах тесно ей.
И время старше стало и мудрей.

И каждый год, хоть он и не вернется,
Он вечен как создание наших рук,
Он в верности грядущему клянется,
Он песнями звучит, как верный друг.
Он вечен как создание наших рук.

Не на перинах нежились, жирея.
Не опочив на лаврах ни на миг,
Мы к старости становимся мудрее,
Как главы жизнью сочиненных книг.
Сухую степь дождями изменяя,
Меняя карту целых областей,
Мы жили, чтобы молодость земная
Не гибла от безвременных смертей.

Из камня, из песчаника простого
Мы строили волшебные дворцы,
Проснувшись раньше утра золотого,
На вахту мы вставали, как бойцы,
Искали нефть и скважины бурили
В объятьях шторма, среди волн морских,
В пустыне жизнь цветущую творили,
Растили новый хлеб, писали стих.

На лицах снежных зим и весен нежных
Сияла яркая заря.
В глазенках у младенцев безмятежных
Сияло солнце, радость нам даря,
Сияла яркая заря.

Так мужество цветами разблесталось.
Ни нищих, ни голодных не осталось.
Как вор-грабитель, черная нужда
Ушла с котомкой в ссылку навсегда.
Ни нищих, ни голодных не осталось.

Перо, ланцет, и молот, и кетмень,
Добыв богатство, создавали славу.
Казах, грузин, и русский, и туркмен

Плечом к плечу, как равные по праву,
Добыв богатство, создавали славу.

Под тем же солнцем ели хлеб насущный
И пили воду родины своей.
Поход был дальний, путь — земной, воздушный,
В пролетах туч, по рывтинам морей.

Тепло одной любви соединило
Полярный лед и южные пески.
Одно родное знамя осенило
Все наши корабли и все полки.

С одною мыслью и с одною страстью
Творили миллионы наших рук:
Чужое счастье — это наше счастье.
Чужой народ — нам не чужой, а друг!

Честны сердца у «желтых» и у «черных».
Товарищ — лучше слова в мире нет!
В чужих морях, на дальних высях горных
Сиял нам славный ленинский завет.
Товарищ — лучше слова в мире нет.

Не зарясь ни на чьи права и земли,
Мы дальним странам посылали свет,
И, нашим песням о свободе внемля,
Запел колониальный мир в ответ.
Мы дальним странам посылали свет.

И каждый год, хоть он и не вернется,
Он вечен как создание наших рук.
Он в верности грядущему клянется
И песнями звучит, как верный друг.
Он вечен как создание наших рук!

ПЯТАЯ ГЛАВА

*Суровых дней знавали мы немало,
Когда все гасло в окнах и домах,
И только сердце храбро поднимало
Свой огонек, трепещущий впотьмах.*

Гроза металась космами седыми.
Шла гитлеровцев черная орда.
Земля рыдала, задыхаясь в дыме,
Горели села, гибли города.
Шла гитлеровцев черная орда.

Колоннами шли танки, пригибая
Леса и рощи к выжженной земле.
Пять весен твердь скрывалась голубая.
Пять зим росли развалины в золе.
Леса пригнулись к выжженной земле.

Ввалилась грудь земли испепеленной.
Померкло солнце, звездный свет погас.
Шли «мессершмитты», грохотал фугас.
Суда тонули в кипени соленой.
Померкло солнце, звездный свет погас.

До сей поры печаль сердца терзает:
Как много гибло недочтенных книг,
Как много недописанных — кто знает!
Как много перьев, превращенных в штык,
Несозданных и непроченных книг!
Сгорали целые библиотеки
И памятники — нету им числа.
Но мать, осиротевшая навеки,
Достоинно скорбь свою перенесла
Перед лицом погибших без числа!

Отрезанные напрочь друг от друга,
Мы знали боль бесчисленных утрат.
Нужда и голод выросли стократ.
Нет свадеб, нет семейственного круга,
Одна лишь боль бесчисленных утрат.

Мы не бежали, нет, мы отступили,
В крови, в огне, без отдыха в бою.

Одним терпением веру мы крепили
В победу неизбежную свою.
И снова бой! И снова мы в бою!

Страшны дороги. Тяжелы сраженья.
И в сердце и в глазах заледенев,
Горит один неутоленный гнев,
И весь народ, вся армия в движении,
И в каждом сердце ненависть и гнев!

Враг подорвал мосты, но переправы
На волны рек ложатся тем верней.
И каждый бой, кровавый бой и правый,
Вошел в дастан великих этих дней.

Шли танки и орудья шли недаром.
Со дна могил опять вставали мы.
Дыханье наше животворным паром
Растапливало смертный лед зимы.

Горячим телом доты затыкая,
В пучину рек бросаясь с головой,
Росла и крепла молодость такая,
Что в поколеньях след оставит свой!

Шли по земле, но штурмовали небо
Непобедимой армии ряды.
И пионер, и взрослый, кто бы ни был,
Ее работой праведной горды!

В крови оружие каждого солдата.
Свинцом нависла неба синева.
Но каждый миг, но каждой битвы дата,
Но каждый, в ком душа еще жива,
Все говорит: «Есть Родина. Москва».

Горячий ветер в щелях мертвых зданий.
Несжатый хлеб. Пожухлая трава.
Бессонница напрасных ожиданий.
Но в полном мраке слышатся слова:
«Есть Партия родная. Есть Москва».

Три года длится черная блокада.
Ревет и бьется пленная Нева.
Обледело сердце Ленинграда.
Но в сердце память Ленина жива.
Есть Партия родная. Есть Москва.

Враг отступает, стервенея люто.
Жизнь на земле затеплилась едва.
Все небо в ярких заревах салюта.
Гордись, народ, достигший торжества,
Есть Партия родная. Есть Москва.

Горит рейхстаг, и Гитлер пьет отраву.
Пуста берлога хищников, мертва...
И все народы мирные по праву,
Все повторяют гордые слова:
«Есть Партия родная. Есть Москва».

* * *

Детей Европа больше не хоронит.
Выходит к свету Азия из тьмы.
А время вскачь коня лихого гонит.
И знаменосцы века — это мы!

И Азия под знаменем багровым,
Единственным, священным и для нас.
И Африка — в борении суровом —
Встает, тому же знамени клянясь.

И звезды Филиппин и Сан-Франциско
С тоской глядят на звездный свет Москвы.
И наше небо Индостану близко,
Как волны Ганга в блеске синевы.

Сожженный душным зноем и зовущий
Всю Африку в неотвратимый бой —
Вот абиссинец, знаменем несущий
Кровавую рубаху над собой.

Аравитянка дряхлая под пальмой
К аллаху, к небу возводила взор,

Но на земле, иссохшей и печальной,
Ткала с портретом ленинским ковер...

Сыны Дуная, венгры и румыны,
Низвергли мир хозяев и рабов.
За океаном выпрямляют спины,
Выходят в битву негры-исполины,
Чтоб свергнуть мир хозяев и рабов.

Могучий голос Робсона тревожит
И окрыляет пылкие сердца.
Простая песня путь себе проложит,
Услышат люди смелого певца.

Идут года, не зная замедленья,
У нас в сердцах их легендарный след.
На всем краснознаменном поколенье
Увидишь ты черты великих лет.
У нас в сердцах их легендарный след.

* * *

Друг! Эти дни не пролетели мимо.
К родной земле всем сердцем припади,
Не верь божбе врага неутомимой,
Не забывай о бедах позади.

Ничто, ничто не пролетело мимо,
Так бдительно в грядущее гляди!

Не испытай любви в короткой жизни,
Погибший юноша-солдат встает
И говорит: «Не коршун там плывет.
Седой туман рассеялся в отчизне.
Не опускай лица на нашей тризне.
Гляди, товарищ, бдительно вперед!

Дастан написан нашей кровью славной.
Прочти его, все строки перечти.

Не дремлет враг, давнишний и недавний.
Встань на его извилистом пути,

Встань у порога родины державной
И бдительно в грядущее гляди!

Пусть каждый день отвагой новой блещет.
Пусть горный кряж, как крепость, он берет.
Пусть грудь стальная в страхе не трепещет.
Пусть каждый день в грядущее зовет,
И на груди, как голубь мира, плещет.
Гляди, товарищ, бдительно вперед!»

ШЕСТАЯ ГЛАВА

Привет грядущим дням!

Читатель! Как поэму, ты листаешь
Грядущее народа день за днем
И с каждым днем прочтенным вырастаешь,
Едва увидел правду века в нем.

Сплелись, как руки дружеские, реки,
Слились, как реки, дальние моря,
Солончакам, исчезнувшим навеки,
Сулит расцвет неслыханный заря.

От Каракумов до Кубани хлебной
Перед глазами пахоты легли.
По глади вод стезей великолепной
Морские проплывают корабли.

От Балтики до Каспия — прямая
Легла дорога. Встретились моря,
Друг друга с полуслова понимая,
С Краснознаменным флотом говоря.

И Дон, и Днепр, и Волга загорелись
Гирляндами светильников живых.
Ты сам, читатель, создал эту прелесть —
Дозорный свет огней сторожевых.
В подземных шахтах, в их глубинных недрах,
В тоннельных трубах, на путях метро
Снопы лучей, столбы сияний щедрых
Раскинулись волшебю и пестро.

Электропровода рождают утро,
Жнут хлеб, доят коров, идут дождем, —
Как будто время выросло, как будто
Полна значенья каждая минута,
И свиток молний на земле рожден...

Жнецам и сеятелям-великанам,
Здоровой мощи их сердце простых,
Легка работа, как легка рука нам, —
Окончен век лопат и век мотыг.

Пир начался. Открылись чаши лилий,
Звенят цветов живые пиалы.
Мы пиром землю-мать развеселили,
Почтили словом нашей похвалы.

Не скудное творенье рифмоплета, —
То целый мир объятья нам раскрыл,
То гуси в снежном вихре перелета,
То вольный шелест лебединых крыл.
Кипенью рек, их озаренной пене
Завидуют и звезды и луна.
Дни и года стремятся в нетерпенье
Вперед и дальше, — чаша их полна!

Свет! Большой силы нет во всей вселенной!
Нет! Солнце — не украшенный кумир!
Свет — это мысль, дорогою нетленной
Мгновенно облетающая мир.
Мысль превращает засухи вселенной
В сиянье света, в каждодневный пир!

Мой край родной, земля моей отчизны
Зввалась в былых веках Страной огней,
Но грустно, что тускнели очи жизни:
Ширван был беден, Миль — еще бедней...
Внутри себя горевшие без жизни,
Дни и года гостили здесь на тризне,
Не озаряясь вспышками огней.

В подземном мраке спавшие селенья
Не знали вдоволь света и тепла.

В руках Коран, а на устах моления —
Так старость деда моего прошла.
И спал он, и тахта жестка была.
Так бабка, так и мать моя жила.
Не знало свеч и лампы поколение, —
В Стране огней господствовала мгла.

Пойдем со мной, и разгляди сиянье —
Ширвана и Мугани яркий свет, —
То нашего народа достоянье,
То Ленина исполненный завет,
То Партии свершенное деянье.

Ушли под землю, прячутся гадюки
На берегах Аракса и Куры,
И клевера зеленые ковры
Привольно расцвели на нашем юге.
Исчезли тростниковые лачуги,
Возникли полукруглых арок дуги,
Дома из камня, светлые дворцы.

Все это — напряженный труд Востока:
Там, где росли колючие кусты,
Где солончак желтел и гнил жестоко,
Сегодня, как в саду, гуляешь ты.
Встают в равненье воинском чинары,
Как будто клятву родине дают.
И ветер, всадник взмыленный и ярый,
На славу отдохнул в тени чинары,
Среди листвы нашел себе приют...

Снег на вершинах горных не растаял.
Но как прекрасен по утрам Ширван!
Прохладной ночи долгий отпуск дан.
Старик Мороз, ледышками блистая,
Как путник, заблудившийся в буран,
Лишь покряхтит, об отдыхе мечтая,
Он разомлел, от воздуха он пьян...
Весна бежит по зелени полян.

Ты так же, как и я, вдыхаешь ныне
Прелестный воздух завтрашнего дня!

На Мильской зеленеющей равнине
Цветы пестреют, ласково звеня.
Ты вправе никогда не знать унынья.
Сегодня праздник в доме у меня.
Да будет вечный свет в Стране огня!
Мингечаур работает отныне.

Читатель! Ты почувствуешь сейчас,
Как древен наш Баку, веков свидетель.
Вот он, от норда не смыкавший глаз,
В объятьях волн каспийских чист и светел.
Песка и пыли не приносит ветер.
Вот Апшерон тебя приветом встретил,
В зеленый шелк одетый и в атлас.
Да будет долголетней жизнь для вас!

Твои же руки это создавали!
Прошли года, взрослевшие с тобой.
Здесь крохотные саженцы вставляли,
Пока ты вел за будущее бой.
Земля, вода и воздух им давали
Ту силу, что накоплена тобой!

Друг! Посмотри, как радуется Каспий!
Протянут в море вышек караван.
Волна в молочной пене, в вечной пляске,
А на волне — весь звездный океан,
Весь блеск, все жемчуга арабской сказки...
Горят огни и, прежде чем пропасть,
На волнах отраженные, трепещут.

Нет! Это не огни на волнах блещут —
То сердца человеческого страсть
Снопам света протянулась к тучам,
То вдохновенье в поиске летучем!

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

*Идут года. Идет за веком век.
Все выше вырастает человек.*

Мне приходило в голову порою:
Как узок путь у моего труда, —

Сажусь, пишу стихи, поэмы строю,
И это удается не всегда.

Язык мой костенеет и немеет,
Когда к светилам близок звездочет.
Мечта взмахнуть крылами не умеет,
Когда пространство молния сечет.
Так отчего же таинства вселенной
Я жемчугом в стихи не нанизал
И целый мир, ученому явленный,
С поэзией в единстве не связал?
Мы знаньем недостаточно блеснули,
Свидетели отцовской темноты.
Умы у нас напоминают улыи,
Где соты кое-где еще пусты.

Но ищет полноты твое сознанье,
В стремленье бурном ринувшись вперед.
Простые руки строят мирозданье.
Ширь без предела за сердце берет.

И сколько завтра тем же самым людям
Высоких дел и славы предстоит,
Каких чудес мы очевидцы будем,
Что за богатство новый день таит!

Ведь каждая любовь под небосводом
Как горный склон в наряде цветников,
Где разум служит только садоводом
Прославленных мичуринских дичков!

Рабочий может скважины буравить
На промыслах иль шахтный ствол прорыть,
Но может он и в песне труд прославить,
Объятья человечеству раскрыть.

Крестьянин горд ветвистою пшеницей,
Но для него и сталь варить легко.
Стоит он перед славной вереницей
Профессий, уводящих далеко.

Он архитектор пред дворцом высотным,
Он композитор, создающий гимн,

Он тоже чувство доброе несет нам
И свой порыв передает другим.

Ученый, как поэт, в тревоге мудрой
Со звездами беседует в ночи.
Он сядет в новый самолет под утро,
Он знает столько климатов лучи!

* * *

Лишенный прежних почестей иль званья,
В унынье ты напрасно не впадешь.
Любить людей — вот светлое призванье.
В министрах был и в плотники уйдешь, —
От этого в унынье не впадешь.

Позволишь ты, чтобы судила совесть.
Тому, кто строже, чище и смелей,
Уступишь место и почет, готовясь
Проститься с прежней должностью своей.
Не возразишь тому, что скажет совесть.

Чем больше на земле у нас богатства,
Тем больше у людей добытых прав,
Надеть ли ситец, шелка ль домогаться, —
У каждого свой прихотливый нрав.

Намеренья благие — словно свечи,
Зажженные на свадебном пиру.
А злоба, фальшь и низость человечья
Напоминают гниль и мишуру.

* * *

Идут года... Как воронье, в тумане
Скрывается порочащая страсть,
Рука, что шарила в чужом кармане,
Глаз завидуший, злая волчья пасть,
Вся нечисть, обожравшая власть, —
Стихов моих неутолимый звон
Всех этих паразитов гонит вон!

Все, кто пролез по службе или втерся
В подвал казны, в амбар добра тайком,
Кто в пиджаке особенного ворса
Поладил с государственным пайком,
Ворюга, знаменитый мастер взяток,
Он может быть в речах умен и сладок,
Иль выглядит как сущий ангел он,
Но паразита мы прогоним вон!

Он в три дуги гсгбался перед сильным,
Над слабыми нахально хохотал,
Зловредный подхалим с лицом умильным
Давно казаться силой перестал,
Давным-давно народом заклеямен,
И паразита мы прогоним вон!

Мерзавцы с тощим мозгом, толстым брюхом,
Охочие до всякой похвалы,
Внимательные к самым мутным слухам,
Они бездушны к людям или злы.
Подобно трупным и навозным мухам,
Они облипли мед со всех сторон, —
Всех паразитов мы прогоним вон!

* * *

И вот, когда писал я строки эти,
Спросило сердце у меня: «Поэт!
Что для тебя неизбежно на свете?
В каком огне горишь ты столько лет?
Что ты мятешься, как волна морская,
К какому солнцу тянешься всегда?
Какая правда в мире, страсть какая,
Какая мощь неизбежно тверда?»
И вот в ответ затрепетала лира:
«Проходит жизнь и возникает вновь.
Но как огонь бессмертный в сердце мира,
Как верность наших доблестных сынов,
Звучит напев «Интернационала»,
Наш первый гимн, наш благородный гимн.
Хотя бы сто столетий миновало,
Он будет нашим гимном дорогим.

Мы долетим до лунного причала,
До дальних звезд — и наше знамя ало
Заплещет поколениям другим».

И вновь, пока писал я строки эти,
Со мной заговорило сердце: «Друг!
Сбывается надежда всех столетий.
Прислушайся и оглянись вокруг!
И гимн сложи о славе всенародной,
В честь Знаменосца Века твоего:
Есть Партия. Есть голос благородный.
Несет она народам торжество,
Несет свободу, счастье несет им.
Ведет народы к будущим высотам!»

* * *

Она вдохновляет и песню и труд.
Под знаменем славным народы идут,
Сдвигаются горы, пустыни цветут.
Еще раз и снова — Партия наша.

Она задушевных речей красота.
Заря, что над жизнью людской разлита,
Пусть речь наша будет сложна иль проста,
В ней главное слово — Партия наша.

Чистейшей, крепчайшей любви торжество —
Любовь к человеку и вера в него,
И этого утра и века всего
И смысл и основа — Партия наша!

Мильоноголосый живой ее ритм
Революционной силой горит,
И с каждым о жизни его говорит
Светло и сурово — Партия наша.

Пусть юным волнением вздымается грудь!
Внимай ее слову и верен ей будь!
То ленинский разум, то ленинский путь.
Еще раз и снова — Партия наша!

Идет она в твердом и слитном строю,
Грядущему страсть отдавая свою.
И тысячи ленинских строк — ее разум.
И тысячи глаз открываются разом.

Я тысячи юных сердец узнаю, —
Идут они в твердом и слитном строю.
Людских поколений слились голоса.
То наше единство и мужество наше!
А песня все шире, и выше, и краше.
С той песнею шаг миллионов слился!
И отзвук той песни везде раздался.
То наше единство и мужество наше!

1952

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

<i>Бехтияр Вагабзаде. «Можно ль песню из горла украсть?..»</i>	5
<i>«Здравствуй, родина-мать!»</i> Перевод В. Кафарова	13
<i>«Все! Хватит мудрым докучать...»</i> Перевод В. Кафарова	14
<i>«Меня постигла сызмала беда...»</i> Перевод В. Кафарова	14
<i>Клятва.</i> Перевод В. Кафарова	15
<i>«Пускай цветники и луга улыбаются...»</i> Перевод В. Кафарова	16
<i>Весенняя песенка.</i> Перевод Т. Стрешневой	16
<i>Матери.</i> Перевод Н. Сидоренко	17
<i>Новый мир.</i> Перевод Т. Стрешневой	18
<i>Движенье.</i> Перевод Т. Стрешневой	18
<i>Рапорт.</i> Перевод П. Железнова	20
<i>Голос поэта.</i> Перевод В. Кафарова	27
<i>О весне.</i> Перевод А. Адалис	28
<i>Кавказ.</i> Перевод К. Феоктистова	28
<i>Мать.</i> Перевод К. Липскерова	30
<i>Морское катанье.</i> Перевод А. Ойслендера	32
<i>Песня.</i> Перевод Р. Надеждиной	33
<i>Память.</i> Перевод Н. Асеева	34
<i>Смерть поэта.</i> Перевод М. Петровых	36
<i>Азербайджан.</i> Перевод А. Адалис	39
<i>Я вспомнил.</i> Перевод Т. Стрешневой	41
<i>Свободное вдохновение.</i> Перевод П. Антокольского	42
<i>А. С. Пушкину.</i> Перевод С. Иванова	47
<i>В честь Сабира.</i> Перевод А. Шпирта	49
<i>Песня счастья.</i> Перевод Т. Стрешневой	50
<i>Весна и я.</i> Перевод В. Кафарова	52
<i>Аксакал нашей поэзии.</i> Перевод А. Адалис	53
<i>Фиалка.</i> Перевод Н. Сидоренко	55
<i>Ашугу Гусейну.</i> Перевод С. Иванова	55
<i>Никчемный человек.</i> Перевод В. Сикорского	56
<i>Душонка.</i> Перевод Л. Белова	58
<i>Низами.</i> Перевод Р. Надеждиной	59
<i>Вероломный.</i> Перевод Л. Белова	59
<i>Двадцатая весна.</i> Перевод И. Оратовского	60
<i>Новый год.</i> Перевод А. Шпирта	63
<i>Материнское напутствие.</i> Перевод П. Панченко	65
<i>Сыну Азербайджана, Герою Советского Союза Исрафилу Мамедову.</i> Перевод П. Антокольского	67
<i>Партизанам Украины.</i> Перевод М. Светлова	69
<i>Встреча с Москвой.</i> Перевод М. Петровых	70

<i>Философия жизни.</i> Перевод Б. Пастернака	72
<i>Горы.</i> Перевод З. Александровой	74
<i>Товарищам из Дашсалахлы.</i> Перевод А. Адалис	74
<i>Привет, мой друг!</i> Перевод А. Адалис	76
<i>Мне рассказали... Перевод А. Адалис</i>	78
<i>Сердце.</i> Перевод В. Кафарова	81
<i>Слово о грядущем.</i> Перевод А. Адалис	88
<i>Четыре слова.</i> Перевод М. Петровых	90
<i>«Лекарства мне, лекарства мне!»</i> Перевод В. Кафарова	93
<i>Если даже вы и не придете!..</i> Перевод В. Кафарова	94
<i>Новогодний подарок.</i> Перевод К. Арсеновой	94
<i>Мой голос.</i> Перевод П. Панченко	95
<i>Одинокая забытая могила.</i> Перевод Г. Асанина	96
<i>Мое вдохновение.</i> Перевод В. Кафарова	100
<i>Рейхстаг.</i> Перевод П. Антокольского	101
<i>Статуя матери.</i> Перевод П. Антокольского	102
<i>Любовью продиктованные строки.</i> Перевод В. Кафарова	104
<i>Слава творцу!</i> Перевод А. Шпирта	105
<i>Тоска моста.</i> Перевод А. Адалис	107
<i>Радуйтесь, мои дети!</i> Перевод В. Луговского	109
<i>Тебе, Хавер.</i> Перевод С. Мамедзаде	113
<i>Смерть Эдуарда Мазе.</i> Перевод А. Жарова	113
<i>Последняя картина.</i> Перевод П. Антокольского	115
<i>Банкет.</i> Перевод П. Антокольского	117
<i>Баллада об Исламе Мамедове.</i> Перевод А. Жарова	118
<i>Могила Маркса.</i> Перевод П. Антокольского	123
<i>Весенние раздумья.</i> Перевод М. Петровых	124
<i>Есть и такие.</i> Перевод Т. Стрешневой	126
<i>Поэт, как рано постарел ты!..</i> Перевод К. Симонова	128
<i>Я не спешу... Перевод К. Симонова</i>	129
<i>Телогрейка.</i> Перевод К. Симонова	131
<i>На чужбине.</i> Перевод В. Кафарова	132

ПОЭМЫ

<i>Скамья смерти.</i> Перевод Д. Бродского	135
<i>Двадцать шесть.</i> Перевод Б. Соловьева	145
<i>Слово о колхознице Басти.</i> Перевод А. Адалис	153
<i>Негр говорит.</i> Перевод М. Алигер	163
<i>Читая Ленина.</i> Перевод П. Антокольского	171
<i>Айгюн.</i> Перевод глав 1—23 М. Светлова, глав 24—39 А. Адалис	181
<i>Знаменосец века.</i> Перевод П. Антокольского	255

Сәмәд Вургун
(Вакилов Сәмәд Јусиф оглу)

Ше'рләр və поемалар
Бақы — 1986

Редактор *Т. Гусейн-заде.*
Художник *Ш. Мамедов.*
Художественный редактор *А. Мамедов.*
Технический редактор *Н. Алиева.*
Корректоры *Т. Кязимова, Н. Шамиура.*
ИБ № 2500.

Сдано в набор 30.08. 1986 г. Подписано к печати
25.09. 1986 г. Формат бумаги 84×108¹/₂. Бумага
№ 1. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Уч. изд. л. 13,60. Тираж 150 000.
(1 завод 1 — 30 000). Заказ № 551
Цена 1 руб. 70 коп.

Государственный комитет Азербайджанской ССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
Издательство «Язычы». 370005, Баку,
площадь Натаван, 1.
Типография им. 26 бакинских комиссаров.
370005, Баку, ул. Али Байрамова, 3.

2

655396